

НЕВЛЯ

2 · 2004

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

- Нильс Кристи** Когда же, наконец, будет достаточно? 4
Алексей Мокроусов Тюремный романс 11

ЗА СТЕНОЙ. ЖЕНЩИНЫ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

- Людмила Альперн** Тюрьма – это путь в никуда 18
Елена Петровская Пространства наказания 27
Нина Силина Красиво сесть не запретишь 32
Ольга Морозова Женщина в тюрьме 39
Людмила Альперн Прекрасный остров Джудекка... 45
Екатерина Ковалева Мадам строгого режима 54

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ДОСРОЧНАЯ СВОБОДА

- Юрий Александров** Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания 90
Рекомендации ГУИН МИНЮСТ 100
Григорий Пасько Условно, очень условно... 109
Алексей Рафиев Удавка УДО 116

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ. В ОЖИДАНИИ КАЗНИ

Артур Кестлер Диалог со смертью	122
Виктория Сергеева Мир на пути к отмене смертной казни	141
Александр Бикбов Личное дело декана?	151
Погиб Ахмед Отмани	159

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Художник
Лев Михалевский
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи

Когда же, наконец, будет достаточно?

Учитывая, что преступление является бесконечным природным ресурсом, мы можем поставить некоторые вопросы, редко звучащие в открытую. Мы можем спросить: когда же, наконец, преступления будут достаточно, или же: когда преступления слишком мало? И – в качестве продолжения – когда же будет достаточно контроля карательного аппарата, иначе говоря: когда же количество стигматизированных грешников окажется удовлетворительным?

Насколько мы можем позволить разрастаться карательной системе, если она вообще нам необходима? Возможно ли установить верхнюю или хотя бы нижнюю границу количества наказания, которое должно быть применено в современном обществе? И, в конце концов, можем ли мы, работающие в этой области, повлиять на то, что в ней происходит?

Карательная система содержит в себе множество важных значений. Она дает информацию об основных чертах государства, частью которого является. О нацистской Германии, СССР, маоистском Китае ничто не скажет больше, нежели их репрессивный аппарат – их полицейские практики, суды, тюрьмы, лагеря и ГУЛАГи. В определенных случаях мы оцениваем государства по их карательным системам. Исходя из наших стандартов и ценностей, симпатий и антипатий, мы можем сказать, что происходит «не так» в каждом отдельном государстве, или же нам нравится то, что мы видим, и делаем соответствующие оценки.

Н. Кристи – криминолог с мировым именем. Публикуется фрагмент главы 8-й из книги «Приемлемое количество преступления», которая готовится к изданию в России.

Подобная оценка может касаться четырех основных пунктов.

Во-первых, это – *типы преступлений, на которые реагирует данное государство*. Некоторые режимы могут наказывать за те поступки, которые гражданами других государств не рассматриваются как преступления (например, политическая или религиозная оппозиция).

Во-вторых, это – *формы принятия решений*, когда рассматривается причинение страданий. Можно считать, что государство использует неприемлемые методы, если добивается признания под пыткой или способами, которые близки к пытке. Или же оно принимает решения без суда, без независимой защиты, в закрытых заседаниях или используя в качестве судей небеспристрастных людей – священников, масонов или офицеров армии.

В-третьих, это вопрос о том, *кому причиняется страдание*: в какой степени они являются представителями всего населения в целом, учитывая возраст, пол, расу, класс и т.п. Чрезмерное смещение тюремного населения в ту или иную сторону указывает на серьезные недостатки всей системы в целом.

В-четвертых, важным является вопрос *об объеме и формах наказания*. Чрезмерно большие сроки и особо мучительные формы наказания указывают на недопустимые неполадки в работе всей системы.

Именно объемы наказания и станут предметом рассмотрения в данной главе¹.

Вопрос, который я хотел бы здесь задать, очень близок к названию всей книги в целом – «Приемлемое количество преступления». Мы уже поняли, что именно социальная организация определяет, что же такое преступление. Отсюда вытекает следующий вопрос: возможно ли вообще установление *любого критерия*, по которому бы определялось достаточное количество наказания в обществе? И, соответственно, можно ли сказать, что одно государство лучше другого, исходя из объема наказаний? Точнее: значит ли, что государство с меньшим объемом наказания лучше государства, где этот объем больше?

Интуитивно нам представляется, что это весьма просто. Но мы можем столкнуться с фактами, перед которыми любые рациональные выкладки кажутся поверхностными. Как бы то ни было, гитлеровские концентрационные лагеря, созданные как фабрики смерти или рабо-

¹ Интересно отметить, что те государства, которые вызывают критику по третьему и четвертому критериям – объемам наказаний и чрезмерной численности тюремного населения, – чаще всего первыми критикуют государства, отклоняющиеся по первому и второму критериям – по типам преступлений и формам принятия решений.

тавшие только на уничтожение, никак не могут являться предметом обсуждения. Ситуация в Советском Союзе и долго после Второй мировой войны явно оставалась за рамками любых стандартов как и по количеству тюремного населения, так и по условиям жизни.

Но если обратиться к оценке количества заключенных и качества их жизни в наше время, то где же все-таки предел? И где этот предел перейден? Каков предел в современных обществах? Какова численность тюремного населения в определенной стране, когда интуиция говорит нам: «Это чересчур! Это неприемлемо!» А что считать условиями жизни, унижающими человеческое достоинство? Интуитивные ответы на эти вопросы у нас есть. Читатель этой книги, надеюсь, понял, как я отвечаю на эти вопросы в своей душе. Но есть ли возможность увязать эти интуиции с каким-либо типом рационального мышления?

Позвольте мне предпринять такую попытку, поставив на обсуждение три «если».

1. Если мы верим в такие ценности, как добро и прощение, – тогда система уголовного наказания должна быть как можно меньшей.

Мы, люди, большинство из нас, глубоко впитали основные понятия о том, что нам дозволено и что не дозволено в отношении других людей. Выражаясь в стиле Ч. Кули (1902), не повстречавшись с минимумом доброты и заботы, никто из нас не вырос бы, не превратился бы в человека.

Вот основные правила:

Будь добрым.

Не убивай.

Не пытай.

Не причиняй боли намеренно.

Прощение – выше возмездия.

Это – основные ценности. Не вдаваясь в подробности дискуссий о естественном праве, осмелюсь все же сказать, что эти ценности стоят вне дискуссии, они очевидны. И столь же очевидно, что наказание находится в противоречии с этими ценностями. Мы словно бы забываем, что такое наказание – намеренное причинение страдания другому. Наказание есть причинение боли, причем намеренное причинение боли. Наказание – действие, нарушающее гармонию базовых ценностей. «Око за око» – это ограничивающее положение, а не непременно требование. Наказание применяется повсеместно, оно повсе-

местно считается естественным, и тем не менее оно находится в противоречии с иными основными ценностями.

Причинение страдания – главная часть наказания даже в тех странах, где не применяются пытки и смертная казнь. Тюремным заключением мы не отнимаем жизнь целиком. Мы отнимаем некую ее часть. Пожизненным заключением мы отнимаем ее почти целиком. Или, как писал Зигмунт Бауман о тюрьмах с полной изоляцией заключенных: «Если не учитывать прием пищи и дефекацию, камеры этих заключенных можно принять за гробы».

Наказание – действие, нарушающее гармонию базовых ценностей. С этической точки зрения оказывается более предпочтительным общество, в котором количество наказания невелико. Пытка и казнь с давних пор рассматриваются как наказание. Сейчас в большинстве стран, чья культура сродни нашей, они отвергаются. Неприменение пыток и смертной казни в уголовной системе можно рассматривать как коронные драгоценности нашего государства. Это – наша гордость. Но ведь и тюремное содержание отнимает жизнь, пусть и не полностью. Тюремное заключение отнимает *большую часть* того, что принято считать жизнью. Тем не менее тюремное заключение не вызывает такой реакции, как пытки и смертная казнь.

По-моему, незначительное тюремное население в стране обладает теми же сакральными качествами, что и отсутствующие в ней пытки и смертная казнь. Просто дисгармония с базовыми ценностями становится менее явной. У этих ценностей появляется больше пространства. И когда им грозит опасность, мы должны менять условия, которые ставят их под угрозу. Но не менять сами ценности.

Итак, если мы верим в добро и прощение, мы должны сохранять карательную систему, целью которой является намеренное причинение страдания, на возможно более низком уровне.

2. Если мы убеждены, что ценности гражданского общества должны быть гражданскими,

– тогда мы должны поддерживать карательную систему на самом низком уровне.

Разумеется, нет ничего сложного, чтобы контролировать нежелательное поведение полицейскими акциями и последующими наказаниями. Это мне известно, так как я вырос во время оккупации. Норвежский флажок на воротнике вполне мог означать тюрьму. Когда носить флажок стало слишком опасно, его заменил бумажный – впол-

не подходящий символ для того, чтобы оппозиция продолжала чувствовать себя единой. Но оккупанты запретили и бумажные флажки, кое-кого арестовали, и в общественных местах их почти перестали носить. Или возьмем наше время: вождение автомобиля без ремня безопасности угрожает вашей жизни. Хорошо поданные в прессе и на телевидении истории с огромными штрафами привели к тому, что это требование стало исполняться почти всеми. Или: мотоциклисты обязаны носить шлемы. Неподчинение этому правилу легко проконтролировать – не бог весть какая нагрузка для полиции.

Наказание – тяжелое орудие. Граждан приходится принуждать к страданию. Эта цель требует власти. В культурах наших стран это означает выстраивание строгих правил контроля за применением власти и намеренным причинением страдания. Если гражданская жизнь регулируется смесью формальных и неформальных взаимодействий, уголовная система обязана подчиняться формальным правилам – чтобы защитить тех, кому причиняется страдание, и тех, кто его причиняет.

Взаимодействия между свободными гражданами и есть прототип гражданской жизни. Это может быть пояснено на самых простых примерах. Гражданское общество означает, что его члены, самостоятельные личности, не обязаны исполнять строго определенные и четко очерченные роли. Хотя первичный контроль может быть суров и даже чрезмерен. Но когда отношения становятся открытыми и, если можно так сказать, эгалитаристскими, контроль в определенной степени основывается на взаимности, как бы встраивается во взаимоотношения. Это может относиться и к домашнему насилию, когда формальный контроль неизбежен. Проблема уже заключается в том, почему так часто государственный контроль терпит неудачу, почему приходится искать альтернативные способы, такие как кризисные центры, совместные акции женских организаций и вмешательство соседей. «В субботу вечером она так страшно кричала, а полиция не вмешалась. Почему?»

*3. Если мы верим в то, что сплоченное, интегрированное общество – это ценность,
– мы должны замедлить рост карательных систем.*

Резкий рост карательных систем свидетельствует о серьезной угрозе идеалам социальной сплоченности и ассимиляции. Пока те личности, которые считаются девиантными и криминальными в своем поведении, немногочисленны, уголовное преследование и наказание могут служить сплоченности общества. Когда тюремное население

невелико, девиантность можно считать исключением. Всем известно, что исключения только подтверждают правила, а ненормальность только укрепляет понятие о нормальности. Но если тюремное население велико, то отклонение от нормы переходит в войну. Сплоченное общество с приносящими пользу аутсайдерами превращается в общество, разделенное на большие сегменты, что потенциально опасно для социального порядка в целом. В то же время для подвергшихся наказанию тюрьмы уже не становятся местом постыдным, они превращаются в обычные сферы социальной жизни.

Огромное тюремное население (здесь я отстраняюсь от Западной Европы) означает также большой отток молодых мужчин из маленьких городов, особенно из сосредоточенных там меньшинств. Для них перекрыты возможности нормального развития, создания семей и воспитания детей, для образования и оплачиваемой работы. Молодые женщины из провинциальных городков иногда сравнивают свою жизненную ситуацию с военным временем – так мало вокруг них молодых мужчин, так мало возможностей создать нормальную семью. А если такое кому-то и удастся, то очень часто семья разваливается, потому что мужчина оказывается в тюрьме. Кому-то, быть может, это и представляется приемлемым, но необходимо отдавать себе отчет, что в таких государствах создаются условия, которые в демократических странах практически невозможны.

Альтернативой социальной войне и массовому тюремному заключению, конечно же, является предоставление населению этих стран той доли, которая является обычной в других странах – образование, работу, участие в политической и культурной жизни. Наблюдающееся сейчас стремление ограничить тюремное население – это путь к дальнейшему развитию обществ.

Г-н Хальдван Кохт, бывший министр иностранных дел Норвегии и профессор истории, как-то сказал: «Строительство нашей нации было долгим процессом, в течение которого классовый патриотизм сменился патриотизмом национальным. <...> каждый раз, как возникал новый класс и выдвигал свои требования, казалось, что рождалась ненависть, и посеянное ею семя взорвет все общество. И тем не менее, когда низшие классы достигали своих целей, оказывалось, что общество приобрело новые масштабы и стало богаче, чем прежде».

Нильс Кристи, Кеттиль Бруун
**Удобный враг. Политика борьбы
с наркотиками в Скандинавии**
М., Центр содействия реформе
уголовного правосудия, 2004. 272 с.
Тираж 990 экз.

Поскольку общественная деятельность, связанная с проблемой наркотиков, чаще всего на практике является военными действиями, то и спорящие по этому вопросу обыкновенно упрощенно классифицируются в терминах военного времени. Если ты не с нами, то против нас, значит, ты сторонник наркомании. <...> Мы же не принадлежим ни к тому, ни к другому лагерю. В принципе, наша цель совпадает с целью политики противодействия распространению психоактивных веществ. <...> Ведь лучше быть участником, чем зрителем, эмоции, возникающие при проживании своей жизни, лучше купленных. <...> Но у нас есть и другие принципы, которые касаются человеческих и общественных ценностей. Борьба с психоактивными веществами не может вестись вне опоры на эти ценности.

Тем не менее мы не питаем никаких иллюзий относительно того, как общество воспримет эту нашу декларацию <...>. Войны – а в особенности войны против запрещенных наркотиков – ведутся с таким накалом, что становится и тяжело, и неудобно признавать право на существование других точек зрения. <...> Историки, конечно, могут себе позволить заметить, что не все войны, в которых участвовала наша родина, велись по одинаково достойным уважения причинам. Однако историки занимаются войнами прошлого, здесь <...> проще говорить правду. А тот, кто сеет семена сомнения в разгар борьбы, – предатель. Цель же данной книги как раз и заключается в том, чтобы заронить сомнения. Даже если ни одно из наших предложений не будет принято, мы все-таки надеемся, что первые шаги в нужном направлении будут предприняты. Это обязательно случится, если в будущем <...> появится возможность обсуждать политику контроля за наркотиками не только на условиях генералов нарковойны.

*Из главы «Критика системы контроля –
еще не приятие наркотиков»*

Тюремный романс

Книга Е. Ефимовой «Современная тюрьма»¹, написанная при поддержке фонда Джона и Кэтрин МакАртуров, а также Министерства образования Российской Федерации, создавалась в течение многих лет. Автор сам собирал фольклор нынешних тюрем, проводя интервью с заключенными, изучая татуировки и письменные свидетельства. Часть этого материала опубликована в качестве приложения к основному тексту – впрочем, можно ли говорить о приложении, если оно занимает едва ли не половину книги? При общей бедности литературы на подобную тему, не говоря уже о дефиците собственно записей тюремного фольклора, эта часть представляется важнейшей, поскольку может послужить – наряду с некоторыми другими публикациями, увидевшими свет в последнее время, – источником для многих аналитических работ в будущем.

Практика наших дней такова, что сам феномен тюрьмы все меньше становится отвлеченной нравственной проблемой, касающейся отдельного индивидуума в меру его приобщенности к гуманитарному тезаурусу, все больше – одной из характеристик, символов времени, прорывающимся в повседневность каждого из живущих в России новостями с телеэкрана и однотипными сообщениями в разделе судебной и уголовной хроники: «в зале суда арестован ученый-физик...», «через адвокатов заключенный сделал следующее заявление...», «тюремный врач в очередной раз отказал...». В этих условиях материализация поговорки «от сумы да от тюрьмы...» для многих связана лишь с его личной социальной активностью, с выбранной им гражданской позицией. Потому исследователю, работающему над современным

¹ *Екатерина Ефимова. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М.: ОГИ, 2004. 398 с. (Нация и культура).*

тюремным фольклором, предстоит сделать непростой выбор между академической студией и неизбежно погруженной в политизированную современность социологией.

Екатерина Ефимова предпочла первый путь, определив своей целью изучение «картины мира современного маргинала, его эстетики и этических законов, символики поведения и мифологии, специфики мировосприятия и живой устной традиции». Весь собранный либо используемый материал анализируется в четырех главах: «Тюремные мифы и ритуалы», «Символика тюремной субкультуры», «Устная словесность», а также «Письменный фольклор» и «наивная литература».

Собранный Екатериной Ефимовой материал невозможно недооценить, но и трудно назвать бесценным, так как он является лишь началом бесконечной работы. Однако интересным и содержательным он выглядит с любой точки зрения.

Во взгляде на тюрьму как на явление маргинальное есть немало технических удобств для исследователя, но кроются и очевидные недочеты и даже опасности, приводящие в итоге к смешению анализируемого материала. Утверждая, что «в тюрьме нейтрализуются какие бы то ни было социальные противопоставления: лиминальные существа не имеют статуса, равны между собой, полностью единообразны», автор не определяет в итоге основополагающих различий между фольклором разных групп – детей, женщин и мужчин (хотя и признает имеющиеся между ними различия), мифологизируя тем самым тюремное пространство на свой, исследовательский лад. Не обозначены для читателя и принципиальные отличия мира тюрьмы и мира зоны – хотя в целом принцип их функционирования и подчиняется общим законам, разница все же очевидна даже поверхностному взгляду.

Следуя сформулированной в подзаголовке книги задаче, Е. Ефимова уравнивает в правах наблюдения над сегодняшним тюремным бытом с произведениями литературно-графического творчества и мемуарами «великих сидельцев». Но материалы эти настолько различны в своей основе, что вряд ли могут быть уравнены без введения дополнительных характеристик их авторов. И потому, например, наблюдение о нейтрализации в тюремном мире одной из центральных культурных оппозиций жизнь/смерть с последующим утверждением, что «сравнение тюремной жизни со смертью является общим для многих авторов тюремных воспоминаний» (с. 23, далее упоминаются «Записки из общего дома» Ф.М. Достоевского и каторжные записки народовольца П. Якубовича «В мире отверженных», опубликованные в 1899 г. под псевдонимом Л. Мельшин) не может быть принято без поправки

на ту культуру, к которой принадлежали цитируемые авторы, и на трагические обстоятельства, из-за которых оба они оказались на каторге. При этом внешняя схожесть высказываний и оценок не выглядит аргументацией в пользу их объединения, но может служить лишь уточнением в определении самого феномена тюремного фольклора, тюремного мышления и того подсознательного ощущения, что, несмотря на все единство быта, у каждого в итоге все же своя тюрьма и в каком-то смысле свой фольклор.

И сам тип оценки происходящего, и уровень самоосознания свободы у авторов уровня Шаламова или Достоевского, как и у многих среди попавших в тюрьму и лагеря людей, не позволяет смешивать их опыт с опытом профессионалов криминального мира, рецидивистов, делящих жизнь на ходки и зачастую откровенно и с презрением отворачивающихся от посттюремной реабилитации в том неудобоваримом, извращенном виде, в котором она предлагается постсоветским обществом. А если у людей, попадающих в заключение либо за случайные преступления вроде ночного наезда на неосвещенной дороге, либо по, условно говоря, 58-й статье, и у профессионалов-рецидивистов разная ментальность, то у них будет и разный тип восприятия тюремного времени и пространства. Внутри тюремной субкультуры (которая все чаще оборачивается сейчас мегакультурой, способной подмять под себя, поглотить или переструктурировать и большинство общественно-политических практик) существует такое множество своих субкультур, что их игнорирование угрожает катастрофой любому высказыванию на заданную тему. Если вернуться, например, к вопросу об оппозиции «жизнь/смерть»: известно, например, немало случаев, когда заключенные стремятся продлить свое пребывание в тюрьме либо вернуться в нее с воли как можно скорее, намеренно совершив ради этого преступление. Зона оказывается для таких людей заменой родному дому. Но на подобном некритическом смешении двух принципиально разных миров внутри тюремного космоса – мира уголовного и мира бытового (или политического) – и построена работа Екатерины Ефимовой.

Последовательное обращение автора к семиотической традиции в фольклористике приводит порой к результатам, которых все же хотелось бы избежать в исследованиях на тюремную тему. Так, вывод о том, что в тюрьме «дверь лишается значения выхода и оппозиция «дверь/окно» снимается» (с. 26), вряд ли представляется важным даже автору книги. Последующие обобщения тоже грешат широтой размаха в силу оговоренной выше индивидуальности тюремного опыта и его переживания. Например, один из постулатов тюремного простран-

ства на уровне тюремного двора формулируется как «движение здесь – это псевдодвижение («топание взад-вперед», «верчение на одном месте») и общение – псевдообщение». Последнее утверждение выглядит едва ли не фонетическим довеском ко всей фразе, поскольку в последующем никак не обосновывается и не развивается (а как выглядит общение в камерах? и как протекает оно там, где сидит вор в законе, и там, где сокамерники Тимофеева-Ресовского читают друг другу лекции по сложнейшим проблемам актуальной науки?).

Оказавшись перед таким неохватным, с одной стороны, массивом текстов и фактов и испытывая, с другой стороны, очевидный дефицит аналитического контекста, любой автор поневоле начнет трепетнее обычного относиться к уже написанным текстам, к составлению списка использованных источников.

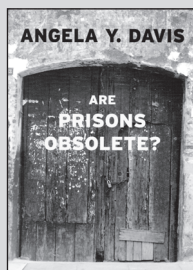
О заметных пробелах в разделе «Источники» уже писали рецензенты. Так, Антон Олейник отмечает отсутствие в библиографии фундаментальных для понимания онтологии насилия и наказания работ Мишеля Фуко и Рене Жирара (Фуко, впрочем, цитируется в «Современной тюрьме» без указания источника цитаты). Другие пробелы не менее очевидны. Хотя в книге Екатерины Ефимовой особое место уделено татуировкам, а в разделе «Иллюстрации» даже публикуется несколько выполненных автором фотографий, здесь, тем не менее, пропущены некоторые важные публикации последнего времени, например, альбом «Татуировки заключенных. Из личного собрания ветерана МВД СССР Д. С. Балдаева» (СПб.: Лимбус-пресс, 2000). Книга построена на материалах коллекции, которую Д. С. Балдаев собирал начиная с 1948 г., причем в ней воспроизведены не только татуировки русских эзков, но и пленных немцев. Их сравнительный анализ мог бы существенно поднять предложенную Е. Ефимовой планку разговора: ее книге явно не хватает международного контекста, что видно и по крайне скудной англоязычной библиографии. Меж тем «тюрьмоведение», в рамках которого, вопреки даже авторской воле, находится данная работа, в силу известных исторических причин практически отсутствовало в России на протяжении почти целого века, и потому ограничивать себя лишь русскоязычными источниками – все равно что взбираться на Эверест босиком.

В работе Балдаева показано, что заключенные выкалывают буквально все подряд, от портретов детей и любимых женщин до антисемитских и антикоммунистических сюжетов, включая портрет Брежнева с ослиными ушами и соответствующей подписью: «Главный осел Кремля». Справедливости ради отметим: никакого мужества в подоб-

ных высказываниях часто не было, накладки порой делали насильно проигравшему в карты.

Политический аспект, судя по всему, является для автора «Современной тюрьмы» наименее актуальным, отношения заключенных к миру власти ограничиваются лишь отношениями внутри исправительного заведения, но это, видимо, осознанная позиция исследователя. В «Заключении» Е. Ефимова еще раз подчеркивает свое отношение к тюремному миру как к «фольклору социальной периферии» и помещает его в итоге в один ряд с фольклором армейским, театральным и музейным. Но сам характер публикуемых в приложении материалов наводит на мысль, что, возможно, мы имеем дело не столько с локальным фольклором, сколько с набором устоявшихся, плохо поддающихся творческим вариациям текстов, за которыми скрываются все же какие-то иные, нежели «просто» субкультурные, смыслы.

При всей односторонности подхода автора книги к изучаемой теме очевидно ее неравнодушие к тем, кто надиктовывал ему «рабочий материал», делился своими личными записями, давал интервью. Подспудное человеческое не исчезло из максимально объективированного текста исследования. Но при этом установка на маргинальность изучаемых текстов и фактов лишила авторское зрение необходимой перспективы, того горизонта, за которым становится ясно: тюрьма не маргинальна, она не далека и не абстрактна, но в каком-то смысле внутри каждого из нас.

Angela Y. Davis.

Are prisons obsolete?

New York, Seven Stories Press, 2004.

Анджела Дэвис.

Устарели ли тюрьмы?

В своей только что вышедшей в Америке книжке Анджела Дэвис, известный борец против тюрем, вновь обсуждает вопрос: должно ли наше будущее социальное развитие быть неизбежно связано с практикой тюремного заключения? Ее анализ тюрьмы опирается на многолетнюю историю движения за отмену тюрем. Однако сегодня речь идет, с ее точки зрения, не о том, что включение в рассмотрение такой категории, как женщины, углубило бы наш критический анализ практики тюремного заключения. Речь идет о смещении самого аналитического взгляда на тюремную систему как таковую. Дэвис последовательно доказывает, что тюремная практика является, по сути, гендерной, и это касается как женской, так и мужской тюрьмы. Если обратиться к истории развития тюремного института, то мы увидим, что миссия женской тюрьмы прежде всего предполагала возвращение женщины к ее вполне определенной служебной общественной роли, к домашнему хозяйству и исполнению материнского долга. При этом мужское девиантное поведение рассматривалось обществом как своего рода «норма», в то время как женская криминальность представлялась чем-то абсолютно аномальным, требующим немедленного «лечения». Особые изощренные наказания применялись в чернокожим женщинам в период рабства. Сами тюрьмы не были приспособлены даже к особенностям женской физиологии...

Анализируя те угрозы, которым подвергается женщина в сегодняшней тюрьме, Анжела Дэвис приходит к выводу, что за тюремными стенами возобновляются те архаические практики специфического насилия над женщинами, которые в «большом обществе» рассматриваются скорее как устаревшие. Внутри женской тюрьмы благополучно обитают расизм, женоненавистничество, сексуальные злоупотребления.

Все это заставляет ставить вопрос о том, что институции, поддерживающие расширение тюремного комплекса, на деле инвестируют средства в поддержание в обществе высокого уровня социального, физиологического, психологического насилия в отношении женщин.

ЖЕНЩИНЫ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Людмила Альперн

Тюрьма – это путь в никуда

Е. Ознобкина: Вы не первый год ведете свой исследовательский и образовательный проект в женской колонии в поселке Шахово. Я прочитала документы этого проекта, и у меня осталось двойственное впечатление. С одной стороны, это некое конкретное предприятие, имеющее свои конкретные цели, возможно, даже достижимые. С другой стороны, остается вопрос: ведь тюрьма – сложный субстрат для каких бы то ни было преследующих позитивные цели вмешательств и манипуляций. Фактически, ваша программа – эксперимент с открытым концом.

Как мне представляется, в основе эксперимента должна лежать некая утопия. Существует ли у вас своя утопия тюрьмы, если угодно, некий ее идеальный образ? На какие представления вы ориентируетесь в своей работе?

Л. Альперн: Во-первых, мой проект состоит из серии проектов, и четыре уже выполнены. Причем осознание собственной работы шло по нарастающей. Поначалу просто хотелось помочь заключенным, насколько это вообще возможно, в дальнейшем это желание трансформировалась в идею помочь женщинам: и сотрудницам, и заключенным. Я поняла, что, в отличие от тюрьмы мужской, в женской тюрьме нет особого разрыва между женщинами, которые работают в ней, и женщинами, которые в ней сидят. Есть некий континуум – непрерывный ряд женщин, и в широком смысле они все связаны похожестью своих жизненных проблем, просто представлены эти проблемы здесь в широком диапазоне. И сотрудницы, и осужденные равно страдают в тюрьме, этом в общем-то мужском предприятии, построенном на принципах мужской иерархии, которой требует тюрьма и как место наказания, и как место службы.

Е.О.: Представление о том, что разрыв между сотрудницами и осужденными женщинами гораздо менее значителен, чем им самим порой кажется, у вас было изначально или вы приобрели его, когда начинали работать в женской тюрьме? Когда у вас родилась мысль, что женская тюрьма не то же самое, что тюрьма мужская, и здесь возможны иные варианты вмешательства?

Л.А.: У меня не было никаких заранее сформированных представлений, пять лет назад я фактически начинала с нуля. Исследований по женской тюрьме тогда я еще не читала, я находилась в полном научном и информационном вакууме. И мои собственные наблюдения и исследования легли в основу моих знаний и моего понимания. Естественно, я не сразу пришла к своим выводам, более того, у меня априори существовало некое идеологическое представление: тюрьма есть тюрьма, сотрудники – это жестокие люди, осужденные – это жертвы. Возможно, в рамках мужской тюрьмы так оно и есть, не случайно ведь эта концепция превалировала над всеми другими известными мне знаниями. Но постепенно, начав работать в женской тюрьме, за пять лет интенсивной, плотной работы я поняла, что гипотеза эта себя не оправдывает. Я стала чувствовать и понимать и ту, и с другую стороны, хотя ранее я была ангажирована, была на стороне осужденных. Но я поняла, насколько это сложный, трудный и, конечно, деформирующий женщину труд – быть сотрудницей тюрьмы. В каком-то смысле этот труд еще и безнадежный, потому что система устроена так, что не оставляет возможности для реабилитации и практически не оставляет надежды, что вышедшие из стен тюрьмы женщины найдут себе место в жизни. То есть получается, что ты работаешь с ними для того, чтобы они вернулись к тебе в своем старом, «недорощенном» качестве. Насколько это вообще приемлемо для женского сознания? Мне кажется, что женщине это трудно, она привыкла к своей обычной материнской роли: выращивать что-то, переводя его в другое качество, наблюдать рост – в этом женская продуктивность, смысл ее сознательного существования. Кстати, именно поэтому воспитательная роль в женских учреждениях более значима, чем в мужских тюрьмах, здесь присутствует надежда, связанная исключительно с женской психологией, с женским восприятием мира, в котором ценность воспитания и выведения в мир превалирует над многими другими ценностями.

Е.О.: Я хочу возвратиться к своему первому вопросу. Коль скоро мы заговорили о специфике женской тюрьмы, тогда – какова ваша утопия женской тюрьмы? Возможно, это должна быть уже не тюрьма?

Л.А.: В моем представлении женская тюрьма – это абсурд. Женщины, которые проводят длительное время в условиях тюрьмы, фак-

тически теряют те качества, которые востребуются обществом. Особенно в нашей коллективной тюрьме, которая построена полностью по мужским образцам: и поведенческим, и ценностным. Я думаю, что даже сама изоляция, отрыв от семьи, от близких, отрыв от среды, которая востребует женщину (потому что тюрьма женщину, естественно, никак не востребует), является для нее моментом перелома, после чего никакая нормальная жизнь уже невозможна. Тюрьма для женщины – путь в никуда, наказание навсегда. И чаще всего это именно так.

Женщины составляют лишь небольшую часть, как принято выражаться, тюремного населения. Преступления, которые совершают женщины, равно как и причины женской преступности все-таки иные, чем причины и качества мужской преступности. А наказания аналогичны мужским. В такой ситуации, как мне кажется, не думают о результате этого наказания. Действительно, насколько те, кто принимает решения в отношении женщин, совершивших те или иные преступления, представляют себе результат того, что они делают? Не имеем ли мы здесь дело с явным безрассудством?

Когда-то, сочиняя очерк о том, что тюрьма является фактором естественного отбора, я попыталась рассмотреть в биологических понятиях то, что у нас происходит в стране с проблемой женской преступности. Не является ли женская тюрьма сильнейшим фактором естественного отбора, при участии которого создается некая совершенно иная формация женщин? Не станет ли это источником совершенно неожиданных и не полезных для общества течений?

Если брать эту проблему в рамках существующего общества и его ценностей, мне кажется, что для женщин должны быть созданы совершенно другие формы наказаний. В частности, мне представлялось, что это должны быть какие-то фостерные (приемные) семьи (возможно, это покажется бредом), где женщина могла бы оставаться вместе со своими детьми, если они у нее есть. И главная цель такого рода изоляции заключалась бы в том, чтобы женщину научили простым нормам, которые позволили бы ей существовать в нашем обычном обществе, научили навыкам, которыми она не владеет. Потому что женщины, которые попадают в тюрьмы, изначально в определенном отношении маргинальны.

Согласно известным исследованиям (в том числе и тем, которые проводила я сама), многие из тех женщин, что попали в тюрьму, с детства являлись жертвами всякого рода насилия. Это насилие не позволило женщине сформировать нормальную женскую идентичность и, соответственно, найти себе место в обществе. И это стало причиной

еще большей ее маргинализации. В итоге общество для таких женщин закрыто. Поэтому, вместо того чтобы усиливать маргинализацию, необходимо создавать условия для возвращения женщины в общество. Насколько тюрьма хороша для развития личности, я не знаю и обсуждать не берусь. Но осмысленная временная изоляция, как это ни парадоксально, может дать совершенно новые толчки и импульсы для развития. И конечно, обществу хотелось бы, чтобы женщина вернулась в том состоянии, в котором она обществу не опасна и социально приемлема.

Е.О.: Из того, что вы сказали, я поняла, что контуры того, каким должно быть наказание для женщин, – для вас не столь точны, но, во всяком случае, можно увидеть и спроектировать какие-то тенденции, которые мы хотели бы привнести в развитие женской тюрьмы. Когда вы пытаетесь сформулировать, в чем состоят эти возможные положительные тенденции, наверняка вы каким-то образом диагностируете: в чем состоит «нехватка социальности», «нехватка идентичности», что, собственно, привело женщин в тюрьму. В чем именно ущербна их жизнь и что послужило причиной попадания в такого рода заведения? И как эти «нехватки» можно восполнить, в том числе и с помощью вашей программы?

Л.А.: У меня было несколько причин для создания своего проекта. Одна из них – чисто внешняя. В свое время я побывала в женских тюрьмах разных стран мира, изучала то, что там происходит, и увидела некие элементы, которые в целях модернизации можно было бы попробовать внести в нашу тюрьму. Прежде всего это так называемое программирование, когда элементы некоторых видов знания привносятся в конкретную жизнь тюрьмы – этим занимаются специальные консультанты.

По моим наблюдениям, главная проблема женщин, которые находятся в тюрьмах (да и не только тех, что в тюрьмах, просто там все усугубляется) – это очень низкая самооценка. Женщина не чувствует себя способной влиять на мир, даже на ситуацию, в которой она живет, она не чувствует себя способной влиять на судьбу своих близких. У нее нет ощущения, что она является активным и действующим элементом мира, жизни.

Все то, что я пытаюсь привнести в жизнь тюрьмы, должно заполнить эти пустоты, помочь женщине понять, что она в любых жизненных коллизиях остается человеком, способным влиять на мир, что у нее есть совершенно разные возможности – несмотря ни на что. В результате моего проекта, если угодно, моего эксперимента, у женщины должно измениться ощущение самой себя, должна повыситься самооценка и появиться чувство контакта с миром. Реально ли это? Я точно не знаю, поскольку это зависит от многих причин. Есть люди с более высоким

интеллектом, есть – с более низким, люди обладают разной эмоциональностью... Я имею в виду то, что для получения нового знания нужны «каналы». Иногда каналы настолько узки или настолько дисфункциональны, что всю работу надо делать в индивидуальном контакте, что тоже не всегда возможно. (Кстати, в западных тюрьмах все построено на индивидуальной основе. И тюрьмы там небольшие, иногда и на 20 человек, а самая большая тюрьма человек на 200. У нас же тюрьмы очень большие.) Это первое. И второе: мне показалось, что для женщин, которые сидят, и тех, которые работают в тюрьме, важно ощутить свою цельность, общность, непрерывный континуум «женского».

Е.О.: Вы имеете в виду цельность личности?

Л.А.: Цельность личности и цельность женского сообщества. Когда ты чувствуешь себя в некоем женском сообществе, имеющем большой диапазон, женском сообществе, которое, в отличие от мужского, в состоянии воздействовать своим общим потенциалом. Да, с одной стороны, оно аморфно, и в этом его отличие от мужской иерархической системы, от строения мужской группы. (И тем беззащитнее.) Но эта аморфность позволяет жить и плодотворно развиваться любым идеям, позволяет состояться любым состояниям. Женское сообщество – не иерархичная, но цельная, горизонтально устроенная система.

Е.О.: Из того, что вы говорите, следует одна достаточно парадоксальная вещь: получается, что женщина, попадая в тюрьму, впервые попадает в женское сообщество, попадает в более для себя благоприятную ситуацию и среду, нежели на воле, где фактически происходила ее десоциализация. Иными словами, в тюрьме – искусственные, но более благоприятные условия для развития личности женщины?

Л.А.: Да, в какой-то мере. В той мере, в какой эта среда способна обеспечить положительную социализацию женщины. Однако в существующих формах тюремной системы эта возможность не реализуется, поскольку женщины – и сотрудницы, и заключенные – помещены в среду мужской системы. Женское сообщество, как я сказала, – аморфная масса, ее можно формировать совершенно по-разному. И иногда в результате получается еще более жесткая и беспринципная система, чем в мужских сообществах.

Потому что для женщин, которые служат в мужской иерархической системе, не очевидно, что, с точки зрения мужчин, они чем-то принципиально отличаются от женщин-осужденных, что они – «хорошие» женщины, в отличие от «плохих». А они хотят отличаться, им это необходимо для самооценки, им с младенчества внушалось, что женщины бывают хорошие и плохие (мужчины, кстати, не делятся на такие категории,

они все более или менее подходящие). Сотрудницы интуитивно ощущают, что женщина для мужчины – всегда женщина, и в первую очередь в физиологическом и психологическом своем качестве, им не важно, скажем, законопослушны они или нет. Это ведь не так очевидно. И вот те, которые служат, пытаются себя отделить от тех, которые сидят, пытаются, так сказать, быть католичнее папы римского. Для них важно ношение формы, иногда даже важнее, чем для мужчин. Их поведение часто бывает даже более жестоким, более выражающим презрение, ради того, чтобы казаться в глазах мужского персонала не такими, как эти так называемые преступницы. Все это издержки иерархической идеологии, которая абсолютно непродуктивна для женщин. Такая идеология заставляет их лично меняться, деградировать. В свою очередь, это становится причиной распада семей, невозможности вырастить нормальных детей. Возникающая в таких условиях излишняя жесткость, категоричность, объектный подход – признаки изменения женской идентичности, а значит – маргинальности. Проблемы порождают друг друга.

Е.О.: Тогда сделаем следующий шаг. Читая документы проекта, я видела, что вы делаете ставку на то, чтобы организовать это женское сообщество, чтобы в нем не было отчетливого и жесткого различия между осужденными и сотрудницами системы. То есть вы хотите получить единый коллектив, своеобразное женское содружество, в котором женщины друг другу будут помогать? И тогда не надо будет говорить о какой-то особой «воспитывающей функции» сотрудников. Здесь воспитателем может оказаться любой, все что-то получают друг от друга. Вы хотите через организацию более свободного, не иерархичного, не ориентирующегося на доминантные позиции, не воспитывающего (в привычном советском смысле) *общения* – получить какие-то новые позитивные результаты? Правильно ли я вас понимаю?

Л.А.: Это, видимо, моя главная цель. Я не знаю, насколько она достижима в условиях тюрьмы, даже «хорошей» тюрьмы, в которой и с которой я работаю. Напрямую и гарантированно эту цель не запрограммируешь, но, возможно, она приблизится в результате моих «проектных работ». В тюрьме мы (я с моими коллегами) проводим семинары по здоровому образу жизни, по конфликтологии, по психологии общения. Сейчас готовится новый семинар по домашнему насилию. Мы там не говорим прямо о том, что все мы должны «слиться в едином порыве». Хотя, когда я приезжаю в Шахово, я «сливаюсь» с другими. Для меня это необходимое ощущение, но оно появляется как бы независимо от того, что мы делаем. Просто для всех становится очевидным, что качество жизни улучшается, когда среда неагрессивна, когда

нет противостояния сторон, когда все плавно перетекает из одного в другое, когда можно разрешать вопросы не при помощи жестких наказаний. Скажем, планируемый семинар по домашнему насилию покажет, что и те, и другие – жертвы домашнего насилия. Это увеличивает взаимное сочувствие и желание помочь.

Да, это попытка разредить и разрядить эту плотную среду или, наоборот, заполнить ее некой атмосферой, которая дает ощущение мира как цельного, не разбитого на отдельные части – хорошие и плохие. Ведь на самом деле нет хорошего и нет плохого – есть разные стороны, разные точки зрения, разные возможности, разные судьбы. Трудно сказать, насколько достигим идеал, но во всяком случае наша работа вызывает безусловный интерес со стороны осужденных и, надеюсь, со стороны сотрудниц, и, возможно, что-то у нас получится. Хотя, конечно, все это очень длительный и тяжелый труд, и он, безусловно, должен быть многоэтапным, развитие должно идти по спирали, при этом на каждом этапе будут свои провалы и свои выигрыши.

Е.О.: Можно предположить и такой идеальный ход событий: на первом этапе из числа женщин-осужденных и женщин-сотрудниц системы «вербуются» сторонники «женского заговора», и мы получаем некое новое качество в этом институте исполнения наказаний. Если, действительно, из этого вдруг возникнет новый феномен женской тюрьмы, тюрьмы, которая будет строиться в большей степени на горизонтальных связях, будет нацелена именно на ресоциализацию, реабилитацию, пусть пока в отдельно взятой шаховской колонии... Но ведь реальное повышение самооценки (о чем вы говорили) возможно только в большом обществе, а не в рамках узкого женского тюремного сообщества. Тем самым получается, что удачный эксперимент в идеальной женской тюрьме вовсе ничего для реальной жизни не гарантирует. Значит, надо браться за тюрьму мужскую... в самом широком смысле этого слова. Возможно ли горизонтальное устройство тюремного института как такового?

Л.А.: Мне трудно говорить о мужской тюрьме, там я не ощущаю себя активным элементом, скорее просто наблюдателем, и то, что я вижу, не внушает мне оптимизма. Возможно ли горизонтальное устройство мужской жизни? С моей точки зрения, мужская идентичность и мужская субкультура не допускает горизонтального строения жизни, это ведь более опасное построение, чем иерархия, потому что иерархическая система обеспечивает порядок, защиту, что позволяет выжить, не уничтожая друг друга... Но мне трудно об этом говорить, я, может быть, не совсем понимаю ценности мужской жизни. Тут нужны другие

исследователи. Но в любом случае мне кажется, что с мужской тюрьмой будет легче работать, если она будет не коллективная, а, по западному образцу, индивидуальная. (Хотя существуют наблюдения, что результатом индивидуализации становится увеличение числа суицидов. Об этом говорит, например, Нильс Кристи.) А вообще, мужчины не могут жить вместе долгое время без женщин, и здесь важен даже не сексуальный фактор. На этот счет у меня есть своя метафизическая теория. Женщина – это некое цикличное существо, в котором идет непрерывный отсчет жизни, она – как часы, как ощущение времени. Когда нет женщины – наступает безвремяе. И какие бы ни были голубые или опущенные, они не имеют этого женского устройства организма, устройства женской жизни. А безвремяе – это ад. Существует и такая формулировка: свобода, твое имя – женщина. Значит ли тогда, что: тюрьма – твое имя мужчина? Пожалуй, это действительно так. Мужская тюрьма – это собственно тюрьма, и она есть аналог ада. Жизнь вне жизни. Жизнь в чистилище. Тем она страшна и знаменита: люди, прошедшие тюрьму, прошли чистилище, их функции меняются.

В принципе я против любой тюрьмы. Когда людей сгоняют в тюрьмы, им придают некое качество, и оно срывается. Когда человеку не придают этого качества, когда его не определили, не вычислили, не дали ему ярлык, когда с ним работают иначе, у него появляются другие перспективы, другие свойства. Поэтому, мне кажется, тюрьма как известный нам институт себя давно изжила, этот институт абсолютно не отвечает запросам современной жизни. Однако, возможно, то, к чему мы идем, совсем не лучше того, от чего мы уходим...

Е.О.: Ваши программы нацелены на то, чтобы дать не только какие-то необходимые женщине знания, но и навыки, привнести психологическую устойчивость. Но после этого (о чем я уже пыталась сказать) они выходят в мир, и у них возникают те же самые проблемы адаптации в определенной среде, им надо вновь бороться за свое достоинство. Поэтому когда затеваются такие сложные проекты, как ваш (ведь это не просто гуманитарная помощь тюрьме), то возникает вопрос об отдаленных результатах. Задумываетесь ли вы над этим?

Л.А.: Конечно, я задумываюсь о результатах. Вообще, страшно что-то делать в такой среде, потому что результат может оказаться с точностью до наоборот. В любой момент наша работа может спровоцировать нежелательные вещи. Да и устойчивость достижений все время под сомнением: происходит смена персонала, смена руководства, смена идущих сверху установок. Но меня волнуют не только перспективы, меня волнует и качество проживаемой жизни. Это не менее важ-

но. Просто я понимаю, что после каждого нашего мероприятия в тюрьме что-то да остается. И люди, которые прямо или косвенно участвуют в проекте, в какие-то моменты ощущают облегчение – снимается боль, появляется возможность увидеть что-то иное и по-иному. Это для меня не менее важно, чем отдаленные последствия.

В 1992 г. я беседовала с Жаком Росси – это известный человек, бывший гулаговский узник, многоязычный иностранец, который написал в том числе известный «Словарь ГУЛАГа». Он был уже очень слаб (ему было за девяносто), когда я навещала его в приюте в Париже. И он говорил о том, что нужно модернизировать русскую тюрьму, что она существовала и существует до сих пор в дремучем состоянии... Мой эксперимент можно рассматривать как попытку модернизации, которая идет не изнутри системы (потому что изнутри ничего нельзя модернизировать, там все настолько устоялось, что очень давно получается «продукт» одного и того же качества...), но извне.

Мы пытаемся найти способ открыть тюрьму. Всякий раз я приезжаю туда с разными учеными и интересными людьми, людьми с разными взглядами, и осуществляется взаимный обмен: не только осужденные или сотрудники что-то получают от этих людей, но и эти люди что-то получают. Происходит обмен элементами совершенно различных видов жизни. Этот процесс – как выветривание горных пород.

В том месте, где я работаю – в шаховской колонии, – и администрация колонии, и администрация УИН очень чувствительны к нововведениям. Они интересуются новшествами, поэтому, я надеюсь, что-то получится...

Хотя я знаю, что в тюрьме все очень быстро умирает, принимает мертвые формы приказов и т.д. В этом так называемом дисциплинарном пространстве мир качественно иной...

Конечно, отменить тюрьму мы не можем, этот институт будет существовать еще определенное время. Мы можем только попытаться что-то сделать. Это единственный путь, потому что просто критика с теоретических позиций бесплодна, она не меняет существо дела. Впрочем, высокие теоретические концептуальные ориентиры очень важны: утопия обладает большой силой, и, надеюсь, не только тоталитарная утопия...

Елена Петровская

Пространства наказания

Степень свободы общества, как известно, измеряется его отношением к тем, кто в социальном отношении наиболее уязвим и бесправен. Таковы, бесспорно, женщины, а вдвойне – женщины, наказанные обществом за правонарушения. В своем исследовании¹ женской тюрьмы в современной России Людмила Альперн не только встает на сторону униженных и оскорбленных, но и вскрывает социальные причины, по которым женщины, хотя и в ограниченном масштабе, продолжают совершать преступления. Свой подход она называет «феминистической криминологией». Однако такое определение является венцом ее усилий: к нему ее подводит собственный «длинный путь», связанный, в первую очередь, с позицией активиста-гражданина – человека, отстаивающего права тех, кто сам, по неведению или в силу неблагоприятных обстоятельств, не в состоянии эти права защитить.

Именно благодаря тому, что Людмила Альперн знает женские тюрьмы изнутри и неустанно борется за изменение устаревшего тюремного законодательства, ее «феминистическая криминология» наполнена таким конкретным, мы бы сказали – правозащитным, содержанием: это не результат абстрактных спекуляций, но способ расположить себя в сообществе тех, кто так же *практически* выражает свое отношение к осужденным женщинам. Важный элемент такого отношения, на наш взгляд, – это рассмотрение идентичности правонарушительниц в ее социальной динамике: Альперн акцентирует проблемы социальной адаптации, а стало быть, предстоящей повторной интеграции женщин в жизнь общества, которому они принадлежат. Не случайна ее постоянная явная или скрытая полемика с персоналом российских тюрем: «Вы не представляете, какие это *преступницы*», – не устают повторять на разные лады работники пени-

¹ Альперн Л. Сон и явь женской тюрьмы. СПб.: Алетейя, 2004.

тении учреждений. Однако Альперн твердо знает: первый шаг криминологии, адвокатуры, наконец, обычного гражданского правосознания – презумпция невиновности, а в данном случае, когда вина доказана, – попытка преодолеть юридическую очевидность «виновный–невиновный». Ведь точно так же, как нет двух полов вне идеологического конструирования, нет и сущностной предопределенности в основе этого деления: в конце концов, сама тюрьма, считает Альперн, – исторически возникший и преходящий институт.

Анализ тюрьмы как института проводится в книге в основном с социально-экономических позиций: начиная с причин, подталкивающих женщин к совершению преступлений (отсутствие средств к выживанию в условиях растущей нищеты и социальной дифференциации), и кончая характером получаемых тюрьмами подрядов и заказов – в первую очередь, на изготовление дешевого военного камуфляжа для затяжной войны в Чечне. Такой анализ позволяет говорить об этом институте в категориях «тюремно-промышленного комплекса», когда существование тюрем оказывается экономически выгодным с точки зрения дешевого рабочего труда. Под таким углом зрения тюрьма представляет собой огромное гетто, где фактически используется подневольный, в том числе и женский, труд. В этом Альперн очевидным образом – и терминологически, и содержательно – пересекается с Анджелой Дэвис, посвятившей последние годы интенсивному изучению и разоблачению американской пенитенциарной системы.

Однако мы помним, что подход Альперн обозначен как «феминистический». Как это можно понимать? Очевидно, что феминизм не является синонимом определения «женский»: не всякий, исследующий женскую тюрьму, с необходимостью продемонстрирует феминистический подход. Очевидно также, что феминизм не означает одно лишь безоговорочное занятие стороны женщин. Хотя цифры, приводимые Альперн, просто ошеломляют: в 2001 г., сообщает автор, количество женщин, погибших от рук своих мужей, составило четырнадцать тысяч (см. первую главу). Альперн пытается вскрыть причины женской преступности, используя понятие патриархатного (патриархального) уклада и даже целой «цивилизации», когда женщина является «объектом повышенного социального контроля», а ее несамостоятельность – «условием существования данного общества» («Вместо введения»). В этом смысле принципиального различия между западным миром и Россией как будто не наблюдается. Однако различия начинаются тогда, когда исследователь сравнивает путь, пройденный соответствующими обществами по освобождению своих закабаленных женщин.

В наиболее теоретической части книги «От тюремоведения к феминистической криминологии» Альперн приходит к парадоксальным выводам. Убийство жен как отличительную черту современной мужской преступности автор связывает с растущей независимостью самих женщин, с ощущением бессилия, которое охватывает их патриархальных мужей прежде всего при попытке решить семейные конфликты. Еще более парадоксально звучит следующий вывод: «Мне вдруг показалось, что новые формы самосознания женщины, которые грубо формирует коллективная российская тюрьма [утрата уважения к мужчине и устанавливаемым им законам], превращают ее в некоторое подобие тому, что создает из западной интеллектуалки феминистское образование...» – речь идет о пересмотре самих основ и ценностей цивилизации патриархата.

Вообще, надо заметить, что отношение к женской тюрьме у Альперн двойственное. С одной стороны, это и не «женское место», и «не женское дело», а с другой – не что иное, как своеобразный плавильный котел, где женщина *меняется*, открывая в себе новые социальные и эмоциональные ресурсы. Задержимся чуть-чуть на этом интригующем моменте.

Свою аргументацию автор строит исходя из оппозиции «приватное–публичное», отвечающей за формирование гендерной идентичности, или, как мы сказали бы, – социального пола. Нетрудно догадаться, что «приватное» – традиционно область «женского» (семья, дом, специальные ремесла), тогда как «публичное» – область «мужской» состоятельности и самовыражения. В современных обществах женщина все больше выдвигается в сферу публичного, кульминацией чего, по Альперн, оказывается формирование уважения к себе. Что же касается тюремного пространства, то в России оно отмечено уродливой публичностью: речь идет о совместном проживании десятков, а иногда и сотен человек, не исключая женщин, которые особенно болезненно переносят такую «выставленность напоказ». Эту насильственную коллективность автор напрямую связывает с «мужским публичным пространством тюрьмы». И дальше: «Коллективная тюремная жизнь тяжела и мужчине, но она не меняет его идентичности, скорее даже укрепляет ее, делает ее еще более жесткой и маскулинной...».

Здесь мы позволим себе вступить в полемику с Людмилой Альперн. Во-первых, как уже отмечалось, тюремная «коллективность» остается в высшей степени амбивалентной: лишая женщину столь необходимой ей приватности, тюрьма в то же время, по словам автора, творит с ней чудеса, что выражается главным образом в пробуждающемся гендерном самосознании. Итак, что же все-таки такое для автора эта навязанная историей и обществом «коллективность»: питательная сре-

да для возникновения нового – осмысленного – женского сообщества или же пространство подавления и унижения, которое может, но не обязательно должно приводить к появлению иной самооценки?

Но главное, пожалуй, это представление о том, что «мужская» в своей основе тюрьма соразмерна мужской же идентичности. Этот тезис представляется нам крайне спорным по одной простой причине: тюрьма не озабочена поддержанием или изменением гендерных различий. Совсем наоборот. Ее задача – создавать единые *дисциплинарные тела*, тела управляемые, лишённые каких-либо индивидуальных, специфических черт. Если она и производит некую «сущность»², то сущность эта не может быть ни женской, ни мужской. Скорее, тюрьма переопределяет, подтверждает *исключение*, размещая его в пределах легитимности, характерной для данного общества. Через это исключение поддерживается социальная норма, гендерная в том числе. Поэтому мы предложили бы рассматривать тюрьму *сначала* как дисциплинарное пространство и лишь затем различая (размечая) в нем возможные признаки «женского» или «мужского». Причем такой подход, акцентирующий историчность операции самого исключения, отнюдь не противоречил бы заявленному феминистскому. Собственно, заостряя этот тезис, можно сказать и так: тюрьма – это такое пространство, где перестает действовать почерпнутая из гражданского состояния оппозиция «публичное–приватное»; это область не просто принудительной гомогенизации, но и откровенного насилия; прошедший «тюремную школу» (метафора, соединяющая сразу два дисциплинарных пространства) образует сырой, но точно также «серый», неразличимый материал для дальнейшей – «правильной» – социализации. Эта социализация включает превалирующее в обществе взаимоотношение полов.

Конечно, можно вернуться к обозначенному Альперн парадоксу: российская тюрьма, этот оплот бесправия (несмотря на отдельные цивилизованные исключения), оказывается позитивно трансформирующей. Впрочем, не логично ли предположить следующее: трансформация происходит *вопреки* тюрьме, как индивидуальный акт сопротивления, и ответственность за эту трансформацию несет не «коллективность», но особое сочетание анонимности и индивидуальности: возникающее женское сообщество не равно навязываемой «коллективной жизни», и если

² Впрочем, странно слышать рассуждения о «сущности» мужчин-заключенных в контексте «феминистической криминологии»: напомним, что гендер – категория, указывающая на практику социального конструирования, стало быть, необходимо историческая.

мы вправе о нем говорить, то складывается оно по прерывистым линиям опыта, каждый раз отдельного в своей всеобщности?

Все эти наблюдения отнюдь не умаляют достоинств книги Людмилы Альперн. Наоборот. Именно ее заинтересованный подход к проблеме, эрудиция, знание состояния аналогичных учреждений на Западе (см. очерки, объединенные во второй главе), именно желание начать анализ с самого начала – со своеобразной *социологии* тюремной жизни и тюремного дела (см., в частности, интервью и анкеты), – все это делает исследование столь убедительным и страстным. Мы не оговорились: вся книга пронизана настоящей страстью, что превращает ее чтение, несмотря на серьезность и даже тяжесть обсуждаемых вопросов, в род удовольствия. К этому следует добавить, что Альперн избирает принципиально открытый стиль изложения: «Сон и явь женской тюрьмы» состоит из очерков, в которых анализ данных (почерпнутых из собственных «полевых исследований» или прочитанных в специальной, в том числе и исторической, литературе) удачно сочетается с путевыми заметками, элементами автобиографии и даже настоящей прозой: иногда сочная метафора или жизнь, представленная в виде притчи, дают больше для понимания проблемы, чем цитаты из релевантных юридических источников. (Надо сказать, что автор не обходит стороной и современное уголовное законодательство.) Удачей книги можно считать и дополняющий ее текстовую часть фотоальбом: такое вторжение визуального лишь закономерным образом венчает продуктивное разнообразие используемых Альперн языков. А напоследок остается подчеркнуть: основной итог, достигнутый исследованием, – выведение в свет дня «больной» проблемы, создание пространства, в котором можно не только наконец *увидеть*, что же происходит в недоступных нам тюремных анклавах, но и начать по этому поводу широкий, ответственный и, главное, открытый разговор.

Нина Силина

Красиво сесть не запретишь

Выросла я в полуинтеллигентской семье, за всю жизнь от родителей слова матерного не слышала. Училась себе в школе, спортом занималась, на курящих одноклассников смотрела с ужасом и возмущением. И вот уж никогда не приходила мне в голову мысль, что (даже косвенно!) придется столкнуться с миром, огороженным «колючкой» и решетками. В книжках разве. Думалось, что находиться там могут только окончательно непригодные в гражданском обществе персонажи.

Причем заключенные в моем представлении были исключительно мужики – страшные, небритые, в ушанках и телогрейках, они зло смотрели на мир добропорядочных граждан и желали этому миру рухнуть тотчас. Того, что зэками могут быть и женщины, мое сознание даже не принимало в расчет. Женщина – создание субтильное и безопасное, казалось мне, она воспитывает детей и нести угрозы обществу-государству не может в принципе.

Но жизнь внесла такие коррективы, что уже ничто не кажется невозможным и удивительным. Тюрьма и женщины в ней на два с лишним года поселились вокруг, едва мне стукнуло 25 лет.

«Повезло» мне в городе Саратове, куда я впервые приехала к партийному товарищу. (Перипетии дела опускаю, так как к теме отношения они не имеют.)

Сначала – изолятор временного содержания. Полутемная конура на четверых с умывальником и унитазом. Без вентиляции; что особенно заметно, когда большинство курит. (В тюрьме же некурящая жен-

Нина Силина состоит в Национал-большевистской партии, в прошлом руководитель Владимирского отделения НБП. Сидела по делу Эдуарда Лимонова с 24 марта 2001 г. по 23 июля 2003 г.

щина – редкость.) Прогулок там, конечно, нет. «Вам еще и прогулку! Чего захотели!»

Помучавшись таким образом три дня, я отправилась (впервые на автозаке!) в следственный изолятор – СИЗО № 1 города Саратова. Вековое, еще екатерининской постройки здание с облупленными стенами, сыростью с порога и вездесущими решетками почему-то навело на мысль о близости к истории. Ведь здесь, в Саратове, сидел Чернышевский...

Мерзости личного досмотра опускаю.

В камере мысли о Чернышевском растаяли в гнусных испарениях и клубах дыма. Ряды двухъярусных кроватей-шконок с помоечными матрацами и одеялами, любопытные взгляды с обоих ярусов. Позже я с ужасом заметила, что на некоторых койках помимо прямоугольного каркаса наварено всего лишь три-четыре узкие металлические полосы поперек. Спать на подобной конструкции я бы не смогла. Если бы вы видели на них еще и тряпочки–матрасы с набитыми по углам комками ваты!..

Повезло мне спать у окна. Из дырки от вынутого стекла сквозило свежим мартовским холодом. Но хотя донимали постоянный насморк и кашель, все же было чем дышать. Через пару метров от меня дуновение свежести прекращалось и простиралась отвратительная тюремная вонь. От безделья процесс всеобщего курения не прекращался ни на секунду. На собственное здоровье ээки плюют с завидной легкостью, про чужое – и не вспоминают. Даже беременная тетка с соседней койки круглосуточно смолила «Приму» без фильтра.

Это была карантинная камера, и спали в ней еще по-божески: не больше двух человек на койке – перенаселением это не считалось.

Кормили: утром – перловка, вечером – кислая капуста, в обед – щи из капусты и перловки с головами соленой кильки. Тарелок на всех не хватало, ели в очередь. Баня: пятнадцать минут в неделю на сорок человек, при десяти душевых лейках, терморегуляция воды считалась излишней, мыла иногда не было. Полотенец не было всегда. Зато вши и чесотка не переводились. Ну там туберкулез, ВИЧ, прочие прелести... Интересно также было, когда сорок человек набивали в прогулочный дворик, рассчитанный на пятерых.

Вот и все – иного быта здесь *не существует-в-ет*.

Прожила я там месяц, и меня этапировали самолетом в Москву.

Не могу сказать, что сидеть в Лефортовской крепости Москвы очень приятно (вовсе неохота сидеть где-либо вообще). Однако от Саратова СИЗО ФСБ сильно отличался. Там не было собак, влажности в помещениях, уплотнительного заселения камер... Самое главное – там не было беско-

нечного хамства со всех сторон. Не знаю, кому как, но для меня деревенские (в худшем смысле слова) замашки неблагополучного тюремного контингента были самым тяжким наказанием. Даже ликвидированная следователями ФСБ на три месяца переписка беспокоила меньше.

Еще одно нарушение содержания заключенных со стороны администрации СИЗО ФСБ я усмотрела недавно. Вместе с подсудимыми в камерах содержатся осужденные-стучаки, причем в Лефортово их привозят из других тюрем, местных не используют.

Узнала я об этом недавно, то есть уже на свободе. Цитирую газету «Известия» от 10.03.04 г.: «Такие люди есть в каждой российской тюрьме. Только называют их по-разному – где «сукой», где «наседкой». Это зэки, уже получившие срок, но желающие его скостить. Их подсаживают к арестантам для того, чтобы получить оперативную информацию. Именно такой человек позвонил недавно в «Известия». Женщина, назовем ее Ангелиной, трижды судимая, четыре года просидела в следственном изоляторе ФСБ как осведомительница...

Так вот, Ангелина эта «позвонила» в редакцию в качестве сокамерницы Заремы Мужахоевой слить заказную фсбшную информацию. Цитируемая статья называется «Мужахоева и есть та самая Черная Фатима». Через месяц Ангелина появляется в том же качестве на одном из телеканалов, спиной к камере, и сообщается, что «имя и голос женщины изменены». Я обратила на нее внимание только потому, что голос почему-то не изменился – девять месяцев я слышала этот самый голос с утра до вечера в лефортовской камере № 43!

Полгода спустя на телеканале ОРТ в передаче «Человек и закон» про чеченских террористок Ангелина снова появилась, но (!) уже лицом к камере, и называют ее настоящим именем – Ольга. Таким образом я поняла, что в нарушение всех законов Панкова О. А. четыре года незаконно содержалась в СИЗО ФСБ РФ. И за эти четыре года, полагаю, сумела немало увеличить сроки своим сокамерницам. В частности, наивную Мужахоеву посадили на двадцать лет. За что, собственно, Ольге-Ангелине и скостили срок на четыре года. То есть вместо девяти лет по сроку она просидела пять. И в «Известиях» она говорит об этом чуть не с гордостью, мол, это в порядке вещей, все так делают...

Замечательный пример тюремных нравов.

Так вот. Через год с лишним по окончании следствия меня с подельниками этапировали из Москвы назад в Саратов. По месту совершения преступления. На суд. Загадочная практика российской юстиции: следствие в Москве – суд в Саратове.

Прошедший снег над городом Саратов
 Был бел и чуден. мокр и матов
 И покрывал он деревянные дома
 Вот в это время я сошел с ума...

И будут жить мужчины. дети. лица
 Больные все. не город а больницы
 И каждый желт и каждый полустерт
 Ненужен и бессмыслен. вял. не горд...

Стихотворение Эдуарда Лимонова о Саратове – весьма точно. *И каждый вял, не горд.* Хотя разве о любом другом городе России нельзя сказать то же самое? Символично, что в таком городе нам попался нетипично **гордый и невялый** судья.

За год моего отсутствия в саратовской тюрьме произошли некоторые перемены. Всех женщин переселили в новый корпус тюрьмы. Ничего плохого о самом здании сказать не могу. Однако все, что творилось в нем и около него, было чудовищно.

Собственно, корпус выстроили не для удобства зэков, а для выгоды администрации учреждения. Выгода состояла в следующем. В него приглашали журналистов, правозащитников, всяческие комиссии регионального, федерального и мирового уровней, чтобы они видели воочию, как новый начальник СИЗО-1 г. Саратова – Орлов О. Ю. – прогрессивен и гуманен. Такому приятному человеку отчего же не дать денег на дальнейшее развитие тюремного бизнеса (ой, пардон!) – быта заключенных? Соответственно тюрьму рекламировали и денег на нее давали.

Но, сколько мне ни приходилось наблюдать, все бытовое оснащение, постоянный ремонт в камерах нового корпуса, а также прочие хознужды и продукты питания вымогались через заключенных и их родственников под видом «гуманитарной помощи». Лекарства, принесенные родственниками, попросту не выдавались зэкам безо всяких объяснений. Говорю об этом, потому что не раз и с меня пытались заполучить то оконные стекла, то краску, то лопаты. Частенько под угрозой всяческих неприятностей. На что я цитировала просителям «Правила содержания...», висящие в каждой камере, где указано, что государство обеспечивает материально-бытовые, медицинские и прочие необходимости содержащихся под стражей.

Второй минус нового корпуса: всевозможные комиссии своими явлениями побуждали сотрудников учреждения наводить в камерах

порядок, при котором зэкам можно было только сидеть не двигаясь на лавочке с утра до вечера и любоваться на свежесмытую стенку, при этом запрещалось курить, а временами доходило до регламентирования посещения туалета, что вызывало бы улыбку, если бы не было так противно. Запрещено было от подъема до отбоя сушить вещи. Что не успевало высохнуть за ночь, должно было складывать в пакетик и в тумбочку – до следующей ночи. И так далее... Издевательств, ничем не обоснованных, было предостаточно.

Через пару месяцев в Саратове меня опять лишили переписки с волей, и никакие заявления во всевозможные инстанции не помогли восстановить ее в течении целого года, пока я не уехала из Саратова на зону.

Как основной рычаг поддержания безоговорочного Ordnung'a (в переводе уместен не «порядок», а «повиновение»), культивировалась система наказаний: два предупреждения – выговор, а потом – карцер: от трех до пятнадцати суток. И полбеда сам карцер, главное, что с карцером в личном деле ты уже не можешь рассчитывать на условно-досрочное освобождение. А саратовские дамы жаждали УДО, и в карцер ехали лишь самые отъявленные любители свободы. Например, я.

При необходимости нарушение зафиксируют и без твоей помощи. Найдут вдруг «случайно» булавку в тумбочке, лезвие бритвы в кармане... Однажды мне удалось заставить надзирающего прокурора отменить незаконно вынесенное мне взыскание. Оцените! На памяти окружающих уголовников в Саратове подобной наглости еще не бывало. За это офицер-режимник получил строгий выговор по службе. Он не вынес надругательства над мундиром и написал рапорт. (Об уходе, вам показалось?... Так вам показалось!) Он доложил, что я «ругалась матом на проверке»! Ряд зэков его рапорт безропотно «одобрили» в письменной форме. Так теперь принято в зэковской среде.

Менты хотели убедить меня, что бороться с ними бесполезно. Что я против них – пустое место.

Что такое карцер, спросите вы? О! Карцер! Когда привыкаешь к нему, в голову лезут не только Чернышевский, но уже какие-то узники царя Ивана Грозного. Думается: вот я отсижу здесь суток несколько и на свет божий выйду. А те бедолаги годами в темном, сыром каменном мешке, где в жару прохладно, а зимой – стены в инее не хуже морозильной камеры. Историей, смертями, муками и трагедиями пропитано все вокруг. Чего не видели эти стены... Да мне только из-за таких ощущений стоило попасть сюда. Ведь на экскурсии в мрачные подвалы «третьяка» (корпус для особо опасных заключенных, где расположены карцеры) никто никого не водит, да и вряд ли поведет в ближайшее время.

Вначале же, попав туда, видишь голый цемент с шести сторон, койку, пристегнутую на замок к стене, парашу и сиротливый железный столик в углу с лавочкой, на которую и летом садиться рискуют лишь безразличные к исчезающему здоровью девушки.

И вот на следующее утро после мстительного помещения в карцер, на суде перед камерами я встаю и заявляю голодовку. Рассказываю о карцерах, с утра залитых раствором хлорки покрепче, о том, как люди впятером спят там на одной койке, пока она на восемь часов ночью отстегивается от стены; как литр воды выдается на сутки и пить, и умываться, и, пардон, парашу сполоснуть. А если, не дай бог, с утренней уборки до проверки паучок успеет сплести паутину на лампочке – то верных семь суток к твоим от 3 до 15 в этом гробу обеспечены.

Начальник тюрьмы в тот же день жестоко пожалел о несправедливых репрессиях. Журналисты после суда поспешили заставить его краснеть и оправдываться: никакой, мол, хлорки – что вы, что вы! А на следующий день смущенный врач поставил мне неправдоподобный диагноз, с чем и отправил меня преждевременно в обычную камеру. Но голодовку я не прекратила, пока они окончательно не подняли руки и не пошли на необходимые уступки по содержанию лично меня.

В камере все были поражены таким поворотом дел, но заявили, что если бы у них на суде была пресса, то уж они бы...

Почему-то никто из них не понял: чтобы иметь возможность вести себя достойно в условиях тюрьмы, нужно прежде найти силы вести себя так же достойно и на свободе. Иначе можно подумать, что пресса по счастливому случаю выбрала меня в черед однообразных бытовых преступников.

А еще был в Саратове уполномоченный по правам человека Саратовской области. Звали его Александр Ландо. О себе он говорил, что он – уполномоченный при президенте. В сущности, он стоил своего президента. Эзков он посещал для того, чтобы об этом писали в газетах. Разумеется, в газетах писали совсем не то, о чем стоило бы. Общие посещения сводились к благодистой улыбке и вопросу: «Хорошо ли вам сидится в нашей, лучшей в Европе, тюрьме?» На что законопослушные уголовники хором отвечали: «Хорошо, гражданин начальник!» – «Нет ли каких просьб, жалоб и пожеланий?» – «Никак нет, гражданин начальник!» – «Ну, хорошо, сидите дальше». Г-н Ландо был счастлив своим великодушием.

Меня сей рыцарь Права посещал отдельно. Одно его посещение особенно запомнилось. На все мои претензии по содержанию в СИЗО

он отвечал единственной умоляющей фразой: «Ну скажите же, что наша тюрьма лучше Лефортово!». Язык его заплетался, а лицо было красным вопреки обыкновению. Я даже не сразу поняла, что он пьян – два года, как пьяные в тюрьме мне просто не попадались.

Вот какие истории происходят в местах лишения свободы. Впрочем, бывает и похуже.

На зоне мне пришлось провести всего пару месяцев. Но это отдельная долгая история. Она много тоскливее тюремной. Оттого, что на зоне ничего уже не происходит и ничего не ждешь, кроме освобождения.

Короче, мне, как всегда, повезло!

Женщины в тюрьмах США

В последнее время число женщин-заключенных, по сравнению с мужчинами, росло вдвое быстрее. По сведениям американского департамента юстиции, в 2003 г. их число превысило 100 000 и составило 101 709, что на 3,6% больше, чем в 2002 г.

По данным Бюро статистики правосудия, одна из 1613 женщин в 2003 г. находилась в заключении. Мужчины по-прежнему составляют большинство тюремного населения, их число в 2003 г. выросло на 2% и составило 1 368 866 человек, а это означает, что в заключении находился один из 109 мужчин, и большая их часть – афроамериканцы.

Число заключенных в США начало расти три десятилетия назад, и рост этот неуклонно продолжается. С 1995 г. число женщин-заключенных увеличилось на 48%, мужчин – на 29%.

Такая динамика роста соответствует «эскалации войны с наркотиками»: за преступления, связанные с наркотиками, назначаются длительные сроки, а также сокращается число тех, к кому применяются альтернативные меры наказания.

Приведенные цифры не полностью отражают число находящихся за тюремными стенами. Около 80 000 женщин в прошлом году содержались в местных камерах заключения, мужчин – 600 000.

По материалам Associated Press, ноябрь 2004

Ольга Морозова**Женщина в тюрьме**
(неполитическая повесть)

Меня обвинили в хранении боеприпасов, свержении существующего строя и в покушении на жизнь президента Латвии. Тоже, кстати, женщины. Чтобы у следствия было время собрать нужные доказательства и чтоб я не путалась под ногами, меня поместили в единственную латвийскую женскую следственную тюрьму. Знакомство с тюрьмой началось с «вокзала».

Вокзал – это маленькое вспомогательное помещение тюрьмы. Просто закуток под лестницей. Тут женщины дожидаются отправки на суд, перевода в другую камеру и прочих перемещений. По сравнению с КПЗ, в которой я провела восемь суток, «вокзал» показался мне раем: светло, чисто, кормят.

Обыску женщины подвергаются везде и всегда – перед уходом на прогулку, после... Чем чаще, тем лучше (с точки зрения администрации) – подавляет волю и показывает тебе твое говняное место в этой жизни.

Вот и я на первом тюремном обыске. Вещей мало – одежда вся на мне плюс косметичка. В косметичке зубная щетка, паста, маскирующий карандаш, крем для век, гигиеническая помада, щетка для волос, мелкие сувениры.

Контролерша, оценив содержимое моей косметички, доброжелательно посоветовала: «Вот мусорник. Вы можете сами выбросить всякую дрянь». Одежда ощупана, тело (без шрамов и татуировок) – осмотрено. Следующая станция – «Карантин»!

Ольга Морозова – одна из лидеров латвийского отделения Национал-большевистской партии. 20 ноября 2002 г. была арестована «за подготовку покушения на президента республики». Вышла на свободу под полицейский надзор 8 апреля 2003 г. Дело было закрыто «в связи с отсутствием улик» в июле 2004 г.

В тюрьме наплыв «посетителей», карантинные камеры переполнены. Меня и еще одну девочку помещают на карантин в карцер. Ничего страшного, светло, чисто, только холодно. Камера угловая, а батареи едва теплые. За окном – середина ноября. Моя сокамерница, молоденькая хулиганка, мила и весела. По своему складу характера девушка не может оставаться одна, не может сидеть молча, не может заснуть без сказки. Зато она пишет стихи:

Наступит утро, настанет день,
Мы будем вместе, мой любимый,
В тот день мы не расстанемся больше,
Мой любимый!

Напоминает классическое: Наступит день, наступит утро, в дверь постучится «Кама-Сутра»!

Получила из дома передачу с теплыми вещами.

Идиллия закончилась. В обрывке газеты, выданной сердобольной контролершей для санитарно-гигиенических целей, с ужасом читаю о том, что еще два дня назад меня отпустили на свободу. Как же так? Я же в тюрьме! Учитывая выдвинутые против меня обвинения, складывается впечатление, что меня решили потихоньку замордовать. Только, господа, у вас не получится потихоньку! Я объявляю голодовку, выдвигаю требования.

Когда объявляется голодовка, администрация вынуждена сообщить о данном факте в Главное управление мест заключения, оттуда информация пойдет по агентствам и журналистам. И это обрушится на головы негодяев. Боже, я так наивна! Помоги мне!

Короче, сокамерницу от меня отселяют («Противная, кто мне будет рассказывать сказки?»). По правилам голодающий должен сидеть с другими голодающими. По всей тюрьме таких дур больше нет, поэтому сижу одна.

Условия супершикарные: двухместный карцер с маленьким окном, умывальник, унитаз, столик и две табуретки, привинченные к полу. Самое главное, нары на день не убираются, и мне оставили матрас и одеяло моей бывшей сокамерницы. Может, забыли? Но я очень этому рада. Чудеса продолжают – мне разрешили пользоваться библиотекой. Книги привозят на тележке прямо под дверь камеры. Сквозь маленькое окошко в двери (оно называется «кормушка») я выбираю себе книги. Пока есть силы, я тщательно вымыла карцер, навела образцовый порядок.

Три раза в день я получаю по кружке кипятка: завтрак, обед, ужин. Воду из-под крана не пью. В Риге вода очень плохого качества, можно заразиться гепатитом А.

Пришла врач. Пояснила, что каждый день меня будут осматривать, и если появится угроза жизни, то начнут принудительное кормление: «Через зад!».

Блин, интересное кино! Даже моя жизнь в тюрьме мне не принадлежит.

Голодовка протекает нормально. Мук голода не испытываю. Только стараюсь не читать сцен описания еды. А так как я набрала себе для чтения исторических романов, то эти сцены сплошь на каждой странице. Уже полмесяца я не видела себя в зеркало. Интересно, как я выгляжу?

В нарушение всех тюремных правил (голодающий – это нарушитель дисциплины, голодающему нечего не положено!) опять передача из дома – зеркально сияющая металлическая миска, кружка и ложка. «Набор для голодающих!» – иронизирую я. Понятно, для чего передали, но все равно приятно. Во-первых, весточка из дома, во-вторых, если смотреть в дно кружки, то получается отличное зеркало. Я осторожно заглядываю внутрь... Боже, со дна на меня смотрит настоящий инопланетянин. Огромные удивленно-раскосые глаза, зеленая мордочка. Немного успокоившись, понимаю, что это не инопланетянин, а я сама. Зеленая кожа – это то, что осталось от моего сногшибательного загара. Все просто. От этого неожиданного открытия я смеюсь, я заглядываю в кружку снова и снова, хохот разбирает до слез. А в это время за мною пристально наблюдают в глазок двери. Это я вижу симпатичную инопланетянку на дне своей кружки, а охрана видит голодную зеленую женщину, бьющуюся в истерике над пустой кружкой. А чего тут удивляться, мой вес снизился до 40 кг (норма 50 кг), мне не хватает воды.

Трудно подниматься на ежедневный медосмотр, кабинет на втором этаже. Стараюсь не делать резких движений – можно свалиться в обморок. Меня взвешивают каждый день. Чтобы обмануть врача, я постепенно натягиваю на себя всю свою одежду: три смены белья, три пары носков, спортивки, джинсы – все идет в дело. На последнем взвешивании ухитрилась забраться на весы в тапочках. Это мне добавило 200 грамм веса! Давление падает, на языке несмыаемый белый налет. Перед каждым посещением врача начищаю язык зубной щеткой. Помогает на 20 минут, а потом налет появляется снова. Все время хочется пить.

Много молюсь. Еще в первые дни после посадки сделала себе настольный крест. Мой сняли контролеры еще в КПЗ: «Крестов не положено!». Такие правила. Так я взяла две спички, выдернула из одеяла нитку и соорудила крестик. Сама же его освятила. Пригодились знания, полученные в православной воскресной школе. Сразу оговорюсь: конечно же, я требовала к себе священника. Мне вежливо ответили, что православный священник придет, когда я прекращу голодовку, получу свой срок и окажусь на зоне. На зоне! Пардон, господа, у меня другие планы.

Крестилась я, будучи совершеннолетней. Было это в далеком 1991-м. Латвия переживала короткий, но яркий период независимости. Еще действовала советская экономическая система, а наша маленькая республика стояла на одном уровне развития с капиталистической Испанией. Я с кучкой единомышленников убежала с работы, чтобы помочь строителям восстанавливать Христорожественский храм. В храме размещался планетарий, а по выходным собиралась воскресная школа. Наши батюшки – отец Георгий и отец Нил – проповедовали среди нашего высокообразованного стада (все сплошь с высшим образованием, а у меня их даже две штуки), как апостолы среди диких народов. Правила христианского смирения и поведения прививались трудно, но батюшки не сдавались. Их стараниями мы воспринимали православие как живую революционную веру (а так оно и есть!). «Вот вы попали в пустыню Сахара. С вами спутник – язычник (то есть некрещеный человек). Он при смерти. Умирает. Помощи нет. Как спасти его бессмертную душу?» – спрашивал отец Георгий. Вопрос был связан с только что прочитанной лекцией. Все тупо молчали, пряча глаза. Отец Георгий горячился. «Дык, покрестить-то надо язычника», – не выдержав, пробормотала какая-то пещерная бабулька. «Правильно!» – просял отец Георгий. «А как крестить? Мы же не священники, и где взять святую воду в пустыне Сахара? Мы же умираем от отсутствия воды?» – поднялся целый шквал вопросов. Отец Георгий доволен – он заставил нас думать. Оказалось, что вместо воды можно освятить песок, и крещеный человек, не имеющий сана, может провести обряд крещения. Конечно, в приблизительной форме. «А насколько действенен такой обряд?» – спросила я. – «В экстремальных условиях все зависит от силы веры. Верь!» Эти слова я запомнила на всю жизнь.

Вот такое лирическое отступление, но я в тюрьме и рядом нет отца Георгия. Я набрала в ладонь несколько капель воды из-под крана. Прочитала молитву о снисхождении Духа Святого и освящении воды. В освященные капли обмакнула крестик.

Крестик служил мне, пока мои домашние не прорвали блокаду и не передали малюсенький и тонюсенький, но настоящий освященный крестик. Самодельный я торжественно сожгла.

Мук голода, повторяю, не испытываю. Абсолютно. Только нарастающая слабость и жажда. Я спокойно читаю описания самых изысканных кушаний. Три раза в день открывается окошко-кормушка. Веселая баландерша (разносчица еды, тоже подследственная) просовывает огромную порцию еды со словами: «Кушать будем? Сегодня устрицы с шампанским!». Конечно, не устрицы, но выглядит красиво. Я испытываю чисто эстетическое удовольствие. Из предложенного меню я выбираю только шампанское (то есть кипяток). «Официант! Отдайте устрицы бедным». Баландерша принимает игру. Моя порция переключивается к наркоманке из соседнего карантина. Бедняжка никак не может наесться.

Однажды вместо обычного кипятка получила сладкий. В горле мгновенно образовался противный мерзкий ком. Ужасная гадость! От такого обмана я плачу. Выливаю испорченный драгоценный кипяток в унитаз и плачу. Следующую порцию придется ждать до вечера.

Жаловаться не могу, а вдруг сахар подсыпала сердобольная баландерша? Тогда ее подставляю своими жалобами.

С большим любопытством прислушиваюсь к работе своего организма. Почему я так легко переношу голод? Может, сказалась привычка к религиозным постам? Думаю, что просто еще рано. Всего 10-й день. Давление понизилось до 47. Разницы между верхним и нижним практически нет. Врач смотрит настороженно. Надо что-то предпринять! Срочно! Вспоминаю предъявленные мне обвинения – давление поднимается. Врач вздыхает, проверка пройдена. Ура! Угрозы жизни нет. Меня уже не взвешивают. Запись остановилась на 36 кг. Вообще-то мне надоели эти походы на второй этаж. Тяжело. Устрою истерику и откажусь от медпомощи. Имею право!

Блин, че это я все о политике! Возвращаюсь к своему, женскому. Месячные прекратились. Это нормально – они прекращаются, когда вес женщины снижается до 42 кг, а я давно уже болтаюсь где-то ниже.

Из прочитанных в детстве книг про полярных путешественников помню: чтобы объективно оценить свое физическое состояние, они уделяли большое внимание анализу своей мочи. Если ее много и она светлая – все «о'кей!»! Анализирую свою мочу – ее не больше столовой ложки, темная и едко пахнет кошками. Не нравится мне это дело! Больше не буду анализировать. Да, полярный исследователь из меня

не вышел. Ставлю крест на физиологическом и полностью обращаюсь к духовному.

Правда, врач заметила, что я влезаю на весы в тапочках, и решила впервые нормально поговорить со мной. «Не бойтесь пить воду из-под крана! Пейте. Я ее сама все время пью. Будет легче!» И точно! Какое значение имеет теперь чистота воды? Я пью воду из-под крана. Мне легче.

Каждый день меня посещает высокое тюремное начальство, воспитатели (вот такой прикол!), тюремный юрист, адвокат. Пару раз приходила прокурор (тоже женщина). Все, кроме прокурора, уговаривают отказаться от голодовки и сознаться в содеянном. Прокурору голодовка на руку: чем я слабее, тем проще допрашивать. Я диктую ей каждое слово, до последней запятой. Допросы длятся больше часа. Тяжело физически. Во всех газетах пишут об абсурдности предъявленных мне обвинений.

Близится финал. Финал – это моя смерть. Что-то быстро! Всего 15 дней. Всего лишь местный женский рекорд. «Начались необратимые процессы», – предупредила врач. Пора прекращать эту комедию. За окном наступила зима, выпал снег, замерзли лужи. Температура в карцере понизилась: при выдохе образуется облачко пара.

Вечер. Я молюсь, мысленно прощаясь с близкими, тщательно стелю постель – два матраса, два лысых одеяла. Аккуратно расправляю складки, укладываюсь. Очень миленькая могилка получилась. Уже погружаясь в свой последний сон, слышу страшный вой и суету в коридоре. «Лопнули батареи центрального отопления!» Бедные батареи, они тоже не выдержали! Как хорошо, что меня не смогли заставить оговорить себя и своих товарищей, как хорошо, что лопнули батареи, теперь я точно замерзну, и меня не сломают.

Сердце останавливается...

Остановилось...

Людмила Альперн

Прекрасный остров Джудекка...

В предпоследний день моей торжественной венецейской жизни ко мне опять приехала Паола. На этот раз – ради совместного посещения женской тюрьмы, которое она сама же и подготовила, добившись разрешения у местных властей, что было нелегко. Но в этом мире для Паолы не существует серьезных препятствий.

Женская тюрьма, да и вообще тюрьмы (их здесь несколько), расположены на том самом острове Джудекка, на котором мы с Паолой уже побывали, когда подыскивали мне жилье. Джудекка – тюремный остров, и выглядит иначе, чем большая Венеция. Он проще, приземистей, похож на городскую окраину. Правда, на окраину Венеции все-таки. Его название как-то связано с еврейской тематикой, как мне сразу и показалось¹. Это подтвердила и Паола, хотя точное происхождение слова неизвестно. Символично и название причала, на котором останавливается рейсовый катер неподалеку от тюрьмы, – Дзителле – по венециански это слово обозначает женщину, у которой нет мужа. Это нехорошее слово. Неодобрительное. Я пытаюсь уловить непонятный мне оттенок смысла.

– А почему нет мужа? Она разведенная, или просто не вышла замуж? Не смогла или не захотела? Может быть, ее в юности бросил любовник, пообещав жениться? Или у нее было много мужчин? – переспрашиваю я.

– У которой их много, та уже путана, – дает мне урок итальянского Паола.

Мы сходим на берег, и Паолу вдруг охватывают сомнения – а там ли мы вышли? Она бросается уточнять местоположение тюрьмы, затеряв-

Публикуется фрагмент из очерка Л. Альперн «Теперь о Венеции».

¹ Еврей по-итальянски – giudeo – джудео.

шейся где-то в глубинах острова. Нам на встречу попадают только мужчины, возможно, приезжие, во всяком случае, они, смущенно улыбаясь, пожимают плечами в ответ на ее энергичные расспросы. Паола язвительно хмыкает.

– Мужчины никогда не знают дорогу к женской тюрьме.

В тюрьме нас встречают две сотрудницы в синей униформе с погонами, Клара и Розина, с виду настоящие венецианки – невысокие, упитанные, с крупными чертами лица, надменные и приветливые одновременно. Я, кажется, нашла подходящее слово для их описания – чувственные. Да, вот именно, у венецианцев чувственный вид. Меня поразили глаза Розины – большие, выпуклые, фиалкового цвета, ее живое, подвижное лицо. Она в годах, но сколько ей лет, я бы ни за что не угадала. Она открылась сама – перед нашим уходом она призналась, что сегодня – последний день ее службы, завтра она уходит на пенсию. Меня это не удивляет – у нас тюремщики уходят на пенсию и в сорок лет.

– А у нас только в шестьдесят, кем бы ты ни была, если ты женщина, конечно, – добавляет Паола.

Женская тюрьма уютно обосновалась в здании старого монастыря – что ж, и раньше монастыри частенько служили для изоляции непослушных женщин. Здесь есть большой, мощный камнем внутренний двор, служащий для прогулок и для хозяйственных нужд – для просушки одежды и белья, например. Маленький садик с детской площадкой. Есть и большой сад, в котором заключенные выращивают овощи и фрукты для кооператива, и много разнообразных помещений. Меня во всех этих тюремных помещениях больше всего впечатляли окна. Оттуда бил негасимый, нескудный, чудесный венецианский свет, облагораживая любые предметы и лица, превращая тупую тюремную камеру в монашескую келью или наоборот – в уютную спальню какой-нибудь состоятельной итальянской семьи эпохи высокого Возрождения. Окна были точно такими же, как в комнатах, где я жила², и так же служили украшением жилья, вопреки, а может быть, и благодаря негустой решетке снаружи.

Венецианская тюрьма рассчитана на 100 женщин, но сейчас здесь всего 90. Есть подсудимые и осужденные. Есть матери с детьми – 8 детей на шесть матерей. Все матери – цыганки. Цыганки сидят, в основ-

² Возможно, все венецианские здания построены примерно в одно и то же время, или, скорее всего, их строители следовали каким-нибудь гласным или негласным стандартам, учитывающим особенности местности.

ном, за карман, а не за продажу наркотиков, как у нас³. Матери живут по двое или даже по трое в одной камере. И вообще, в этом учреждении нет отдельных камер, только общие – на 8–10 человек. Камеры открыты в течение дня, и заключенные свободно передвигаются по территории тюрьмы. У каждой – своя кровать, тумбочка, навесной шкафчик для вещей. В общей камере есть большой стол, где женщины обедают, есть отгороженный кухонный блок, где можно разогреть или даже приготовить еду. В нем – раковина, холодильник и рабочий стол, а вместо газовой или электрической плиты – маленькие газовые примусы, напомнившие мне реликты старого времени – у нас подобные устройства, только покрупнее, тоже были важной частью коммунальной жизни. Примусов в тюремном общежитии много, штук десять, то есть по одному на каждую заключенную.

Душевое отделение, в котором только четыре душа, разрешается использовать чуть ли не круглосуточно. Ограничений нет, хотя, конечно, для 90 женщин этого явно недостаточно. Кстати, душ – не русское слово, именно так оно звучит и по-французски, и по-итальянски. Это я тоже узнала в тюрьме.

Есть специальная комната для свиданий – в ней, как в кафе, стоят квадратные столики, а складные красные парусиновые стулья живописно лежат сверху. Комната пуста, хотя на свидания с родными заключенной отпущено 6 часов в месяц. На свидания приезжают, в основном, цыганские семьи, а большинство женщин, прибывших сюда издалека, не имеют свиданий – их родственникам сложно попасть в эти места. И дело не только в деньгах, но и в том, что им, жителям третьего мира (а именно оттуда женщины чаще всего попадают в венецианскую тюрьму), надо еще получить шенгенскую визу на въезд в Италию, чтобы навестить в тюрьме родственников, грубо нарушивших законы страны въезда. В этом каждый почувствует какое-то противоречие, а для чиновников консульских отделов оно вполне очевидно.

В тюремной библиотеке нет книг на русском языке, но нет здесь и наших соотечественниц – Клара с Розиной даже не смогли припомнить такого случая, а вот в женской тюрьме (СИЗО) французского города Мец, которую я посетила за две недели до того, их было две. Они

³ Как я поняла, в итальянских тюрьмах очень много местных цыган, во всяком случае, женщин и несовершеннолетних, что свидетельствует о другом типе их социализации и, безусловно, требует других, внетюремных, мер воздействия. И профиль совершаемых преступлений у цыган здесь иной, чем в России – это мелкие кражи, а не наркоторговля, что тоже кое о чем свидетельствует.

сидели в одной камере и тоже жаловались на отсутствие книг на русском языке. Книги в библиотеке меняют – она законный филиал местной венецианской библиотеки.

Посетили мы и католический храм – большой зал со всеми необходимыми атрибутами трудно назвать моленной комнатой, хотя верующих среди заключенных немного и далеко не все они католической веры – как известно, румыны и сербы⁴ исповедуют православие.

Изолятор, или ШИЗО по-нашему, находится в материнском блоке – уже после того, как мы оттуда ушли, объяснили мне наши проводники. Это просто обычная камера, куда отправляют на время тех, кто не может ужиться с другими – за драки, например, на срок не более двух недель, – или если есть медицинские показания к изоляции. Но это очень редкая мера, так как обычно женщины не допускают таких нарушений. Конечно, мне хотелось посмотреть на все своими глазами, но я не стала настаивать, чтобы лишний раз не беспокоить детей.

Матерям разрешают выходить на прогулку с детьми в любое время дня. Дети иногда покидают пределы женского заведения – их выводят на прогулку по острову волонтеры, чтобы они повидали мир, ощутили, что он не ограничивается пространством тюрьмы. Оказывается, если законные гражданки Италии попадают в лапы правосудия беременными или с малолетними детьми, к ним чрезвычайно редко применяют содержание под стражей как меру пресечения или лишение свободы как меру наказания. Ограничиваются альтернативными мерами. Однако за цыганками нужен глаз да глаз, поэтому их изолируют. Патронажная сестра, которая работает в материнском блоке, сообщила нам, что цыганки, попадая в тюрьму, считают, что здесь они не обязаны особенно надрываться, ухаживая за своими детьми – вот пусть тюрьма ими и занимается, и все проблемы переадресуют ей.

В тюрьме есть школа, и все, кто не имеет обязательного в Италии образования – чего-то вроде средней школы, должны посещать базовые предметы – математику, итальянский, информатику и т.д. Для иностранцев обязательный предмет – усиленный курс итальянского языка. Обучают здесь и ремеслам – переплетному делу, шитью, растениеводству.

Все хозработы в тюрьме – уборку, приготовление пищи, стирку – выполняют заключенные и получают за работу зарплату – примерно 200 евро в месяц. На эти деньги можно заказать раз в неделю себе то, что нужно – косметику, сигареты, сладости, одежду, белье, если не уст-

⁴ Именно румынок и югославок – сербок и черногорок – в венецианской тюрьме не менее половины.

раивает или кажется недостаточным то, что предлагает заведение. Но можно эти деньги или хотя бы какую-то их часть отослать детям, семье.

Есть здесь и другая работа, с более высокой зарплатой, но получить ее нелегко, так как это почти привилегия. С тюрьмой сотрудничают два венецианских кооператива: один занимается шитьем – но шьет не камуфляж, а какие-то уникальные вещи, в том числе карнавальные костюмы для праздничных выставок; другой – изготовлением натуральной косметики и выращиванием овощей и фруктов без использования химии – в этом и состоит искусство выращивания растений. Косметику изготавливают на заказ, частые заказчики – дорогие венецианские отели. Продукцию растениеводства продают в городе с лотков. Я видела такие лотки и даже покупала там зелень и фрукты. Для швейных изделий в городе есть специальный благотворительный магазин, в котором тоже работают волонтеры – они не получают денег за свою работу, для них это общественная нагрузка. В основном это женщины пенсионного возраста, но все еще молодые и душой и телом. Они с удовольствием отдают свое свободное время полезному, с их точки зрения, делу – здесь это почетно.

С полсрока осужденная может уйти на полуоткрытый режим, если у нее есть работа: жить в тюрьме, а работать на воле. Так вот, если она трудоустроена в кооперативе, ей гарантируется рабочее место на воле, и смена режима обеспечена. И даже после освобождения кооперативы не увольняют людей, если те выполняют законные требования: уволить можно только в соответствии с трудовым законодательством и уставом самого кооператива, и это распространяется даже на иностранцев.

В тюрьме 60% женщин – иностранки. Много из Румынии, из Югославии, а есть и с других континентов, из Колумбии например. Те, кто из Колумбии, понятно, попадают сюда за транспортировку наркотиков, а из других мест – за разное. Мне было позволено не только смотреть, но и беседовать – я поговорила с четырьмя женщинами. У всех – дети. Минимум двое, но у большинства – четверо. Отсюда, из тюрьмы, матери шлют своим детям переводы. Не за этим ли они и попали сюда?

Что, если не нужда и отчаянье, толкнули на преступление красавицу Веронику, мастерицу индпошива из Румынии, получившую 8 лет срока (за что – не знаю, и спрашивать не положено)? Это ее первый срок, и она производит впечатление умной и успешной женщины. Она – вдова, мать четверых детей (17–15–12–7), сидит здесь уже почти четыре года. Скоро у нее полсрока, она получит полусвободный режим и сможет работать на воле, а жить здесь, в тюрьме. Кооператив высоко оценивает ее таланты –

в том самом тюремном бутике, в который мы с Паолой отправились после тюрьмы, почти все вещи – пиджаки, костюмы, сумки – ее работы. Вещи дорогие, сшитые из хороших тканей – их кооператив получает за полцены от фирм-изготовителей в качестве благотворительной поддержки, все – в одном экземпляре, и их покупают в этом странном месте, в том числе и для того, чтобы поддержать нуждающихся.

Вероника получает за работу 900 евро в месяц. Это нормальная итальянская зарплата, – шепчет мне Паола, – и 500 из них она отправляет детям в Румынию. Они прекрасно обеспечены по румынским меркам, там бы она никогда не смогла так хорошо заработать. Это почти счастье, выход из положения. Старшая дочь – глава семьи, других взрослых в семье не осталось, и она воспитывает младших. Это нелегко, ведь она сама еще ребенок, но дети, по крайней мере, не голодают. Даже после освобождения Вероника не собирается покидать остров – работа ей обеспечена, кооператив поможет получить ей вид на жительство, детей она заберет сюда, хотя бы младших. Это ли не жизненный успех? Вряд ли она смогла бы устроиться здесь другим путем, не попади она в тюрьму, разве только выйдя замуж за местного. Но разве самостоятельная жизнь, пусть даже полученная при помощи тюрьмы, не лучше любого замужества ради достатка?!

Конечно, участь не всякой заключенной может сравниться с судьбой Вероники. Большинство из них после освобождения будут под конвоем доставлены в аэропорт и отправлены к родным берегам. Что их там ждет? Не покажется ли им раем венецианская тюрьма?

Другая моя собеседница, гражданка Черногории, получила большой срок, даже не присутствуя на суде. Как я поняла из разговора – на смеси английского и сербского – она первый раз была в Венеции, сопровождая убийцу Джинджича, предпоследнего президента Сербии. Видимо, она выполняла при нем какие-то чисто женские функции. Связывали ее с ним чувства или это была неплохо оплачиваемая работа, достаточная, чтобы прокормить детей? Не будем вдаваться в подробности. О деятельности своего хозяина, как это водится, она была слабо осведомлена, да это и не имеет значения – она никого не убивала, не грабила, не насильствовала. Когда она приехала сюда во второй раз, уже совсем по другому поводу, ее сразу арестовали и доставили в эту прекрасную тюрьму. Тут ей и объяснили, что она была в розыске, а потом ее заочно осудили, приговорив к двенадцати годам тюремного заключения...

Она уже привыкла к своей жизни, работает на кухне, получая те самые 200 евро, которые отправляет своей семье. Мужа нет, детей – двое. Рассказывает о своих коллизиях с улыбкой, но с приговором не со-

гласна, так как не считает себя виновной. Сидит уже три года, столько же не видела детей.

До Черногории отсюда рукой подать⁵, гораздо ближе, чем до Парижа, откуда я добралась за 16 часов и 70 евро. Наверняка есть транспорт и из Монтенегро, и не такой уж он дорогой. Она бы могла оплатить им дорогу из своих тюремных заработков, а община Венеции обычно подыскивает дешевое или даже бесплатное жилье для родственников своих заключенных, помогает им устроиться, хотя и не платит за их проживание – это они должны сделать сами. Но я представляю себе, какие препятствия возникнут и уже возникли для такого свидания! Кто она? Женщина самого низкого статуса – заключенная. Патриархальная черногорская семья, даже если и получает от нее деньги, невысоко ставит ее саму. Нужна ли такая мать детям? Тем более, если у нее такой огромный срок: они уже вырастут, когда она вернется домой. Да и какой она вернется после такого срока? Стоит ли овчинка выделки? Стоит ли тратиться на разорительное путешествие, травмировать детей ради такой матери? А тут еще и чиновники консульского отдела внесут свою весомую лепту...

Она продолжает по инерции улыбаться, но я уже попала с ней в резонанс и, кажется, сейчас заплачу. Я знаю, что это нехорошо, производит невыгодное впечатление на окружающих, лишает меня в их глазах профессионализма и прочих необходимых для такой работы достоинств. Но со мной такое бывает, и не только в тюрьмах. Чтобы сдержаться, я жму ей руку и желаю скорейшего освобождения. Слезы на наших глазах выступают одновременно.

Иногда Венеция мне самой кажется лучшим местом на земле – земным раем. Но я не узница, и через неделю увижу, наконец, своего сына, хотя он уже совсем взрослый и мы не так уж часто встречаемся, даже когда живем в одном городе. Те же, кто оказался здесь за решеткой, не скоро увидят своих детей наяву, но каждую ночь они приходят к ним – большие и маленькие – в их тревожных, беспомощных, жестоких снах. И потому женская тюрьма никогда не станет раем, даже если она находится в Венеции...

Мы побыли в тюрьме недолго – часа три, не больше, я почему-то не заметила время нашего прибытия. Возможно, у меня просто не было часов. Вышли же оттуда во втором часу, утомленные и измученные, как после тяжелого рабочего дня. Было время обеда, и мы присели на

⁵ По прямой – около 500 км, реально – 600–700 км по железной дороге, это примерно вдвое ближе, чем Париж.

террасу трагтории, которая помещалась прямо на набережной имени этой самой одинокой леди, которая все-таки не путана – Фундамента дельи Дзителле. Здесь длинная набережная, так как Джудекка – довольно узкий и длинный остров, хотя и не такой длинный и узкий, как остров Лидо, лежащий к востоку от него. Мы ели что-то типично итальянское – пасту и какие-то жаренные пампушки из риса с томатом, в общем, все то, что я не люблю. Цены на Джудекке немного ниже, чем там, где я живу, сказывается обычное удаление от центра. Платили каждая за себя – здесь это называется *in romapo*, то есть по-римски, – как всегда, учит меня языку Паола.

За обедом она предлагает мне программу на выбор – посещение тюремного бутика в районе Сан-Закарио⁶, что в центре, неподалеку от Сан-Марко, или поездку на другой маленький остров, где работает по программе полусвободного режима некая Джулия, отсидевшая уже почти 15 лет, чем-то очень знаменитая заключенная. Я выбираю второе, так как магазин женской одежды, даже уникального свойства, я легко могу себя представить. Узнать же, как опытная итальянская заключенная (она за это время перебивала во многих тюрьмах), не связанная присутствием персонала, оценивает райские условия венецианской тюрьмы, что ни говори, гораздо интересней.

Но это как раз и не удается – не судьба, видно, была мне познакомиться со знаменитой Джулией – она не работала, так как оказалось, что это был первый день ее полной свободы – срок закончился. Мы волей-неволей отправились в магазин, а ее историю, хотя и очень кратко, Паола мне все-таки изложила. Довольно обычную, надо сказать.

Все дело было в любви и мужчинах. Первый раз она попала с наркотиками, второй раз – при ограблении банка. Она не торговала и не грабила, просто разделяла участь своих возлюбленных. Такие уж они ей доставались.

– О, она умная и красивая женщина, – щедро хвалит ее Паола. – Очень умная. С ней надо обязательно встретится. В следующий раз.

– А что же так влипла, если умная? – скептически возражаю я.

– Ну любовь, же. Сама знаешь.

Я знаю, мне возразить нечем. Меня любовь до тюрьмы не доводила, но до отчаянья – доводила. И до тюрьмы, думаю, могла бы, просто мне другие нравились, не медвежатники, а художники и поэты, разница не так уж и велика – творческие профессии тоже связаны с риском, их (и с ними) тоже сажают при определенных режимах и надолго.

– Ну, а теперь опять влюбится?

– Теперь она с женщиной живет, с подругой. При таком-то сроке можно уже предпочтения сменить, и к мужчинам она теперь и близко не подойдет.

Посмотрим. Вот в следующий раз и узнаем. Только когда он будет, следующий раз?

После магазина мы посуху отправились на Пьяццале Рома через Пьяцца Сан-Марко, где задержались минут на пять, чтобы взглянуть на Мост Вздохов⁷. Это название, кажется, знакомо каждому, но, возможно, не каждый знает, что этот закрытый мостик в стиле барокко – всего лишь переход из здания суда в здание тюрьмы. И вздыхали здесь не о любви, а о жизни и смерти – сроки тогда были пожизненными или быстро заканчивались какой-нибудь причудливой казнью. Да и условия в тюрьме не были райскими – Паола что-то рассказывает мне про какие-то свинцовые потолки, которые раскалялись от тепла и делали пребывание в камере невыносимым...

Расстались мы в шесть часов вечера на железнодорожном вокзале⁸, попрощавшись надолго, если не навсегда, и Паола умчалась в свою Верону. В качестве напутствия я, в шутку, прочла ей несколько четверостиший из «Ромео и Джульетты», в переводе Пастернака. Там, где про Верону. Она с улыбкой слушала, покуривая сигарету неизвестного мне итальянского сорта и поглядывая на меня слишком светлыми для почти черного лица насмешливыми глазами⁹, а потом, уже садясь в поезд, заметила, что когда-нибудь разбогатеет и приедет в Россию. Приедет, раз сказала – уж более точного и обстоятельного человека, чем Паола, я, пожалуй, и не встречала дотеле, к тому же Россия для нее – не только мы с Пастернаком, а, думаю, как минимум еще и Ленин. Что ж, с нею, я, похоже, готова сходить в мавзолей или даже, если понадобится, съездить на могилу Троцкого в Мехико.

⁷ Ponte dei Sospiri.

⁸ Здесь же она помогла мне взять билет в Рим, куда я собиралась отправиться через два дня на поезде. Это был самый дешевый дневной поезд, самый медленный, который шел целых шесть часов и стоил 40 евро.

⁹ Паола довольно высокого роста, светловолосая и светлоглазая, хотя смугла почти до черноты, как большинство итальянок. По ее рассказам – так выглядят северные итальянцы, в отличие от южных и венецианцев, которые вообще занимают особое место в итальянской антропологии.

Екатерина Ковалева

Мадам строгого режима

Мы за грехи свои в расчете,
Кто отмолил, кто отсидел
Прими меня опять, Россия,
Я нынче снова не у дел.

Людмила Ивановна

Жизнь такая непредсказуемая штука, что удивляешься – то, чему вчера верила, сегодня уже фальшь...

Во всяком случае, когда за ней захлопнулась дверь КПЗ (камера предварительного заключения), она знала точно, здесь ей будет хорошо. Не будет забот о дне завтрашнем, да и сегодняшнем. Семейей она обзавестись не успела и никак на свободе все не могла найти себе применения.

Упасть на плечи государству со всеми своими «умею» и «не умею», «хочу» и «не хочу»? Авось на что-нибудь сгожусь! (Ах уж это русское «авось»!). Не впервой!

А умела она многое: и электрик была неплохой, и механик. В любой зоне два вида работ: или шить, или чинить машинки. И шить она умела, но не любила гнать необходимый план. Вот для себя – пожалуйста! Или для подружек – фуфайку перешить, зоновскую робу подогнать по фигурке.

Главное зоновское правило помнила: нельзя говорить, что умеешь, а тем более показывать администрации свое умение. Оценить – оценят, но на шею сядут так прочно, что о выходных забудешь!

В этот раз Людмилу гнали в центр России, в Кумово. И глядя в окно столыпинского вагона, под однообразный стук колес (ку-мо-во, ку-мо-во), она вспомнила, сколько же раз ее уже возили: и в Тюменскую область, и в край Красноярский, и в Путьму. Менялась только бегущая за

окном «столыпина» местность, а в лагерях лишь названия и нумерация учреждений. Порой даже не помнила точный адрес очередной колонии. Жизнь прожита просто зря!

Срок взяла немалый – 15, а по нынешним меркам наверняка доживать здесь (ну это еще как придется).

Вид у Людмилы был уверенный, властный. Чего-чего, а себя она умела преподнести. А на зоне в ту пору заболела, причем очень серьезно, приемщица карантина, старая и злобная зэчка.

Глава администрации, «Папа», покачал головой, когда она четко, по-военному отрапортовала – кто, статья, срок. Помолчал, оглядел всех окружающих, а было их там немало: начальники отрядов, спецчасть, врач, психолог, оперчасть.

– А вот как думаешь, с карантинном управиться сможешь?

– Это что? Из вновь прибывших за семь дней делать послушных вам роботов?

– Ну, роботов не надо, а послушных надо, – оглядел окружающих. – Как думаете, справится? («Интересно, и кто б ему посмел перечить», – подумала Людмила.)

И не дождавшись ответов:

– Ну что, дерзай, властвуй тут, а зарвешься, разгуляешься, так мы тебя мигом на фабрику пристроим.

– Поняла. Мне два раза повторять не надо!

Людмила (теперь Людмила Ивановна) сразу усекла ситуацию: лучше отмолчаться, надо выиграть время. А на фабрику я всегда успею.

На том и порешили. Дали толстый журнал – всех переписать.

Не думала Людмила Ивановна, что есть в ней воспитательская жилка. Ей хотелось уделить каждой вновь прибывшей чуточку тепла (правда, если она состоятельная, то есть – порядком затарена). А с теми, кто был борзым и бедным, сразу становилась она посуровей. Не прошло и месяца, как о ней на зоне заговорили как о строгой и требовательной, а самой главное – неподкупной (что было очень сомнительно). Гоняла всех на хозработы, для нее «блатных» и «шерстяных» не существовало. Иной раз и тем, кто с больнички ехал, доставалось, несмотря не справки.

Особой дружбы она ни с кем не водила, разве что – от нужды. Например, Боря-плотник (Борисова) нужен: позовет – придет плотник, полная, колхозная дородная деваха с мужицкими повадками, тут прибьет, там приколотит. Людмила Ивановна ее чифом с конфетами напойт, цивилизными сигаретами угостит. Поговорят о сплетнях зоновских и расстанутся.

Так бы и текла ее арестантская жизнь: весной грядки с карантинном копать, летом полоть, осенью урожай убирать, зимой снег разгрести. Все шло чин-чинарем. Иной раз девки сюда, на строгач, с гонором приезжали. Таких укрощала, да еще операм помогала – информацию подкидывала (ведь девки разговаривали обо всем), чем наживала себе врагов на зоне.

А тут девку борзую с этапом пригнали. Да и со сроком немалым. Она во время первого приемного шмона (особо выделиться хотела, минутный лидер): мне все до фени, глубоко фиолетово, и зона ваша дерьмовая. Но, конечно, дежурнячки разгуляться не дадут: через дубинал прогнали, да еще на 15 суток оформили с переводом в СУС.

К вечеру Людмила Ивановна, как всегда, кверху задницей в грядках торчит, как раз под окнами ШИЗО петрушку перебирает, а тут голос:

– Эй, землячка, поговорить надо.

Людмила Ивановна не любила базары разводить с ШИЗО, знала – у них одна песня: «дай покурить, дай чаю». Но взгляд от грядки оторвала, подняла на зарешеченное окно и увидела дикого, взъерошенного волчонка: безумные глаза, да еще на лбу – туту. «Глупа, видать, совсем, морду себе подпортила, а ведь молода еще, лет 25», – подумала Людмила.

– Ну что тебе? Только усеки, я здесь дневальная и подогревать тебя ничем не собираюсь, так что особо не растаскивайся.

– О том, какая ты сука, я еще в Воронеже наслышана, да и не хочу я ничего, но ты хоть имя скажи, а то мне тут муторно что-то.

– Не нарывалась бы на дюли, не сидела бы сейчас. Я тебя туда не сажала! А зовут Людмила, еще Ивановна, а между собой всяко зовут.

– И это знаю, «Чикатилиха» – это тоже ты. А что, ты вредная такая или жестокая?

– Всякая. Церемониться с вами не собираюсь.

– А ты по УДО, наверное, собираешься, что так под ментами прогиблась?

– Чего мне гнуться? Больше червонца осталось, дожить бы!

– А я 20 привезла.

– Здесь есть срока побольше. А сколько ж тебе самой будет?

– Мне 26 лет, а зовут Ольга.

– Ну, Ольга, сама знаешь, нельзя мне с вами разговаривать.

– Иди, я еще на твой огород посмотрю, какая-никакая воля. Всю зиму в камере.

И долго еще две ладошки сжимали прутья.

Людмила разводила своих новичков по спальным местам.

– Так, ты ложись надо мной.

– А я не хочу.

– А мне твое не хочу, как зайцу стоп-сигнал! По оперативным соображениям!

– Это ты, что ли, опер?

– Еще вопросы будут – рядом с туалетом ляжешь. А ты подальше от этой, как там тебя? Узнаю, что в ночи шуршите, – сдам обеих, и профучет обеспечу. Через год только снимете!

– О твоём «сдам» мы еще на этапах наслышаны, – отозвался кто-то из толпы.

Людмила сделала вид, что не слышит, сегодня почему-то ей не хотелось цепляться ни с кем, она себя еще им за семь дней преподнесет...

Так было всегда, со всеми новыми этапами, но не давал в ту ночь спать Людмиле взгляд этого волчонка.

А вот и мы!

Какое-то Кумово в центре России – мне это ни о чем не говорило. Суд определил строгач, и в камере, приходя в себя, я начала вспоминать и выяснять.

– Слышь, Надь, – к соседке, которая спала надо мной и вечно молчала (читала или вязала на стержнях), – ты, говорят, в этом Ахово сидела?

– Ага, – промычала она. – И снова пойду.

– А что тебя туда тянет, ты же знаешь, возвращенцев нигде не любят!

– Там Папа, – она сказала это с такой радостью, а ведь из нее надо каждое слово вытягивать с трудом.

– Кум твой, что ли?

– При чем тут кум? Хозяин зоны там. Папа. – Она села, отложила вязание и понеслась в свои воспоминания.

Надьку надо слушать не перебивая, иначе скажет: «Да ну вас, дураков, не верите» – и опять надолго уйдет в свое вязание.

И все-таки нет-нет, да я перебивала ее так ехидненько:

– И что, фильки у вас там никто не пьет?

– Какие фильки?

– Ну, нифеля от чифа остаются, бомжары, горничные их переваривают и пьют.

– Сама ты бомжара, зачем их переваривать, если чиф есть у всех. Там у всех все есть!

– Странная какая-то зона. Может, ты врешь, Надь?

– А чего мне врать! Всем выдают пайки – курить, чай, конфеты, па-сту, мыло. Всем!

– Да объясни, как это всем? А кто у вас там бычки сосет, собирает их кто?

– Да ты и будешь.

Вот тут я не выдерживаю и подрываюсь со шконаря.

– Ну, ты, я тебе сейчас жбан-то снесу! Ты что, во мне бычкососку увидела?

Ирка влезает между нами.

– Надька, что ты этим хотела сказать, объясни?

– Дураки. Да они там везде, бычки эти, валяются, на хозработы по графику отряды ходят и их в мусорку собирают.

Тут уже разом загалдели все.

– Да иди ты врать. В городах зарплату по полгода не дают, в армии дистрофия, а у них в зоне коммунизм.

– Да Папа знаете какой – он добрый. «Облака» надо слушать, они туда часто приезжают. А вы – только музыку. Там, помимо пайков, еще чек пробиваешь и идешь в ларек, а там чего только нет – и кофе, и консервы разные, и яйца привозят. А еще там зелень – кругом цветы, а весной алыча зацветает, так пахнет... Щи со свежей капустой целый год, картошка – и жареная, и пюре.

Есть мы хотели все. На этой пересылочной тюрьме мы ели гнилую картошку с вонючей капустой и кусочками сои. Есть хотелось постоянно.

– Я знала, что вы дураки, все равно мне не поверите. Да ну вас, – и, повернувшись к стене, засопела.

Для малоразговорчивой Надьки это много! Фантазерка – решили все!

Мы с Иркой знали непонаслышке, что такое голодная зона, когда девки скидывают с себя все с трудом в зону проташенное – спортбрюки, рубашки, станки, все за хлеб и куреху. А сколько в зависимость попали, ожидая дачки или посылки и беря в долг. Я видела, как роется в помоечных бочках с виду приличная женщина. И разве я не бежала по первому вызову в столовую на работу слесарем? Первое, что шло на ум, – утолить этот голод. А обмороки обессиленных на плацу... Все было, несмотря на присутствие Москвы в 30 км от той зоны на Можайке.

Слухи слухами, но едут колеса «столыпина», стучат в направлении Орловского централа...

Орловская тюрьма удивила цветочками около прогулочных двориков – клумбочки, все окультурено, не зря говорят, что здесь сидел Дзержин-

ский. И запах дешевой рыбы, вечно сопутствующий всем тюрьмам. Кормили на убой этой же рыбой. Терпимо. Отсюда два пути – или тубанар, или Ахово. Для нас исключения нет, однозначно – Ахово. Туда и везут.

Стоп машина. Выпрыгиваем и начинаем ржать, так как встречаются нас большие белые гуси, величиной с хороший трактор, вылепленные явно местным зодчим. Проходим в карантин вдоль решетчатых заборов, где отгоняемые дежурными зэчки встречают каждый этап, выглядывая знакомых.

Уточняю у одной из возвращенцев, как будет осуществляться прием. Объясняет, я уточняю подробности – для меня это очень важно, я везу запрет. Всякий раз что-то везешь в иной зоне дозволенное, а на другой – табу. И этот раз не исключение.

Ох уж эти государства в государстве со своими законами, традициями, таможнями, шмонами – отштампованными годами методами работы с контингентом, так теперь все чаще называют зэков, то есть нас!

Ну, с мультками ясно, их – в письмо, но я ведь картежник великий. Возомнила себя гадалкой офигительной, что часто меня выручало, а по-простому – кормило на тюрьмах и этапах. Какая женщина не хочет узнать, что ее ждет? А потому в ход идет все: домино, семечки, камушки. А у меня карты, это от бабки. И везу я совсем новую колоду гадальных карт и перстень-печатку, за что и вовсе запрут в ШИЗО.

Принимают нас в ШИЗО-карантине. Для июня месяца, да еще жаркого лета, в подвале довольно прохладно. Шмон. Вот и до меня очередь доходит. Одна из самых унижительных процедур.

– Раздевайся, что стесняешься, ведь не впервые, присядь пять раз, открой рот, да шире, что, зубы болят?

Мне помогает дежурная, которая без конца куда-то отходит: то ШИЗО кормить, то звонить, и я порядком замерзла, стоя голышом на цементе, но, я думаю, для них это норма: кто мы для них, так – очередное пособие по безработице.

Приходится терпеть еще одну унижительную процедуру – это переодевание в лагерную маскарадную одежду. А иначе как назовешь это платье 64 размера ну очень веселой расцветочки. Ох, моя бы бабушка радовалась, увидев меня в такой обновке (жаль не дожила), а то все: «Сними портки!» – это она про джинсы. И такого же цвета косыночка. Как все это подогнать под свой 46-й? Сейчас бы половину отрезать, а так приходится кушачком подвязывать. Люди никогда не были ангелами, а здесь в этой чудной одежде – это так явно выражено! Стая пугал!

И вот стоим одинаковые, казенные люди, но каждая со своей судьбой и, главное, своим сроком. По одному вызывают в комнату на рас-

пределение, я не тороплюсь, мое от меня не уйдет. В душе, конечно, страх, комплексы прут, терпеть не могу встреч с врачами и начальниками. Порой даже заикаюсь.

Вот главе стола сам «хозяин» – внешне очень привлекательный и добродушный мужчина с погонами полковника. Но – властный, явно из тех, у кого есть два мнения – «я прав» и «я прав всегда». Называю фамилию, срок, – перелистывает дело и постукивает пальцами по столу. Все молчат.

– У, попытка убийства. Да что ж ты так, по горлу ножиком? На фабрику ее, на фабрику! – Причем категорично. Опять листает дело, тишина. Ну, явный диктатор, замечая, что его никто не прерывает. – Да-да, профессия есть хорошая, слесарь-сантехник, вот где работала... – Ну, думаю, началось. – И что не работалось? – Это сам с собой. – Водочка, наверное? – Это ко мне, я молчу. – На фабрику ее! – Как приговор. – Иди!

И вот по этим повторяющимся фразам понимаю – явно Лев по гороскопу. Я успеваю разглядеть лица в военной форме, поражает присутствие мужчин (и это в женской зоне!), причем все лица добродушные и приятные, а женщины красивые. Да, штаты! Не слышу злых фраз и нравочений – срок ведь не первый.

Ох, если бы вы знали, полковник, как я хочу на эту фабрику, кому, как не мне, знать, что такое прокладка холодной воды зимой и горячие прорванные трубы отопления в мороз. Когда лета ждешь чтобы не отдохнуть, а сделать больше аварийных работ для зимы, чтоб зимой не перекрыло работой. И что такое в зоне слесарь: от канализации до замков – все твое. Не-на-до! А фабрика – это все! Это тепло, батареи. Бараков сейчас нет, отопление везде. Хочу на фабрику к фабричным девкам, в этот срок я точно шить научусь.

Но меня интересует другое – карты и перстень. Я все же умудрилась протащить их, причем влегкую.

Знакомились с дневальной, она какая-то уж чересчур нахрапистая, возможно, с крытки. Только там такие беспредельные. Шуткой выпиливаю:

– А как здесь с картишками? Гадать? Играть?

Вдруг вижу ее заинтересованный взгляд ко мне.

– А ты что, привезла, протащила? – допытывается.

– А что ты так спрашиваешь, уж не собираешься ли на мне заработать?

– Я не бедствую, но тебе пока по-дружески советую, избавься. Отдай мне, а я уж определю.

– Да откуда они у меня...

Пошла с Ирккой в закуток, где белье вешали, и без сожаления закопала колоду. Ну что ж, будем играть по их правилам. А печатка – ну, со временем и от нее, думаю, избавлюсь.

А зона с виду и впрямь как рай – красиво, везде цветы (в других зонах их съедают с голодухи или запаривают вместо чая). Грядки – лук, морковь, зелень, а мы с апреля из окошек только небо видели. Дорвались!

Решили с Ирккой держаться вместе – черт знает этот строгач. К тому же эта сука-дневальная сказала, что многие спрашивают, когда же я приеду. Косяков за мной не водилось, в долг я принципиально не беру. Врагов у меня не водилось. Значит, есть знакомые. Может, кто из подружек.

А эта сука в зону (даже под видом – «сходить за обедом») не пускает. Ирка при случае мне сказала:

– Не связывайся с ней, мразь она, потерпи!

Ну, вот завтра пройдут эти карантинные семь дней, и я, как песочные часы, перевернусь, сливаясь песчинкой, одной из этих полутора тысяч.

Что ждет меня в этой зоне? Как пройдет срок? Как прожить? Серой мышкой, никуда не вступая и не высываясь, или бунтовать и бунтовать, как прежде? Поживем – увидим!

«Мадам» – майор строгого режима

Судьбу зэка на определенный день решает дежурная смена. А именно – дежурный по колонии, ДПНК.

На день сегодняшний – единственная женщина на этом посту, майор Синцова – «мадам». Она, как диспетчер на пульте, держит руку на пульсе всей колонии. Знать все обо всех ей помогают, увы, частенько, и сами зэчки, иногда с добрыми, а чаще – со злыми намерениями. Бабы!

Она неплохой психолог с опытом работы как с контингентом, так и с сотрудниками, и тонко чувствует любой фальшивый наигрыш. Умеет выслушать стукачей, поощрить (может быть, в душе презируя их за малодушие), наказать виновных. И при этом быть уважаемой как зэками, там и сотрудниками. А некоторые дежурные так прямо и хотят быть такими, как она. И внешне она очень обаятельная и привлекательная женщина.

Дежурная часть. Звонок.

– Дежурная по колонии майор Синцова, на 20 июня в колонии 1700 человек, в ШИЗО – 5, отпуск с выездом – 1 человек. Да! Да! Недостатки устраним! Да! Спасибо!

Откладывает трубку, входят две дежурные.

– Ну, что там у нас?

- Да вот в 16-м отряде опять драка.
- Кто на этот раз?
- Да эти две подружки – Коровина и Егорова.

Майор хлопает по столу:

– Как они мне надоели, что там начальница с ними возится – разбить их по разным отрядам, пока не поубивали друг друга! Так ведь нет, одна в самостоятельности, другая – художник хренов. Жертв, надеюсь, нет, побои снимать не поведем? Кто на этот раз инициатор драки?

– Да Коровина. Опять сцену ревности закатила.

Майор подходит к микрофону, крутит его, причем все в зоне знают – ох, не любит она громкую связь. Радио громко орет на всю зону:

– Осужденная Коровина, 16-й отряд, срочно в дежурную часть. Срочно.

И где-то в отряде бегом собирается Коровина, ибо «мадам» ждать ох как не любит. Дежурная делает доклад:

– А в 4-м отряде целиком стекло в туалете вместе с рамой вылетело. Утверждают, что само выпало.

– Лариса, а у тебя дома стекла с рамой не выпадают? – спрашивает майор. – Я ей сейчас, мать ее за ногу, вспомню, как окна сами вылетают. Есть у меня там свой источник, должок за ней. – Берет телефонную трубку. – Соедините меня с 4-м отрядом. Николаеву срочно в дежурную часть.

Стук в дверь. Дежурные уходят. В дверь заходит девица лет тридцати, поправляет косынку, обязательный атрибут формы, одергивает юбку.

– Так-так, Коровина, а ты случаем не помнишь, как три месяца назад соплями здесь разбрызгивала? А? Не слышу! Или напомнить, как ты мойку подружке положила, решив, что она у тебя подгуливает? Или еще тебе напомнить, как вот ты у меня здесь (стучит по столу) письмо из дома читала и плакала, а? Все дома пьют, ехать никуда, вся надежда – на Егорову, что она тебя любит, и дурь твою терпит, и человека из тебя сделает. А может, ее позовем да расскажем вместе о твоих зехерах? А? Что молчишь? Она девка красивая, видная, ей семью надо на воле создавать, детей рожать, а не дурь твою выколачивать. Подумай сама – ведь у нее есть выбор, и всегда будет в отличие от тебя. Кто ты ей? Никто! Семья, мать вашу. Вот я тебе сейчас суток пятнадцать отдыха выпишу в ШИЗО. Пусть девка от тебя отдохнет.

Коровина начинает всхлипывать.

– Ну сорвалась я, последний раз, детьми клянусь, мамой.

– Что ты стала, как цыганка – детьми, мамой? А ты когда их последний раз видела, ты им хоть пищешь?

В дверь стучат. Майор: «Подождите». Коровина вытирает слезы, улыбается.

– Да, Нина Анатольевна, вот позавчера фото прислали, хотите – принесу покажу.

– Ты мне это брось! Не в пионерлагере, а я – не няня. Учти: не потерплю мордобоя, ни в какой форме. Ты женщина или кто?

– Женщина.

– Ну так вот, женщина, осужденная Коровина, пойдите сейчас и напишите объяснительную, а мы потом решим с вашим начальником отряда. Но, боюсь, вам придется расстаться. Чего топчешься, иди!

– Ой, спасибо!

– За что?

– Что не в ШИЗО!

– Будешь так себя вести, обещаю, сама отведу. Кто там? А, Николаева... (Лет сорока бабенка, битая, видать, то ли жизнью, то ли жизненными попутчиками. Та еще!) Иди, иди сюда, присаживайся, красавица (майор сама радуется), рассказывай. Отряд как тебя принял в качестве дневальной? Не обижают, не отнимают, не принуждают, а может, платят, чтоб на стреме стояла?

Бабенка в растерянности – столько вопросов!

– Да все нормально, я от них ни от одной не завишу, взятку не беру, дежурят по отряду все сами.

– И бригадир даже? Да она у вас тряпку в руках лет пять не держала.

– Ой, да что вы, Нина Анатольевна – наклоняется к ней поближе, – у нас ведь на днях фраер новый приехал, ей сейчас не до кого, обхаживает.

– Да разве она у вас одна?

– Конечно, нет, но ее Люська – в 6-м отряде. Думает, что не узнает. Смеется майор:

– А ты помоги, чтобы узнала! Да что ж это ты не усмотрела, кто стекло разбил? Не бойся... Или провалы в памяти? Ну, а если попрошу написать, напишешь? Хорошо, вот тебе лист бумаги, ручка, но не здесь – иди в цензорскую, как будто письмо пишешь.

Заходят опять две дежурные.

– Лариса, Елена, давайте-ка прижмем их маленько, этот 4-й.

– А что имеем?

– Туда торговки, говорят, зачастили, девки там не бедные. Все, что не по форме, изъять, разгулялись девки в отряде.

Умна майор, знает: чтобы обидеть женщину в зоне, нужно совсем немного. Нужно просто сократить ее гардеробчик. Все просто. Начнут хо-

дить, просить вернуть, заодно расскажут, кто чего купил и почему у одних изъяли, а у других нет. А заодно и положение дел в отряде выяснится.

Людмила и Ольга

На карантине день шел своим чередом. Людмила утром закрутилась, кого на какую работу поставить: кого – полоть, кого – мести, самых борзых – мусор выносить на помойку. Часам к двум пришел заместитель начальника колонии Василий Иванович. Человек в зоне очень уважаемый, строгий, но правильный.

Уселся удобно в кресле и начал издали.

– Вот что, Ивановна, знаешь, что за подарок у нас здесь сейчас? – И показал рукой в сторону дверей ШИЗО. – Я тебя очень прошу, никакого с ней общения. Будут просьбы – сразу ко мне! А они будут! Она на особом контроле! Повторяю, никаких просьб ее не выполнять.

Людмила побаивалась этого красивого усача. Уж очень он стукачей не любил. Он был из кадровых военных – по словам зэчек, прошел и Афган, и Чечню. Бабы Крым и Рим прошли, а любили его за справедливость и разумность решений и частенько ходили к нему.

«Во, падлы, – застучало в голове у Людмилы, – уже успели наступать, с-суки».

– Я тебе говорю не о том, что сигналы поступили, – прервал ее размышления Василий Иванович, – а о том, что она конфликтная по отношению к администрации. А нам это – ни к чему. Но, сама понимаешь, искать контакты она будет, и мы должны знать о каждом ее шаге. А тебе мы доверяем, не думаю, что ты подведешь.

О том, что он ее недолюбливает из-за частого стукачества операм, Людмила, конечно, знала.

– Да я попробую, Василий Иванович, – робко начала она и осеклась. – А вы знаете, она ведь вчера ко мне подъезды делала.

– Ну, давай, – настойчиво сказал он, – узнавай потихоньку, чем дышит, если можешь, и под шкуру лезь, мы должны знать о ней все, ее планы, даже ее прошлое, понимаешь. Старайся! А с нашей стороны – сама знаешь, поможем.

И хоть была по последнему своему сроку Людмила «оторви да брось», и с администрацией конфликтовала, и драки, и ШИЗО, и ПКТ прошла, и участницей розового движения была (хотя на всех зонах это по разному зовется, по старинке просто «пидерасия», а молодежь ввела нововведения – «игра в палочки «твикс»»), но в этот срок Людмила подошла ко всему иначе и в Ахове сказала «нет» всему, кроме активной работы и содействия администрации, а именно операм.

Жить только для себя. Одним словом, делать хлеб свой за счет окружающих. Стервь, так сказать.

Ольга тоже в эти дни усердно теребила свои мозги. Зона новая, встретили уж очень неласково, если не сказать плохо. Жить, а главное – выживать – надо. А как велико желание – красиво жить, естественно, за счет других, а по эзовским понятиям – чтоб тебя обстирывали и обглаживали, любили и лелеяли... Всякая ахинея лезла ей в голову, и в мечтах своих она углублялась все дальше и романтичнее.

Молодость, ну чего тут скажешь!

Когда я сидела в ШИЗО, я мечтала о куске черного хлеба с солью, горячем душе и почему-то о туалетной бумаге, но каждому – свое.

Но совесть – качество врожденное, а таковой у Ольги не водилось.

Здесь надо было начинать с первого кирпича, значит, подготовить почву основательно. А для начала не завести ли легкий роман с дневальной карантина? Давить на жалость бабью. Жить надо, а она, видать, хоть сука и прожженная, но одинокая. Может, клюнет.

Утром, убираясь в ШИЗО, что тоже входило в обязанности дневальной карантина, получила Людмила рулон скомканной бумажки (муля), спрятала, пришла к себе и прочитала: «Поймите правильно, Людмила, я прошу всего маленькую толику внимания. Просто изредка постоите у меня под окном, я ведь впервые в одиночке. Давит! Плохо мне!» Вот, подумала, не было заботы... да на кой ляд, одни неприятности. Посоветуюсь-ка с Василием Ивановичем.

– Ну что, Ивановна, пусть все будет у нас под контролем, без утайки. Ты сама знаешь – в одиночке всякое может случиться. Психически она очень неустойчива. Поглядывай, если меня не будет, связывайся напрямую с Владим-петровичем, но я и так знаю, что ты с ним сотрудничаешь. Не загружай ее и ничем не провоцируй. Осторожничай, да я и сам к ней зайду побеседую.

И, видно, зашел, через пару дней. Волчонок говорила о Василии Ивановиче как об отце родном. К тому времени Людмила знала, что ее воспитывал отчим. Не видела она отцовской ласки, жила вечно на одних пинках. Да и что она вообще видела за свои 26 лет? Озлобилась от вечно пьяных родственников и их вечной перебранки, частенько переходящей в драку. В 26 лет – третья судимость, а теперь еще строгащ, впереди 20 лет.

«Да, – думала Людмила, – девку вытаскивать надо на зону, там с фабричными она быстрее отойдет. Но уж очень она дикая, и при разговоре в глаза не смотрит, отводит».

Узнала, что читать она любит, чем живет. Узнавая подробности из ее жизни, она никогда не касалась темы совершенного преступления. Да, женщины всегда все приукрашают...

Вдруг Ольга начала писать любовный роман, на манер американских. Людмила взяла почитать, – полнейший бред. Ковбои, ранчо, очередная «лав стори». Но при случае похвалила: «Вот выйдешь скорее на зону, там в клубе собираются поэты и писатели».

Всякое зонавское благополучие – вещь зыбкая и временная. Людмила любила побаловать Ольгу чем-нибудь сладким из очередных баулов. Карантин всегда шел регулярно, через каждые семь дней новые люди, а подруга в запросах становилась все требовательнее, ей хотелось то новую обновку, то сладкого, или сигарет с фильтром. А для этого через каждые семь дней Людмиле приходилось искать новую дойную корову.

Подходя к закутку, где вешали белье, Людмила услышала:

– Ты глубоко не закапывай, вдруг подвернется случай на больничку рвануть. И не цепляйся ты, не связывайся ты с этой дневальной. Мразотная она! Понимаешь? Мразь! Ты же слышала, все время орет: «Если хотите здесь жить хорошо, пишите явки с повинной!»

– Собака лает, ветер носит. Я б ее еще боялась! Не впервой, прорвемся! А перстень спрячу.

Людмила частенько слышала о себе нелестные отзывы, но чтобы так откровенно! «Ну, с-суки, вы у меня уйдете в зону под музыку оперную. Я вам устрою, чтоб вам жизнь здесь раем не казалась, вы меня не раз вспомните. Интересно, а чего это они закапывали, и что за перстень...» По голосам она хорошо их узнала.

Золотая лихорадка

Пошла вторая неделя небывалой жары, а я все не могу адаптироваться, все никак не могу привыкнуть к локалкам. Когда иду по центральной аллее, есть ощущение, что идешь мимо вольеров с дикими животными. Зоопарк со строгим режимом. Замки, а тут еще в эту локалку войти надо, при этом что-то придумать для дежурной на 5-м посту. Его в любом случае не миновать. Вот и в этот раз изворачиваюсь.

– Гражданка дежурная, разрешите пройти в первую локалку.

– Зачем?

– Рубашку отдать, в сушилке рядом висела, она забыла – вот отдать несу.

– Ну неси, но не долго.

Захожу на третий этаж, здесь моя очень хорошая землячка работает дневальной.

Присаживаемся в курилке на низкие лавочки, отсюда прекрасный вид на весь лагерь. Лето в разгаре, играют тутурированные девки в волейбол. Кстати, я заметила: на всех зонах весна и лето – время для того, чтобы щегольнуть летним гардеробчиком, но самое главное – это, конечно, тугу. Впрочем, как и в бане. Хотя большинство из них – такое фуфло.

Рассматривают меня в отряде – с некоторыми здороваюсь. Убеждаюсь, земля круглая, «гора с горою...», а незаконопослушные всегда найдут место для встреч.

Некоторые спрашивают «сколько привезла?». Отвечаю. Моя знакомая их одергивает.

– Дайте с человеком поговорить, сто лет не виделись.

Заходит какая-то заспанная деваха и обращается к моей знакомой:

– Тань, а чья сегодня смена?

И тут ее, такую ранее спокойную, прямо прорывает.

– А что, ты до сих пор выдыхнуться не можешь! Чья, чья – Синцовой!

– Ну, кикоз, опять все локалки позакрывали.

– Да нет, вот ко мне как-то Катька проскочила.

– Новенькая, еще верят, пару раз вычислят, что врет, и все – лафа кончится.

– А куда тебе, Надь, особо бегать? В баню вас хрен выгонишь – здесь свинячить от рукомойников не отходите! Шмон был? Был! Рапорта есть? Есть! А теперь башки раскиньте: чьи спицы в горшке с цветами?

Чей-то голос: «Да Мамаевой!»

Таньку несет все дальше.

– Хайло свое закрой, а не ты ли два дня назад ими щелкала, вязала, а Мамаева уже две недели где-нибудь под пиратским флагом бомжует. Что-нибудь не так? Черти, весь хлам в отряд тащите. Одни рапорта. Вот ты, Синица, что у тебя за резинку фабричную изъяли и флакон из-под духов? Что? А, подложили тебе! А мои трусы, что на той неделе пропали, тебе не подложили? А тебе, Антонова, скажи, кто лак подложил? Может, сама? Вот завтра придет Мама (начальник отряда), что молчите? Вот ты, бригадир, думай. А то завтра будет вам и телевизор, и магнитофон, и отоварка. Сидите и целый день все трете – амнистия да пидорастия. Все по мамочкам домой собираетесь. А с какого года ребенок – вспомнить не можете. Ну, не знаю, что завтра начальнику говорить.

– Это ты да не знаешь?

– За себя я всегда отвечаю, а вот вы сейчас все вчетвером – грабельки, ведро в руки и на территорию – убирать, поливать. Авось Синцовой на глаза попадетесь, прощения выпросите... – И уже ко мне: – Пойдем, Катюха, на здание, чай нам сварили. Разве они поговорить дадут?

Мы располагаемся за домом, возле клумбочек, хочется говорить о многом. Дома наши напротив, дети вместе играли, а встречаемся вот где. А хотя чего странного? У меня здесь даже одноклассница. Со школы не видела.

– Да, Танюха, круто ты с ними.

– А с ними по-другому нельзя, иначе какая я дневальная? Вот посидишь с мое в этой зоне и поймешь. Зона для большинства из них – отдушина, чтобы сил набраться, и ведь почти каждая из них так и не найдет себе достойного применения. Скоты! Я бы половину отсюда вообще не отпускала. Жиреют они здесь, как собаки на помойке у нового русского.

– А ты изменилась, Тань!

– Устала я просто в этой зоне, трудно...

Она начинает подбирать слова.

– Понимаешь, дело не в том, что зона строгого режима. Дело в них, в ментах. Ты же видишь, здесь много наших по тому сроку, они-то ведь не изменились. Другой вопрос, почему мы опять здесь?

– Мне трудно тебя понять, Тань, я так трудно адаптируюсь, к тому же появились проблемы.

– Какого плана? И как ты вообще в отряде? У вас начальница молодая.

– Хоть молодая, но строгая и требовательная, к тому же она мне сказала, что я у них ненадолго, меня заберут на точку. Отряд нравится, нет кучкований, сплетен, разборок. Дружный. Дело не в отряде. Опера стали таскать. Херня какая-то получается. Требуют явки с повинной. В чем? Я и дел-то своих половину не помню, полгода в полупьяном состоянии. Они утверждают, что я должна сдать золотишко, что в зону протаскала. Шмонают без конца.

– Что за опер?

– Да, мордастый такой, здоровый!

– Поняла, кто! Знаешь что, хочешь, я тебя сведу с Синцовой, поговоришь с ней.

– С кем? Ты что, да я при ее виде в любую локалку заскакиваю, она тут с меня хотела штаны спортивные снять.

– Если бы хотела – сняла бы!

– Так ведь снимать заставила на аллее, а у меня от страха волосы на ногах дыбом встали. Она посмотрела и говорит: «Да, они тебе нужнее, иди в локалку». И штаны отдает.

– Знаешь, Кать, что я тебе скажу, тут много неправды, что она злая. Она прин-ци-пи-альная! Вот сама пораскинь. Порой многие из нас только в колониях чему-нибудь научились. Да хотя бы шить – это уже много. В колонии за 30 лет, поверишь, ни одной – ни одной! – попытки к бегству. Не бегут не потому, что некуда, а потому, что здесь хорошо. А помнишь, как на Можайке – что ни месяц, то попытка! Я почему знаю – как дневальная списки пишу, а у многих – БОМЖ. А здесь работы на много лет хватит, и жарчки, и пайки, и счета у многих – дай Бог!

– Танюха, ты что такая злая?

– Да я давно уже отвыкла давать волю своим эмоциям и амбициям. А иной раз так хочется в репу съехать. Но домой охота больше, а уйти по УДО здесь реально. Вот и держусь. Вот потому и дневалю. Как-никак, но начальнице помогаю. Она у нас хорошая! Ну, давай я тебя отведу в дежурку к Синцовой. Расскажешь ей о своих проблемах.

– Нет, ты же знаешь, у меня принцип – «в ментах друзей не ищут».

– Дурные у тебя принципы, и ты еще убедишься – здесь врагов среди ментов нет, в отличие от подружек наших.

Свидание с «мадам»

Вскоре меня перевели на работу на точку слесаря-сантехника, и некогда мне было отвлекаться – стоило только присесть где, чаю попить, а тут громкая связь, и я подрываюсь и бегу на очередной вызов. Хозяйство немалое, только успевай крутиться: то кран сорвут, то отопление прорвет. При виде моего вечно мокрого, грязного, бомжацкого облика начальница отдела безопасности заводила обычную песню: «Почему не по форме, где юбка, возвращайся». Причем, ей было глупо наплевать на аварию. Только форма. Все можно было решить просто, но спецовки в этом пионерлагере с уголовным уклоном просто не предусмотрены. Интересно, где она видела слесаря-сантехника в юбке и платке? Правда, некоторые утверждают, что она была добрым и прекрасным начальником отряда. Я сомневалась. А может, это она ко мне так предвзято относится? Но с дебатами я не лезла.

Спорить нельзя, иначе – еще рапорт, а у меня их накопилось, как у собаки блох. К тому же начальник отряда заставляет за них отработать на сцене. Странная, я вам скажу, политика. Собрать всех нарушителей на «Танец цветов» или «Букет рапортов». Недели мы какие-то

немыслимые шляпки – я была гладиолусом – и на сцену. Если учесть, что с танцами у меня никак, то зрителям весело. Интересно! И к культуре приобщаемся, и нарушения снимаем.

Ну это – «в каждой избушке свои погремушки». Очередной рапорт я посчитала явно незаслуженным и, плюнув на все свои поганые принципы, пошла в дежурную часть. Да еще в смену Синцовой.

– Нина Анатольевна, здравствуйте. Я вот.. (начала я заикаться). Я пришла сказать, что меня не устраивает формулировка, что в рапорте написана, а именно «с целью хранения в личных целях» я несла нож. Но ведь это не так. Час ночи, я с аварии несу сдавать инструмент и сама вижу – ножа два, мой и мужиков. Они одинаковые. Собирала. Торопилась.

– Хочешь, я тебе объясню правила пользования инструментом, или тебя послать за разъяснениями к Ольге Петровне, – и она указала на дверь «отдела безопасности». – Ты знаешь, чем это для тебя кончится?

– Не надо, мне кажется, я их помню.

– Садись пиши объяснительную, мы решим.

А чего я, собственно, хотела? У нее своя работа, у меня своя.

Я написала, подала.

– Присядь-ка, – сказала Нина Анатольевна. – А что у тебя за ситуация с выносом запрета из карантина?

– И об этом знаете?

– А для чего, ты думаешь, я здесь сижу?

А что я, собственно, теряю, если все ей расскажу?

– Понимаете, был у меня друг, но он погиб, и все, что от него у меня осталось на память, это перстень-печатка. И я ее умудрилась протащить в зону. Боялась, что на личных вещах потеряют.

– Я бы хотела ее видеть.

В целях безопасности я всегда носила ее с собой в носовом платке. Я достала и подала ей. Она недолго его крутила.

– Знаешь, что я тебе скажу: вижу, что вещь недорогая, я в смысле цены, но если тебе очень дорога – носи, но лучше убери. Обещаю, изъять у тебя ее – не изымут, а вот неприятностей нажить можешь. Но я не думаю, что ты продавать его надумаешь. А вот на работе тебе явно с ним неудобно, не за столом сидишь. Ненароком зацепится за что, травматизм нам ни к чему. Ну что, согласна? А хочешь, я на личные вещи положу?

– Да нет, я уж лучше сама приберу.

– Ну, что еще призадумалась?

– Да просто об этой вещи два человека знали, я и моя подруга с 5-го отряда, Ирка Кривцова, мне бы не хотелось думать о ней плохо.

– Вот что я тебе скажу, не мучь себя сомнениями. Информация поступила совсем от другого человека.

Я уходила с дежурной части с противоречивыми чувствами. Даже об этом она знала. Остается одно – дневальная карантина.

Людмила была озабочена: Ольга стала все настойчивее и требовательней.

– Найди способ, чтоб я вышла в зону, хотя бы на пару часов. Придумай что-нибудь.

Людмила зазвала однажды к себе плотника, все ту же полную девушку, заказала ей полочку для книг, опять-таки для Ольги (библиотеку собирала), и начала издавала.

– А вот, Боря (Борисова), не знаешь, где мне сеток прикупить, ну, которые на зоне вяжут?

Боря была с крестьянской жилкой и сразу смекнула, что Людмиле они ни к чему, значит, для тех кто сидит в ШИЗО (план перекрыть), а это криминал. А значит, с работы выгонят.

– Знаешь что, Ивановна, мне это ни к чему, я по зоне не ходок, вот обратиться к очкарику, слесарю, он дурачок, тебе чего хочешь принесет. Он ентый, как называется, боготворительностью занимается. А я нет, мне из-за их, ваших сеток, работу терять – никак неохота. Сама понимаешь, она калымная, кому полочку, кому табуреточку. Да и к тебе все равно кроме меня и слесаря никто не пройдет.

Людмила Ивановна

Все шло как всегда.

Подъем, развод, проверка, отбой.

Уходила моя землячка, и не то чтобы в никуда. Был дом, семья, но возвращалась уже два раза. Вспомнилось, что недавно на КПП выбили новый лозунг: «Кто не с нами, тот у нас».

Вроде бы пустычок, но неприятно. А вот на воротах Можайской колонии, на въезде – «Добро пожаловать», а на выезде – (двусторонняя вывеска) – «Счастливого пути!»

Так я и шла со своими думами, как груженный «боинг». Шли с напарницей (мне дали помощницу) в рабочих робах на очередной вызов.

Идем, брякаем ключами, а навстречу сама «мадам» Синцова.

– Так, красавицы, куда идем?

– В 14-й отряд, вызов.

– Приведите себя в порядок и идите.

Человек ко всему привыкает, но ко властному и требовательному окрику – трудно.

– Идите, идите, разворачивайтесь.

Мы развернулись и пошли.

– Она на мне нагрета, пойдем, расскажу, – сказала мне напарница. – Помнишь, вчера был вызов в карантин? Так вот, я с дневальной цапнулась там, она на нас, а в частности на меня, бочку катила, орала: «Я тебе устрою!», ну, я в ответ: «Да что ты мне можешь устроить, оперная певица?» А сегодня, видишь, как быстро среагировали.

– Опять этот карантин, да что за бред кобылы!

– Для нас с тобой – да! Они с нами не церемонятся. А ей вера. Знаешь, Ань, я, пожалуй, к ней сегодня схожу поговорю. Не надо с этой жабой отношения обострять. К тому же – должок за ней. Три дня назад она меня просила сеток скупить на зоне, мол, для подруги, план хочет перевыполнить, выйти на зону зубы вставить. Ну, я ей скупаю все сетки, благо во все отряды доступ «с одной лишь поправкой». Я сказала своей знакомой, чтобы несколько было с браком, а вернее, чем больше, тем лучше. Как раз тот случай.

Во время обеда я уже сидела у нее в каптерке и пила чиф с очередными выпрошенными конфетами. Этап был богатый, конфеты были шоколадные.

– Ивановна, а вот скажи, чем тебе моя напарница не нравится?

– Я к ней нормально, а вот она работать не хочет, ей в кайф с тобой ходить в штанах и понты колотить. И вообще, ты меня забросила, все время ее присылаешь. А она бестолковая.

– Это тебе со своей колокольни кажется, что никто не работает, одна ты, да? А чего ты, собственно, делаешь, а? Собираешь информацию о вновь прибывших, а потом думаешь, что решаешь их судьбы, да? – Я совсем ее не боялась – что я теряла... – Вот ты на дню три раза сапоги и куртки переодеваешь, и все ради того, чтоб в зоне покрасоваться, какая ты богатая. А за чей счет? А у нас резиновые сапоги одни на троих, мы все в них работаем.

Людмила оторопела от моей наглой нахрапистости и прикрыла дверь.

– Ты что орешь, да я против тебя ничего не имею.

«Что могла, ты уже сделала, – подумала я, – вот теперь за напарницу принялась».

– А я, между прочим, в бригаде, ты вот ментов натравила, теперь шмонами задолбят. А у нас вольные, и мне неприятно. Злая ты и нелюдямая. Я тебя понимаю, тебе ничья дружба не нужна, а чего это ты

ради Волчонка стараешься? Она ведь выйдет в зону и всем расскажет, как ты тут ради нее старалась, крутилась, девок с этапа раздевала.

– Пусть! Это ее личное дело, мне ее просто жаль. Я ее тут в душе увидела, очень она худенькая. К тому же почки у нее больные. Наверное, в понедельник в зону выведут, под капельницу.

Мы пошли через окошко передавать ей сетки и обговаривать ее выход в зону.

– И я попрошу тебя, не зови ты ее Волчонком, – попросила Людмила.

– А ты от напарницы отстань, я одна тоже не успеваю.

Итак, что я усекла? В душе она ее видела – значит, замок открывает сама, своим ключом; сеточки-то с браком, а значит – на днях что-то будет. Живем по принципу – «поступай с людьми так, как они хотели бы поступить с тобой».

Лишние откровения

Сытая зона – ешь что хочешь, носи что хочешь. Зомбирована только на работу, да вот ее-то как раз здесь навалом. И еще развлечения. Видаки, концерты. Одно из развлечений – СКО (совет коллектива колонии) с присутствием Папы.

Его фразы, реплики, причем, при кажущемся его дремотном состоянии (устаёт папик), всегда остроумны. Даст прикурить всем, и если передние ряды только прыскают в кулачок, то задние просто покатываются. Умен, остроумен. Но если Папа зол, то в зале тишина, летят бумаги, и можно, просто ответив ему не так, уйти в ШИЗО. Поражает масштаб информации, которой он обладает без помощи бумаг и записей. Помнит всех. Взглянув на тебя, услышав фамилию, иной раз такое выдаст! Думаешь, это ж сколько лет прошло, а он помнит! И долго еще на проверках рассказывают о последнем заседании СКК или комиссии УДО, копируя Папу. Всенародная любовь, вот что это! Но что-то я отошла от темы.

Люблю в зоне тишину, странно, но она здесь только ночью, когда все спят. Смена Синцовой. Ночь. Мороз, и мы с напарницей с аврала в дежурку, чтоб сдать фонарь.

Не до тишины, спать, спать, скоро подъем.

– В столовую их отведем, Лена, – обращается Сама к дежурной.

– А что там случилось?

– Накормить вас!

– Да мы лучше в отряд, спать.

– Никаких в отряд, а впрочем, я вас сама отведу.

И идем мы по этой тишине.

В столовой от тепла и сытости так совсем разомлели, мне кажется, я уже и ложку за ухо завожу. Они сидят рядом, Елена и Нина Анатольевна, им весело, они заставили, а вернее, попросили поваров налить нам наваристых щей – и мясо, мясо. И вот рядом веселятся, говоря о чем-то своем. Нина Анатольевна поворачивается ко мне.

– Катерина, а ты перстень-то носишь?

– Ношу... в кармане.

Им опять весело.

– Кать, ну Расскажи, как же ты его пронесла.

Я сытая, добрая, вот так бы упасть под стол и уснуть. Я беру большой кусок хлеба и аккуратно делаю в нем отверстие.

– Все рассчитано на вашу женскую доброту, ведь правда, женщина нормальная никогда не выкинет кусок хлеба. К тому же я узнала, что у вас нет «Ласточки» (просвечивание на металл). Все дело просто. Я уходила на шмон последней, и у меня была возможность осмотреть эту душевую – ее канализацию, то есть слив, я ведь слесарь-сантехник. В слив я в пакете положила карты и лак. Важно потом зайти мыться первой! А с больнички сказали, что душ единственный. Дело случая! А кольцо в хлебе. Хлеб не выкинули, не отняли, да и в душ я зашла первой.

– Ну, а где же карты?

– Я их в тот же день в карантине закопала, зассала в зону выносить, здесь, говорят, это не катит.

– Правильно, Катя, сидела бы ты сейчас в СУСе.

– А может, все-таки не закопала, скажи честно?

– Да что б мне дети в гроб наклали!

– Ну и клятвы у тебя, – и опять засмеялись. – Смотри, накладут!

– Ой, спасибо, накормили, мы теперь как беременные бумажники, еле из-за стола вылезли. Спать! Спать!

А назавтра мне самой пришлось ставить новый замок в душе.

Каждый за себя

Находясь среди себе подобных, мы порой боимся показать свой страх или свои радости, не зная, как к этому отнесутся соседи, а вернее, соседки. Женщина – она всегда изопреннее.

Вот и давим в себе все, что может вырваться наружу.

Моя «крыша», горькая моя любовь – Верочка. Если кто-то катил на меня бочку (а такое бывало – я далеко не подарок), Верочка ходит к своей «крыше» и отмазывает! В народе говорят: «в беде познаешь друга»,

А я бедой пронизана насквозь,
Но никогда спасательного круга,
Мне от друзей ловить не довелось.

Уж слишком я недоверчива! Да и не домашняя: если скажут мне, выбирай – или женщину, или работу, выбор будет, конечно, в пользу работы. Она не предаст, не подставит. Вот так и живем!

В моей жизни есть поступки, которыми я горжусь, других стыжусь. Вторых, наверно, побольше, а в частности это мои подружки. И все потому, что я не всегда искренна с ними. Есть дружба, которая радует, а есть – которая тяготит.

Я люблю, когда женщина выше меня, аж на несколько ступеней – интеллектуально. Чтоб была ярче, импульсивнее, умнее, чтоб, как в соревнованиях, стремиться догнать ее. Стать на ступеньку выше. И поняв, что все равно не догонишь, не обидеться, не озлобиться, а идеализировать.

С мужчинами – наоборот, тут я люблю быть на высоте. Одним словом, я не люблю ничего серого и обыденного. Может, виной тому детдомовское детство.

Чертовы комплексы, как они мне порой мешают. Так вот, о подружках зоновских. Меня любили – я любила! От меня уходили, я уходила – было всякое. Кустотерапия – это не мое, так, где попало, да еще вечно ушами перебирать: а вдруг «внимание» (это когда менты вошли в корпус). Или в каком-нибудь закутке, в полнейшей темноте. Если бы вы знали, девочки, как я боюсь этой темноты, но всегда храбрюсь (во имя чего?). У меня это с детства, я была такая шкодливая, что меня частенько запирали в темный чулан, а когда выводили оттуда, у меня всегда были полные штаны. Так вот, если нет условий, то я их не очень-то и стремилась создать. Меня вполне устраивает – выпили чаю, поговорили и, не напрягая друг друга, разбежались.

Что это я отвлеклась, а ведь меня однажды прихлопнула «крыша» моей подружки. Все просто до банальности. Мы просто поругались, и она своему «куратору» такое обо мне преподнесла, что ему оставалось только вызвать меня и вывалить всю эту грязь мне в лицо.

И вот у меня нервный срыв. Лились непроизвольно слезы, руки тряслись. Лежу в палате для дураков и обдумываю, как бы счеты с жизнью свести. Да, видно, слаба я душой. Слаба, неудобняк в этом признаться, но не хватило сил испортить свою шкурку. Эгоизм какой-то, чужую не жаль, а свою как-то очень. Так вот, лежу я в палате, а напро-

тив какое-то движение. Всех выпроваживают. Какую-то особу селят, что за птица, надо при случае узнать.

Выхожу в коридор, а там дневальная с карантина, вся в слезах, за руки меня хватает и в сторону.

– Помоги, Ольгу вот принесли, сейчас ей капельницу будут ставить, а через три часа уведут. Поговори с ней! Сама знаешь, у нее в зоне никого!

– Ну вот и тебя поприжало, а я думала, что ты железная, плакать не умеешь. Ладно, говори, что надо!

– Понимаешь, у нее много брака на сетках, ну отсюда неприятности, и на почки дало.

– Не думаю, что одно с другим связано.

– Да какая тебе разница, ну не спорь, пожалуйста, поговори с ней. Просто поговори.

– Да какой с меня сейчас говорильник, сама в палате для дураков лежу.

– Просто она только тебя и меня знает.

– Ну, я ее только в окошко видела.

– Я прошу тебя, не ломайся, ей сейчас любая помощь нужна. Она дерганая! А меня не пускают!

На койке лежала очень худенькая девочка-женщина, и если бы я не видела ее лицо раньше, то вряд ли узнала.

– Ну, здравствуй, Оля, что, здорово прихватило? Ну, ничего, здесь в санбате умереть не дадут. Доктор наш быстро на ноги поднимает, у него своя методика.

– Да он со мной уже разговаривал, – говоря это, она все время блуждала глазами по сторонам, ей так не хотелось встречаться со мной глазами, и я ловила себя на мысли, что ей-то как раз этот разговор и не нужен.

– Ивановна очень о тебе печется, вся на слезы изошла, я ее знаю, но чтобы так о ком-то заботиться – это у нее впервые. Ты уже не подводи ее.

– Да ладно, мне только в зону выйти поскорее, и все у меня будет красиво. Все!

– Ну, это как сказать! Откровенно: не строй иллюзий по этому поводу, во-первых, у тебя убийство мента, а администрация не любит, когда их брата обижают. (Хотя в День милиции поздравления не принимают. «Мы – не менты...» Но все же.) Весь срок будешь на профучете, а это – через каждые два часа отмечаться, и, не дай бог, не отмечтись, опять ШИЗО. Я-то тебя понимаю, тебе любой ценой надо в зону.

А Ивановна лучшая тому подмога. Да! А она, дура, чего рвется? Я бы для тебя и пальцем не пошевелила. Ты ведь при случае спокойно через нее перешагнешь.

– Ну, ты догада, а раз все знаешь – скажи ей, но она тебе не поверит.

– Если честно, мне глубоко плевать на ваши отношения. Она свой кусок хлеба далеко не лучшим способом зарабатывает. Живите, как хотите, а чего ей сказать – это моя забота.

Я вышла на улицу под видом покурить. Ивановна сидела на лавочке.

– Ну что, ты ее успокоила?

– А с чего ты взяла, что она нервная? Она спокойнее некуда. Да ну вас, сами разбирайтесь.

Через несколько дней Людмилу Ивановну из карантина отправили работать на фабрику швей. Все очень просто. Ольга, встретив Василия Иваныча, все откровенно ему рассказала: о встречах в душе, о сетках, о вещах, обо всем, что так бережно передавала ей Людмила. Но я думаю, что они и так все знали. Чего-чего, а соглядатаев, также как и поднадзорных, хватает! Ольга просила одно – в зону, устала она в одиночке. И ее вывели.

Вот еще одной стукачкой в зоне прибавилось! А Людмила при всяком удобном случае жаловалась всем на несправедливость. Ну, тут уж каждому по заслугам. Человеческая подлость, наверное, самое неопределенное по своим масштабам явление. Поступай с людьми так, как они бы хотели поступить с тобой. А женская зона – так это вообще скопление всех человеческих пороков. Отбросы, прикрытые словом «контингент»!

Золотая лихорадка

Сегодня опять смена Синцовой. Мне надо идти, у меня ЧП.

Случилось так, что пришлось поднимать полы в санчасти (частично менять кусок старого трубопровода). Среди разного хлама мое внимание привлекли обломки человеческих челюстей, причем с коронками как белого, так и желтого металла. Рыжих, штук 10, я положила в карман, решив, что в слесарке разберусь. Но заметила, каким взглядом на меня посмотрела уборщица, тоже зэчка. Дело было перед Новым годом, шмоны были частенько, как всегда искали спиртное. Вечером она мне намекнула:

– А что, делиться не будешь?

Решила не рисковать, все равно найдут – и ШИЗО. Пошла в отдел безопасности и сдала добровольно. Не прошло и 15 минут, как радио громкой связи надрывалось в поисках меня.

Я прекрасно знала, зачем вызывают: нужны подробности. Но то, чем это обернулось на самом деле, стало для меня полной неожиданностью. В отделе меня, почему-то мило улыбаясь, приветствовал майор-режимник. Меня это сразу насторожило, я знала, что он меня недолюбливает и в ответ на мое каждодневное «здравствуйте» всегда хмуро отмалчивается.

Откуда-то из стола он протянул мне мою сдаденную горсть золотых зубов.

– Знаешь, я тут проверил, это ведь настоящее золото. И у меня к тебе предложение. Ведь ты с пацанами вольными работаешь. Вот и предложи им, они молодые, девкам на кольца, а тебе сигареты, чай.

– Да у меня и мыслей таких нет, я своих пацанов знаю, зачем им рисковать.

– Ну ладно, с пацанами... А вот знаешь, в этом кабинете предложи – сотрудникам. У тебя и курево, и чай будет!

– Что я, ненормальная? Да я не курю и чай не пью.

– А ты попробуй!

– Извините, они здесь все так выдрессированы, что рисковать ни одна из них не будет. В радиусе 12 километров – никакой работы.

– Ну иди, свободна!

Я вышла, но на том не закончилось, тут же нарвалась на опера «Гуся». Я шла за ним до медчасти, где у него был кабинет, буквально на ватных ногах. Слава у него была не лестная. По репе запросто наступит в кабинете.

Начал он очень «вежливо».

– Вот я тебя сейчас по стенке размажу, мозги на ней останутся. – А ведь размажет и оставит. – Сколько себе оставила, а?

Запинаясь, я начала рассказывать ему предысторию.

– Пошли, покажешь где.

И мы пошли по коридору санчасти, а навстречу нам доктор, Александр Михайлович. С помощью инструментов вскрыли пол, я спрыгнула туда, и его глазам предстали эти челюсти и зубы с металлом. Ох, и рожа у него была брезгливая! А Александр Михайлович рассказывает:

– А чего вы хотите, здесь при немцах тубанар был, тут и захоронения. Вода поперла, все размыла...

– Закрой-ка эту дрянь, – сказал «Гусь», развернулся и ушел.

Пронесло! Вечно я во что-нибудь впрягусь!

Я вспомнила другой эпизод и в другой колонии. Перебирала железки в отрядной каптерке – искала гвозди. Менты сюда редко лазили. Здесь был гардеробчик, только для выступлений (носить колготки – и то ШИЗО, не говоря уже о каблуках, шпильке). В общем, только для

культурных мероприятий. И вот сижу, ищу гвозди, и вдруг маленькая коробочка из-под зубного порошка. Открываю – а там коронки золотые, всех мастей. Чья заначка, я спрашивать не стала, не то место. Каждый здесь живет и крутится, как может. Потаскав эту коробочку в кармане два дня, я поняла, что греть – оно явно не греет, да и богатой я себя не чувствовала, а вот нарваться на неприятности могла.

Настроение было хорошее, я видела, что Наталья Федоровна (на-чрежим части) зашла к себе. Думаю, дай-ка я найду, она меня частенько зазывала.

– Разрешите обратиться?

– Проходи, Голубева, что, огонь к пяткам подбирается? Рыльце, знаю давно, в пушку. – Она достает со стола папочку. – Вот слушай. Кольца, перстни делаешь? Делаешь! Тутурировку в форме бабочки на бедре сделала? Сделала! Сварщик с воли тебе станок бритвенный приносил? Приносил!

Я начинаю заводиться.

– Мне что, штаны здесь снять, чтобы вы могли убедиться. Это ж надо! Я и бабочка, кто ж такое придумал? И вы за эту ересь им платите? Кто это?

– Почему, иногда и серьезное бывает, – а сама улыбается. – Ну, а тебя-то что сюда привело?

– Да вот, у меня изъяли кофеварку, сказали – внутри жучок, слишком быстро греет.

– Да ладно, ты уже про нее забыла небось, но хочешь, я тебе ее отдам, она где-то здесь, вот захламили (роется под столом), хотели тебя вызвать, да все недосуг. Ну, а серьезно, зачем?

– С сущей безделицей. Вот если бы я нашла золото, то что бы я с ним сделала?

– Ну, я тебе однозначно скажу: вынести его отсюда – маловероятно, а что по зоне гуляет – знаем. Сигналы поступают со всякой ерундой (она хлопает по папке), а с золотом молчат. А где ж тебе так повезло?

– А в зоне не спрашивают!

И я вываливаю ей содержимое коробочки.

– И что ты хочешь?

– Я – ничего, Наталья Федоровна, я на гособеспечении, ни к чему оно мне, кроме неприятностей, да, если честно, я его увела. Вот мне бы фамилию той, кто на меня стучит.

Она призадумалась.

– Доброволку мы оформлять не будем. Да! А то что я с этого буду иметь? Ничего! Слушай, Голубева, а у тебя враги есть? Подложишь, нам сообщишь – кому, а мы потом по изъятии разберемся.

– Откуда? А впрочем... Я живу одинокой волчицей, одна ем, одна сплю.

– Ой ли? А то, может, еще что зачитать? Ну, не важно. Знаю, что есть у вас в отряде человек, знаю, ты к ней хорошо относишься, отдай ей эту баночку и все. Она знает, что с ней сделать.

– А фамилию стукачки?

– Ты что хочешь, чтоб я с вами на соседней шконке спала?! Это мой человек! А вам лишь бы разборки в ночи учинять.

На бал – и обратно

Вот говорят педагоги, что человека воспитывают до шести лет, а потом перевоспитывают. Ничего подобного! Кого-то тюрьма окончательно ставит на четыре конечности, им здесь нравится. Нравится еда, а вернее, то, что ее не надо готовить, жесткий режим унижений и досмотров (это, я думаю, в крови).

А других очеловечивает. Им хочется стать лучше, чище, культурнее. Отойдя от водки, дешевого самогона и вечно пьяных мужей или сожителей, они отчаянно начинают собирать то, чего не добрали в жизни. А зона только подталкивает. Но в Ахово – и это по-особенному! Здесь есть театр! Настоящий в плане декораций, репетиций, репертуара и артистов – не профессиональных, но стремящихся к этому, так как с ними работают профессиональные режиссеры. Мне повезло, я дышала воздухом этого театра. Я играла маленькие роли (а на большие я не претендовала). Это был самый лучший период в моей жизни. И руководила театром хрупкая девушка, лейтенант, с огромными мечтательными глазами. К тому же еще и великолепный психолог. Каждый день с ней был – новый. Новые игры, тесты. При ее загруженности работой она все свое время уделяла театру.

Не думаю, что мы были «холопским» или «барским» театром, хотя и не без этого. Чтобы развлечь приезжих гостей, нас собирали по всей зоне, со всех объектов. Но мы-то от этого получали тоже огромное удовольствие и играли все лучше и лучше.

Мне повезло, я написала пьесу¹ и ее ставят в Москве, и мне единственной (я думаю) на всей России дали возможность увидеть это воочию. С охраной. Личной.

¹ Пьеса Е. Ковалевой «Мой голубой друг» поставлена в 2002 году на Новой сцене МХАТа им. А.П. Чехова. Пьесу можно прочитать на сайте журнала «Индекс»: www.index.org.ru

5 часов утра. Дежурная часть. Смена Синцовой. Осматривает меня сама «мадам». Говорят, если освобождаешься или идешь в отпуск в ее смену, крупно повезет. Надеюсь!

Она вертит меня в непривычной для меня одежде, серьезная, но в глазах смешинки.

– Знаешь, Кать, как-то непривычно видеть тебя в вольной одежде.

– Так, может, мне галифе одеть и свой сундук со сказками (сумку с инструментами).

– Сам, – она поднимает палец к потолку, – велел лично проконтролировать.

– Бог, что ли?

– Да для нас он, Папа, и есть бог.

Страшновато, боюсь, потеряют меня, боюсь города. Народа. Боюсь!

Она поправляет мне шарф, одергивает капюшон.

– Платок носовой есть?

– Все есть! Папа все предусмотрел. В сумочке.

– Ребята с тобой серьезные едут. Не подведи!

Идем с КПП, все кажется долго, не верю, что я вдруг сейчас с зоны выйду. Процедура затягивается, я стою перед тонированным стеклом, и мне кажется, что «мадам» Синцова сейчас скажет: «Проверка прошла, мы пошутили, иди спать!»

– Ну, в чем задержка? – строго обращается она в сторону окна. И опять ко мне: – Не подведи, если будут рюмочку подносить.

– Ой, да что вы, Нина Анатольевна!

– Я тебе сейчас только говорю, там фуршет будет в честь тебя, так вот рюмочку, не больше.

– Слово! Чтобы дети в гроб нагадили.

– Успеется! Ну, с богом.

И вот в теплой «Волге» меня начинает потряхивать. Волнуюсь. Успокаиваю себя. В смену «мадам» должна «пруха» идти.

Удача, как красивая женщина, не любит, когда ею пренебрегают. Обрато приехала, куда не зайду по вызову – работать не дают: расскажи о Москве.

А между тем срок-то идет, на днях комиссия по УДО, а меня с утра заводит соседка по шконарю, капризная и очень нервная дама.

– Вот меня на УДО не предоставляют, а ты дорогу к операм протоптала, хрен ты ее пройдешь. Обещаю испортить.

Я надеваю берцы, завязываю шнурки и поворачиваюсь к ней.

– Я тебя сколько раз просила, не разговаривай со мной по утрам. Для меня утро добрым не бывает! Отвали, я ночью на вызове была.

– Вот меня с бражкой подставили, а за тобой, думаешь, ничего нет? Ошибаешься. Я найду. Да вот тебя все равно опера отмажут, сука ты оперская.

Я не выдерживаю, резко выбрасываю ботинок, бью ее в лицо, беру за волосы, бью об шконарь и приговариваю:

– Я тебе сколько раз говорила, что я туда дороги не знаю, а тебе, тварь, сейчас все клавиши выбью.

Нас разнимают с трудом, я рвусь бить ее. Девки ей кричат:

– Ты что ее заводишь, Тамара, завтра у нее УДО!

– Хрен она по нему уйдет, сейчас пойду к Папе, скажу, что ты на меня руку подняла. Меня еще ни одна женщина не била.

Я подрываюсь.

– Иди, пока не добила!

Я села, сложив руки на коленях. В секции тишина. Знаю, две-три мыши оперские явно есть, и к обеду известно будет везде. Но будь что будет. Ну, не уйду зимой, уйду летом.

Тамара заплакала:

– Меня в жизни никто ни разу по лицу не ударил, даже пощечину не давали.

– Уйди, пока я на тебе совсем не раскрутилась, что-то мне уже и по УДО расхотелось.

Ее куда-то уводят, меня успокаивают.

В обед все тихо, никуда не вызывают, к вечеру тоже. На следующее утро навстречу любимый добрый опер Вячеславич (один из тех, кто меня в Москву сопровождал).

– Катерина, когда опять в Москву поедем? В другой театр надо теперь.

– А давайте в оперный, Вячеславич. Вы соберете все донесения «Довожу до вашего сведения», мы все это на музыку положим и махнем. Композитор нужен.

– Так вот ты и поищи композитора, – и пошел.

Праздник

Восьмое марта на зоне – один из любимых праздников. Новый год и Восьмое марта – это те мероприятия, где можно показать, кто ты есть на самом деле для своих друзей и подружек.

«Мужская половина» (те, кто на зоне исполняют мужские обязанности) должна в этот день раскошелиться для своих подружек. И когда забегают «канарейки» – торговки, надо к ним пробиться.

– А у тебя часики наручные есть? А открытки с Восьмым марта? А трусики, а лифчики?

– Слушай, ты мне цепочку обещала.

– Ну, не получилось, есть дезодорант.

– Так он уже наполовину опорожнен.

Все лезут, обступили вновь прорвавшуюся сквозь локалку торговку. И вдруг в самый разгар бойкой торговли:

– Ну, что ты им опять принесла? – Как не узнать этот голос, ведь сегодня опять дежурит «мадам». – Устрой девкам настоящий праздник, а ты опять какое-то рванье принесла. В твоей локалке за них бы морду набили, так ты сюда подалась.

Кто-то сверху запоздало заорал – «внимание», это для тех, кто занял черт знает чем.

– Интересно, как она прошла незамеченной в локалку?

– Через пожарный выход на третьем этаже, – объясняет кто-то.

– Женщины, всех с праздником!

Сзади повелительный голос всегда ее сопровождающей Антонины Петровны.

– Так, бражка есть?

Сразу несколько голосов.

– Да вы что, Антонина Петровна! – кто-то с ехидцей. – Еще вчера выпили, знали, сегодня ваша смена.

– А если поискать?

– Ищите.

– А что это за брюки на тебе? Ну-ка снимай.

– Да вы что, Антонина Петровна, это через комнату свиданий разрешили.

– Смотри, проверю.

– Нина Анатольевна, а вы что, сами лично нас с кукушкиным днем поздравить пришли?

Поворачивается, смеется.

– Это как понять – кукушкин день?

– Да вот так – раскидали своих детей по чужим гнездам. А в вашем гнезде все праздники справляем.

– И все равно, женщины, всех вас с праздником и домой скорее.

Эх, майор, а вот домой-то не всякая хочет, а тот, кто хочет, тот такой в этот день грустный! Сидят девки на телефоне, и все звонка из дома ждут или открытками присланными из дома хвалятся.

А у вас, майор, дома тоже семья, но почему-то и Новый год мы с вами встречали. Почему все время дежурите вы? Дабы показать всем

начальникам проверяющим, что лицо женской колонии и дежурная часть все-таки женская, майор Синцова.

Праздник заканчивается. 10 вечера.

По учреждению объявляется отбой!

Всем спокойной ночи!

Вот и моя комиссия по УДО

Папа, конечно, добрый и великодушный, но до поры. Лев он и есть Лев.

Начал с того, что:

– Вот едем сейчас в машине с Василием Ивановичем, и подходит на заправке полупьяная, накрашенная девица, ну, конечно, из наших. «Вася (это она к Василию Ивановичу), дай я тебе машину помою». Точно, наша, я сейчас и фамилию вспомню, и отряд.

В зале смешки, хотя никто не сомневался – обязательно вспомнит.

Первая пошла, начальник отряда зачитывает характеристику.

Папа:

– Куда, говоришь, поедешь, может, тоже машины мыть? А есть куда! Кем, говоришь, по специальности? Повар! А варить некому. Запишите: с завтрашнего дня – в столовую ее. Иди, садись!

Ну все, представление началось, первая не прошла. Вторую осадил еще круче:

– Сейчас возьмешь лист бумаги и напишешь, почему у вас в отряде Григорьева, не имея родственников, дачек и не ходя в столовую, каждый день колбасу ест. Что, не слышу? А, не знаешь. Ну, иди, вспоминай.

К начальнику отряда:

– Видишь, рядом живут, вместе работают – и не знает. Может, вы знаете? Что? Что молчите? Что в отряде творится, тоже не знаете? Чем вы от них отличаетесь? Погонями. Садитесь. Так о чем это я? Позовите-ка ко мне, как ее, Мусу, завстоловой.

К другой начальнице:

– Что ты мне зачитываешь ее характеристику, тут же ни одного доброго слова. А я-то ее знаю, с какого года я тебя знаю, Трушкина? Правильно, с 80-го. Один из лучших бригадиров, мне бы таких парутройку, и не надо 60 мастеров. А вы что понаписали? – Кидает бумаги через стол. – Иди, успокойся, Трушкина. Сколько ты мне бригад подняла, куда тебя ни кинь – везде первая. Всем начотряда помогала, а вам (к начотряда) – не нравится. Исправлять надо свои ошибочки.

Вот и до меня дошла очередь, иду на полусогнутых, да еще косынка сваливается.

– О, один из столпов зоны, ну что ж, ее надо отправить на поселение. Пускай идет!

Неужели все так быстро и просто! А комиссия идет, страсти накаляются.

– А ты, такая здоровая, два ШИЗО, на фабрику ее! Вот пристроилась грузчиком спать в рулонах. Гнать ее с завтрашнего дня на фабрику. А, Муся пришла. Вот вчера Лиде похвалился, каким ты меня прекрасным супом покормила, теперь дома кормить не хочет. А мы тебе повара нашли – определи с завтрашнего дня.

Через полтора часа Папа устал, газетку взялся читать, что-то бубня себе под нос, кто-то сзади сказал:

– Он однажды уснул на СКК, и все тихо ждали, когда же он проснется.

Ура! Прошла! Прошла!

В секции меня ждало ведро чифиря, все лезли целоваться, хлопали по спине. Секция гудела, на всю был включен мафон.

Тамарка подошла, поздравила.

– Да ладно, Тома, чего не бывает, я не подарок, но и ты не сувенир. Потерпи меня несколько дней, тебе ведь и самой через месяц идти. Успеха, авось повезет!

Я стала трясти свой гардеробчик, раздаривая, за чем меня и застала Вера, быстро прекратив весь базар: «Тебе ехать на поселок, кто там тебе чего даст? Чужие люди!»

На ужин шла, дежурные менты поздравляли. Узнали, что еду в Орловскую область на поселение – начали ободрять (знаешь, там красиво, яблоч много, только держись, не надо сюда возвращаться).

Конечно, радостно. Понимаю, чисто по-женски они – просто бабы. Но форма ко многому обязывает. Они нас помнят в разных ситуациях. Они помнят, какими мы приехали, кем стали и какими уходим.

Утром подходит знакомая и шепотом предлагает деньги.

– Знаешь, я нашла и не знаю, что с ними делать, предложи пацанам, пусть нам семечек купят, ну чего тебе стоит в обеденный перерыв, а?

– Ты чего, сдурела, я комиссию прошла, весь срок ты мне ничего не предлагала, а сейчас себе дорогу домой перекрою.

– Ну, тогда я твоей напарнице предложу.

– Знаешь, давай я сама (у моей напарницы дома старая и больная мать).

Схожу к Синцовой, смена-то ее.

Захожу в дежурную часть и из-за дверей слышу знакомый голос:

– Только не утруждай себя враньем, что синяк у тебя от того, что упала. Так что? Я могу и подождать. Вот в коридоре всю мою смену

простоишь и вспомнишь, я думаю! Или бумагу дать? Ну, иди в дежурную комнату. Что у тебя, Катерина?

– Да вот, ситуация, деньги предлагают на семечки.

– А кто у тебя сегодня на смене?

– Дядя Саша.

– Ну так дай, пусть принесет!

– Я в эти игры не играю, и зачем бы я к вам пришла, но есть вариант, есть деньги, они должны работать. У меня есть знакомая, она кому угодно подложит и вам сообщит.

– А для нас это – не вариант, не люблю самодеятельности, давай-ка их сюда (достаёт из кармана свою десятку), видишь, одна серия, одни номера, сегодня получка была, может кто потерял из наших, кто, говоришь, тебе их дал? Знаешь, сегодня уже поздно. Скоро отбой. Давай с утра все решим!

Я шла по аллее тихим зимним вечером, зона готовилась ко сну, выключались телевизоры, постепенно гас свет, усталые зэчки мечтали хоть во сне побывать дома. А я знала, в эту ночь мне не будет сна. И вовсе не из-за денег. Если майор сказала «все решим», то так оно и будет.

По радио прозвучало:

– По учреждению объявляется отбой! Всем спокойноно ночи!

Эх, майор, а мне в эту ночь не спится. Знаю, вы в свою смену всегда от души желаете нам спокойной ночи. Нам – тем, кто своим детям не всегда говорил – «спокойной ночи!».

Спокойной ночи, майор строгого режима.

март 2004

Женщины и наказание: борьба за справедливость

**Women and punishment: The struggle for justice. Pat Carlen (ed.).
Cullompton, Devon: Willan Publishing, 2002, 265 pp.**

Наказание – всегда действенно. Это убеждение глубоко укоренилось в Америке и все более проникает в публичную сферу в Великобритании. В США при этом доминирует убеждение, что наиболее действенным является тюремное заключение, в то время как в Великобритании традиционно ориентировались на общеевропейское представление о первостепенной важности активной социальной политики, социальных программ, представление о том, что наказание тем более действенно, чем более предполагает решение социальных и психологических проблем заключенного. Однако сегодня в Великобритании берет верх тенденция ужесточения закона, признания необходимости дополнительного наказания судимых повторно, то есть тех, кто «не исправился».

В сборнике «Женщины и наказание» собраны работы, в которых предпринят критический анализ нынешнего подхода к женщинам-правонарушительницам в уголовном правосудии США, Канады и Англии. Все авторы пытаются так или иначе объяснить тот факт, что в последнее десятилетие в этих странах происходит существенный рост числа женщин-заключенных. По мнению Барбары Хадсон, наложение более жесткого наказания на «рецидивистов», вне зависимости от тяжести вновь совершенного правонарушения, сказывается прежде всего на судьбе женщин, чем – в том числе – объясняется рост в последнее время числа заключенных-женщин. Вместе с тем, в заключение во всем мире и сегодня попадают в основном наиболее маргинализированные, бедные, покинутые и оскорбленные женщины. Рост числа женщин-заключенных происходит не за счет того, что в тюрьму попадают отъявленные женщины-гангстеры или «наркобаронши», но все те же воровки, мелкие наркодилеры и мошенницы. В главе о малолетней проституции, написанной Джоанной Феникс, показывается, как намерение защитить юных проституток сегодня оборачивается их тюремным зак-

лючением, поскольку не имеется средств для преодоления их нужды и страданий.

В общественном мнении тюрьму пытаются чаще всего представить как шанс исправления, своего рода «излечения преступника» – чтобы оправдать затрачиваемые на нее общественные средства. И неудивительно, что в этой ситуации становится вновь возможным рассматривать осужденного за нарушение закона как личность «поврежденную» и даже как «сырой материал» для всевозможных «пси-технологий» (термин Пэт Карлен).

В нескольких главах книги обсуждается вопрос о политике сокращения повторных правонарушений и тех подходах, которые практикуются сегодня в Новой Зеландии, Канаде и Великобритании. Обсуждаются также конкретные программы работы с правонарушителями, например английская программа для женщин, находящихся на probation. Она не была принята властями в связи с тем, что в ней делается не привычный акцент на «дефицит когнитивного поведения», а говорится об улучшении для женщин доступа к общественным ресурсам. Кэтлин Кэндал показывает, что «когнитивно поведенческая» (cognitive behavioural) идеология (почти теология), на которой основано большинство подобных программ, сама по себе акцентирует криминальную идентичность, заставляя женщину-заключенную видеть в себе «криминальную» и неполноценную личность.

Опыт Канады, а также Англии и Уэльса, где были предприняты попытки выйти из кризиса правосудия в отношении женщин, рассмотрен в книге наиболее детально. В Канаде кризис был вызван проблематичностью существования одной-единственной федеральной тюрьмы для женщин, а также явной неадекватностью федеральной политики в отношении женщин-заклученных. В Англии и Уэльсе отношение к женщинам-заклученным подверглось серьезной критике со стороны Главного инспектора тюрем. В обоих случаях проблема широко обсуждалась, в том числе с привлечением внешних инстанций и наиболее принципиальных критиков современного положения дел.

*Подготовлено Е. Озобкиной на основе материалов журнала
«Punishment & Society» (V.5, N.4)*

ЗАКОН И/ЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ДОСРОЧНАЯ СВОБОДА

Юрий Александров

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания

Условно-досрочное освобождение (УДО) является наиболее значимым поощрением, которое может быть применено к осужденным.

Во времена коммунистического режима институт условно-досрочного освобождения также существовал, но использовался очень избирательно, и освободиться условно-досрочно было достаточно сложно. Так, в 1990 г. только немногим менее 13 000 граждан были освобождены из мест лишения свободы до окончания назначенного судом срока отбывания наказания при общей численности тюремного населения почти в 2 млн человек. В 1999 г. досрочно освободились более 93 000 граждан (общая численность заключенных – 1,04 млн человек). А уже в 2003 г. условно-досрочно было освобождено 139 031 человек, что составило 55,1% от общего числа освобожденных (при общей численности заключенных 847 тыс. человек). Получается, что условно-досрочно было освобождено 16,5% от общего числа заключенных, включая подсудимых. Много это или мало?

Для сравнения возьмем пенитенциарную систему Франции, страны с очень высоким уровнем демократии и очень высокой степенью защиты прав и свобод граждан, включая заключенных. Так, в 2003 г. из тюрем Франции условно было освобождено 5509 человек при общей численности заключенных в 59 тыс. человек. Иначе говоря, условно был освобожден примерно каждый десятый французский заключенный. Другое дело, что во Франции, кроме условного освобождения, существуют и другие возможности для заключенных жить вне тюремных стен, в том числе и, например, система электронного контроля при помощи специальных браслетов. Тем не менее возможности освободиться условно-досрочно у российских заключенных вполне сопоставимы с возможностями заключенных в демократически развитых странах. А уж что касается несовершеннолетних, то они в России практи-

чески все, за очень небольшим исключением, освобождаются именно условно-досрочно.

Таким образом, можно, конечно, говорить о том, что в уголовно-исполнительной системе имеется масса недостатков, что права и свободы заключенных не всегда соблюдаются, что питание явно невысокого качества и т.д., но упрекать Минюст в препятствовании заключенным освободиться условно-досрочно и в «зажимании» этого вида поощрения не приходится.

Здесь, однако, как мне кажется, кроется некая опасность. Низведение такого мощного стимулирующего поощрения как условно-досрочное освобождение до уровня простой формальности (а общеизвестен тот факт, что суды практически в 100% соглашаются с мнением администрации при представлении кого-либо на УДО) подрывает сам этот институт. Известно, что уровень рецидивной преступности в России достаточно высок (по разным оценкам он достигает 40%). Поэтому необходимо, как мне кажется, более жестко подходить к критериям, предъявляемым к условно-досрочно освобождаемым лицам.

Гораздо правильнее, на мой взгляд, был бы вариант поэтапного освобождения заключенных из-под надзора. Что имеется в виду? В Уголовно-исполнительном кодексе РФ имеется такой вид поощрения для осужденных, как колония-поселение. Это полусвободный режим. Туда и надо направлять тех, за кого администрация не может поручиться стопроцентно, но которые своим поведением подают надежду на то, что они все-таки больше не нарушат закон. Но ведь сроки предоставления в колонию-поселение и на условно-досрочное освобождение совершенно одинаковые! Естественно, все осужденные предпочитают УДО, а не колонию-поселение. И понять осужденных можно. Ведь УДО, в отличие от полусвободного поселения, – это полная свобода. Было бы правильнее, если бы сроки представления для перевода на поселение были чуть поменьше, а на условно-досрочное освобождение – чуть побольше. Логично было бы, чтобы осужденный из-под жесткого надзора перешел на полусвободный режим, а уж потом на свободный. Реинтеграция в общество должна быть постепенной. Предположим, кто-то отсидел десять лет, и его сразу же окунают во все мыслимые и немыслимые проблемы на свободе. А их, этих проблем, хватает. В первую очередь это, конечно, работа. Не секрет, что ранее судимым не очень охотно предоставляют рабочие места. Да и все остальное. За десять лет ведь общество меняется неузнаваемо. А находясь в колонии-поселении, человек в течение года-двух привык бы к жизни на свободе, подыскал бы себе работу, жилье, если нужно, да

мало ли что еще. В общем, это, конечно, проблема серьезная, нуждающаяся в тщательной проработке.

Ну а как же все-таки происходит условно-досрочное освобождение, кто может, а кто нет быть освобожденным, каков порядок подачи заявления, какие действия должен предпринять осужденный и администрация?

Условно-досрочное освобождение может быть применено ко всем категориям осужденных, в том числе и к отбывающим пожизненное лишение свободы.

Осужденный, к которому может быть применено УДО, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об УДО. В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что осужденный не нуждается в полном отбывании наказания, так как, отбывая срок, он полностью или частично возместил причиненный ущерб или иным образом загладил причиненный им вред и раскаялся в содеянном. В ходатайстве могут содержаться и иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного. Осужденный свое ходатайство в суд подает через администрацию исправительного учреждения (ИУ).

Администрация ИУ не позднее чем через 10 дней обязана направить ходатайство об УДО в суд. К ходатайству администрация прилагает характеристику на осужденного. В характеристике должны содержаться следующие сведения об осужденном:

- о его поведении;
- о его отношении к учебе и труду;
- об отношении к совершенному преступлению.

Что такое примерное поведение? Очевидно, можно говорить о том, что если осужденный не допускает нарушений режима содержания и, соответственно, не имеет взысканий, его поведение можно назвать примерным. Безусловно, наличие поощрений свидетельствует о том, что осужденный, стремясь освободиться как можно быстрее, старается приблизить этот момент доступными ему способами (например, активным участием в общественной жизни). Вместе с тем неучастие осужденного в какой-либо секции (самодеятельной организации – совет коллектива отряда, совет коллектива колонии, секция профилактики правонарушений, культурно-массовая секция и др.), в художественной самодеятельности и т.д. не является показателем того, что поведение осужденного не является примерным. Не все люди одинаковы: одним доставляет удовольствие быть на виду, вести суперактивный образ жизни, другим это – в тягость. Поэтому повальное (насильствен-

ное) вовлечение осужденных (особенно практикуемое в воспитательно-трудовых колониях) в актив следует расценивать как нарушение их прав. Кстати, в законе (УК) и не говорится о том, что осужденный должен или обязан принимать участие в общественной жизни.

Довольно сложно в настоящий момент обстоят дела с трудоустройством. Как известно, безработица по самым разным причинам затронула ИУ в гораздо большей степени, чем население страны в целом. Поэтому зачастую осужденному довольно сложно реализовать имеющуюся у него возможность освободиться условно-досрочно, так как работа (причем добросовестная) является обязательным условием, которое не всегда можно выполнить просто из-за отсутствия этой самой работы в колонии.

Понятие «отношение к учебе» вовсе не означает, что в школе (ПТУ) необходимо получать исключительно хорошие и отличные оценки. Способности у всех людей разные, поэтому одни учатся лучше, другие – хуже. Основное же в «отношении к учебе» – добросовестность.

Характеристика заканчивается заключением администрации ИУ о целесообразности (или нецелесообразности) применения УДО.

Законом не предусмотрены никакие ограничения в условно-досрочном освобождении для лиц, имеющих иски и алименты. Поэтому отказ в условно-досрочном освобождении по причине того, что осужденный имеет иск, или алименты, или задолженность по их выплате, является неправомерным.

Наличие семьи (родственников), жилья, возможности трудоустройства на конкретном предприятии (в учреждении или организации) являются положительными факторами, но отсутствие таких данных (например, справки о том, что осужденный будет обеспечен жильем или работой или тем и другим) не является основанием для отказа в условно-досрочном освобождении. Поэтому действия администрации ИУ, затягивающей представление дела в суд по причине отсутствия подобных сведений, неправомерны и нарушают права осужденных.

Кроме того, неправомерными являются и отказы администрации представить дело в суд по мотивам, не указанным в законе – мягкость назначенного наказания или кратковременность пребывания осужденного в данном ИУ. Характеристика на осужденного пишется за весь период отбывания им наказания, а не только за тот период, который он отбывает в данном конкретном ИУ. Если для определения возможности условно-досрочного освобождения осужденного недостаточно данных личного дела, то просто необходимо затребовать характеристику в учреждении, из которого осужденный прибыл (в том числе и из следственного изолятора, так как бывает, что осужденные в ожида-

нии суда или вступления приговора в законную силу могут находиться в следственном изоляторе не один месяц).

Применение УДО к лицам, достигшим 18 лет

Часть срока, которую необходимо отбыть		
1/2	2/3	3/4
Применяется к лицам, осужденным за совершение преступлений небольшой или средней тяжести	Применяется к лицам, осужденным за тяжкие преступления	Применяется к лицам: 1. Осужденным за особо тяжкие преступления; 2. Ранее освобожденным условно-досрочно, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным частью 7 статьи 79 УК

Применение УДО к лицам, не достигшим 18 лет

Часть срока, которую необходимо отбыть	
не менее 1/3	не менее 2/3
За преступления: небольшой тяжести; средней тяжести; тяжкие преступления	За особо тяжкие преступления

Для возможности применения УДО фактически отбытый срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

Осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, могут быть освобождены условно-досрочно при наличии двух условий:

– если судом будет признано, что они не нуждаются в дальнейшем отбывании наказания¹;

¹ УДО может быть применено только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет.

– отбыли не менее 25 лет лишения свободы².

Для применения УДО необходимо выполнение двух условий: отбытие осужденным определенной части срока наказания и исправление осужденного, которое на практике означает, что осужденный во время отбывания наказания:

- примерно вел себя;
- занимался общественно полезной деятельностью;
- не допускал нарушений закона;
- не нуждается в дальнейшем отбывания наказания.

Применяя УДО, суд вправе освободить осужденного не только от основного, но и от дополнительного наказания (полностью или частично).

При решении вопроса о доказанности исправления осужденного суд учитывает:

- характер совершенного им преступления;
- причины и мотивы этого преступления;
- роль осужденного в совершении преступления;
- состояние здоровья;
- личность осужденного.

Фактически отбытая осужденным часть срока наказания исчисляется из всего срока наказания. При снижении наказания актом амнистии или помилования либо определением суда (в случае изменения приговора) суд исчисляет фактическую часть срока отбытого наказания, исходя из срока, установленного актом амнистии, помилования или судебного постановления.

При применении УДО суд вправе возложить на осужденного определенные обязанности:

- не менять постоянного места жительства, работы и учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного (органы милиции);
- не посещать определенные места;
- пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания;
- осуществлять материальную поддержку семьи.

Суд вправе возложить на осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих, по мнению суда, его исправлению. Возложенные судом обязанности исполняются осужденным в течение всей неотбытой части наказания.

Основанием для представления об отмене УДО является не только совершение нового преступления, но и антиобщественное поведение. Если осужденный нарушил общественный порядок, за что на него было

наложено административное взыскание, если злобно уклонился от выполнения возложенных на него обязанностей либо совершил неумышленное преступление, суд может постановить об отмене УДО и исполнении оставшейся неотбытой части наказания. Суд каждый раз решает этот вопрос строго индивидуально, с учетом всех имеющихся данных и личности самого осужденного, и вправе не отменять УДО.

Если лицо находилось под стражей, затем мера пресечения ему была изменена, а затем он был осужден и вновь взят под стражу, то срок содержания под стражей до изменения меры пресечения входит в срок, который осужденному необходимо отбыть для возможности быть представленным к УДО.

Порядок оформления УДО регламентируется УИК РФ.

Написав ходатайство в суд, осужденный сдает его (а также другие имеющиеся у него документы – различные справки, ходатайства и прочее) начальнику отряда, приложив, если у него имеются, копии приговора и судебных постановлений.

Администрация ИУ все остальные документы оформляет самостоятельно.

Окончательное решение о возможности применения или отказа в применении УДО к каждому конкретному осужденному принимается начальником ИУ на основании характеристики и других документов. В ИУ приказом начальника могут создаваться комиссии, которые подробно анализируют поведение осужденных и представляют начальнику свои рекомендации. Но создание таких комиссий обязательным не является.

При положительном решении в суд направляется личное дело осужденного со всеми материалами. В случае отказа в представлении к УДО осужденному указываются его мотивы, но ходатайство об УДО со всеми материалами все равно направляется в суд.

В случае, если судом отказано в условно-досрочном освобождении (только судом, не начальником ИУ!), повторное рассмотрение этого вопроса может иметь место не ранее чем через шесть месяцев со дня отказа³.

Участие осужденного в суде по рассмотрению вопроса об его условно-досрочном освобождении не является обязательным. Решение

² Если во время отбывания пожизненного лишения свободы осужденный вновь совершил тяжкое или особо тяжкое преступление, он не подлежит условно-досрочному освобождению.

³ Не ранее чем по истечении трех лет со дня отказа в отношении лиц, отбывающих пожизненное заключение.

об этом принимает суд. В то же время, если осужденный участвует в судебном заседании, он вправе:

- знакомиться с представленными администрацией ИУ в суд материалами;
- участвовать в рассмотрении представленных администрацией ИУ материалов;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать объяснения;
- представлять документы, с которыми, по мнению осужденного, должен ознакомиться суд.

Адвокат тоже имеет право участвовать в суде и представлять интересы осужденного. Что касается иных лиц, то здесь сложнее. По закону иметь представителя в уголовном процессе (а это именно уголовный процесс) могут несовершеннолетние, слепые, глухие и т.д. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Участие прокурора в суде, рассматривающем дело об условно-досрочном освобождении, обязательным не является.

Ограничений в действующем законодательстве по применению УДО к осужденным, больным туберкулезом и проходящим лечение в больнице, не имеется.

Классификация преступлений по степени тяжести⁴

Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
108(1), 109(1), 113, 114, 115(2), 116(2), 118(2), 119, 121(2), 122(1), 125, 133, 136(1), 139(2), 1411(1,2), 143(1), 144(2), 1451(1), 147(1), 158(1), 159(1), 160(1),	106, 107, 108(2), 109(2,3), 110, 112, 117(1), 120, 122(2,4), 123(3), 124(2), 127(1,2), 1271(1), 1272(1), 128(1), 129(2), 134, 135, 136(2), 138(3), 139(3), 141(2,3), 142,	111(1, 2), 117(2), 122(3), 126(1), 127(3), 1271(2), 1272(2), 128(2), 131(1,2), 132(1,2), 1451(2), 150(2,3,4), 151(3), 158(3,4), 159(3,4), 160(3,4), 161(2), 162(1,2), 163(2),	105, 111(3,4), 126(2,3), 1271(3), 1272(3), 131(3), 132(3), 161(3), 162(3,4), 163(3), 164(2), 166(4), 1741(4), 186(2,3), 188(4), 205(2,3), 2051(2), 206(2,3), 209(2,3), 210(1),

⁴ Данные приведены по состоянию на 14 мая 2004 г. Указаны статьи УК РФ, в скобках – часть соответствующей статьи.

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
167(1), 168, 169(1), 175(1), 177, 178(1), 179(1), 183(1), 184(4), 194(1), 195, 198(1), 199(1), 1991(1), 204(1), 215(1), 2151(1), 220(1), 222(4), 223(4), 225(1), 231(1), 233, 234(4), 237(1), 238(1), 239(2), 242, 243(1), 245(2), 247(1), 248(1), 249(1), 250(2), 251(2), 252(2), 254(2), 265(3), 258(2), 260(2), 261(1), 263(1), 264(1), 266(1), 268(1), 269(1), 270(1), 272(1), 282(1), 2821(2), 2822(2), 2851(1), 2852(1), 289, 292, 294(1), 296(2), 298(1,2), 301(1), 306(1), 312(1), 314, 315, 316, 322(1), 323(1), 325(1,3), 326(1), 327(1), 328(1), 329, 337(2), 341(3), 342(1,3), 343(1), 346(1), 347, 348, 350(1)	1421, 143(2), 146(2,3), 147(2), 149, 150(1), 151(1,2), 153, 158(2), 159(2), 160(2), 161(1), 163(1), 165(2,3), 166(1), 167(2), 171(2), 1711(1), 172(2), 173, 174(2), 1741(2), 175(2), 176, 178(2), 180(3), 181, 183(2,3), 184(2), 185(2), 188(1), 189(1,2), 192, 193, 194(2), 198(2), 1992, 201, 202, 203(1), 204(2,3,4), 207, 208(2), 212(3), 213(1), 215(2), 2151(2), 2152(1,2), 216(1,2), 217(2), 218, 219(1,2), 220(2), 221(1), 222(1), 223(1), 228(1), 2282(2), 230(1), 232(1), 234(1,2), 235, 236(2), 237(2), 239(1), 240(1), 241(1), 243(2), 244(2), 246, 247(2), 248(2), 250(3), 251(3), 252(3), 254(3), 259, 260(3), 263(2), 264(2), 266(2), 267(1), 268(2), 269(2, 3), 272(2), 273, 274(2), 280, 282(2), 2821(1), 2822(1), 283(1),	164(1), 165(1), 166(2,3), 1711(2), 172(2), 174(3,4), 1741(3), 175(3), 178(3), 179(2), 183(4), 186(1), 187, 188(2,3), 189(3), 190, 191(2), 196, 197, 199(2), 1991(2), 203(2), 205(1), 2051(1), 206(1), 208(1), 209(1), 210(2,3), 211(1), 212(1,2), 213(2), 215(3), 2152(3), 216(3), 217(3), 219(3), 220(3), 221(2,3), 222(2,3), 223(2,3), 225(2), 226(1,2), 227(1), 228(2), 2281(1), 229(1,2), 230(2), 231(2), 232(2), 234(3), 238(2,3), 240(2,3), 241(2,3), 247(3), 261(2), 263(3), 264(3), 266(3), 267(2,3), 268(3), 2821(3), 283(2), 285(2,3), 286(2,3), 287(3), 290(2,3), 291(2), 296(4), 299(2), 300, 301(3), 303(3), 305(2), 306(3), 309(4), 313(3), 318(2), 333(2), 334(2), 335(3), 338, 339(2), 340(2), 355, 359(1,3), 360(2)	211(2,3), 226(3,4), 227(2,3), 2281(2,3), 229(3), 230(3), 275, 276, 277, 278, 279, 281, 290(4), 295, 317, 321(3), 353, 356, 357, 358, 359(2)

Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
	284, 285(1), 2851(2), 2852(2), 286(1), 287(1,2), 290(1), 291(1), 293(2,3), 294(3), 296(1,3), 298(2), 299(1), 301(2), 303(2), 304, 305(1), 306(2), 307(2), 309(2,3), 311(2), 312(2), 313(1,2), 318(1), 320(2), 321(1,2), 322(2), 323(2), 326(2), 327(2), 3271, 330(2), 332(2), 333(1), 334(1), 335(1,2), 337(3,4), 340(1,3), 341(1,2), 342(2), 343(2), 345, 346(2), 349(2,3), 350(2,3), 351, 352, 354, 360(1)272(2), 273, 274(2), 280, 282(2), 2821(1), 2822(1), 283(1), 284, 285(1), 2851(2), 2852(2), 286(1),		

Литература:

УИК РФ – ст.ст. 175, 176.

УПК РФ – ст.ст. 396, 397, 399.

УК РФ – ст. ст. 15, 79, 93.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 6 – 1976 г., № 9 – 1971 г., № 12 – 1977 г., № 7 – 1984 г., № 11 – 1985 г.

Министерство юстиции РФ

ГУИН

1.04.2004

Начальникам органов уголовно-исполнительной
системы Минюста России

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

о порядке подготовки, рассмотрения и направления в суд
материалов об освобождении от отбывания наказания и
представлений о замене неотбытой части наказания
более мягким видом наказания

Президентом Российской Федерации и правительством страны в последние годы ведется целенаправленная работа по гуманизации уголовно-исполнительной политики и практики исполнения уголовных наказаний, сокращения законодательными методами численности граждан в местах лишения свободы, улучшению условий их содержания. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации были приняты федеральные законы от 8 декабря 2003 г. № 161 «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и № 162 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которыми укреплены гарантии прав граждан, совершивших преступления и временно изолированных от общества, а также расширены права осужденных, в том числе в вопросах досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Этими законами внесены изменения в статью 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Настоящие методические рекомендации разработаны в помощь сотрудникам для решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденных к лишению свободы (далее – осужденных), а также определяют порядок рассмотрения вопроса о целесообразности представления осужденных к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, подготовки и направления в суд соответствующих документов.

Для обеспечения права осужденных на условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким ви-

дом наказания сотрудниками учреждения ведется постоянная разъяснительная работа о порядке обращения через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, непосредственно в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а также о порядке внесения администрацией в суд представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Также разъясняется, что аналогичным правом обращения в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении пользуется адвокат или законный представитель осужденного.

Порядок подготовки и направления в суд характеристики на осужденных к лишению свободы для решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания

Основанием для подготовки и направления в суд характеристики на осужденного для решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания является обращение осужденного или его адвоката (законного представителя) в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении, в соответствии со статьей 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. При этом обязательным условием является фактическое отбытие осужденным части срока наказания, установленной статьями 79, 93 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, раскаялся в совершенном деянии, а также могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного.

На осужденного, подавшего ходатайство об условно-досрочном освобождении, начальник отряда (старший воспитатель) оформляет характеристику (приложение № 1), в которой должны содержаться подробные сведения о личности осужденного, его поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, отношении к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения. В случае непосредственного обращения в суд адвоката (законного представителя) осужденного с ходатайством об условно-досрочном освобождении характеристика на осужденного оформляется по запросу суда.

В характеристике при положительном мнении делается вывод о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, обосновывая его в соответствии с требованиями законодательства, а при отрицательном мнении – что осужденный для своего исправления нуждается в дальнейшем отбывании наказания, также обосновывая этот вывод.

Характеристика подписывается начальником отряда (старшим воспитателем), согласовывается с заместителем начальника исправительного учреждения по воспитательной работе, начальниками отделов оперативного, безопасности (в ВК-режима), психологом, социальным работником и утверждается начальником исправительного учреждения.

Ходатайство осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания администрация учреждения не позднее чем через 10 дней после его подачи вместе с характеристикой направляет в суд. Личное дело осужденного направляется по запросу суда.

В случае отказа суда в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания повторное внесение в суд соответствующего ходатайства может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе. В случае отказа суда в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного к пожизненному лишению свободы повторное обращение с ходатайством может иметь место не ранее чем по истечении трех лет со дня вынесения постановления суда об отказе.

Отказ суда в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания не препятствует внесению в суд представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Условно-досрочно освобожденные, если они были направлены в исправительные учреждения в случаях, предусмотренных законом, могут вновь обращаться с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания не ранее, чем по истечении одного года со дня вынесения определения об отмене условно-досрочного освобождения.

Порядок подготовки и направления в суд представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания

Основанием для подготовки и направления в суд представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания является решение администрации учреждения о целесообразности

представления положительно характеризующегося осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом обязательным условием является фактическое отбытие осужденным части срока наказания, установленной статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При отбытии осужденным установленной законом части срока наказания администрация учреждения обязана рассмотреть вопрос и принять решение о целесообразности либо нецелесообразности представления его к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

На каждого осужденного, которому неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, начальник отряда (старший воспитатель) оформляет характеристику, в которой должны содержаться подробные сведения о личности осужденного, его поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, отношении к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности представления к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо о нецелесообразности с соответствующими обоснованиями. Высказывается также мнение о возможности освобождения от дополнительных наказаний при наличии таковых у осужденного.

Характеристика подписывается начальником отряда (старшим воспитателем). согласовывается с заместителем начальника исправительного учреждения по воспитательной работе, начальниками отделов оперативного, безопасности (в ВК-режима), психологом, социальным работником и утверждается начальником исправительного учреждения.

Рассмотрение вопроса о целесообразности представления осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, осуществляется комиссией¹ исправительного учреждения, состав которой утверждается приказом начальника исправительного учреждения и обновляется по мере необходимости (в воспитательной колонии учебно-воспитательным советом). В работе комиссии (учебно-воспитательного совета) могут принимать участие представители органов местного самоуправления.

В состав комиссии входят: начальник учреждения, его заместители, начальник отдела специального учета, психолог, социальный работник, представители служб: воспитательной, оперативной, безопасности (режима), производственной, медицинской и других. Начальник учреждения (председатель комиссии) назначает из состава комиссии секретаря.

¹ Часть 3 статьи 87 УИК Российской Федерации.

В состав учебно-воспитательного совета входят начальник воспитательной колонии, его заместители, начальники отделов и служб, директор общеобразовательной школы, директор профессионального училища, заместитель директора школы, начальник психологической лаборатории (психолог), старшие воспитатели, а также наиболее опытные сотрудники колонии. Начальник воспитательной колонии (председатель учебно-воспитательного совета) назначает из состава совета секретаря.

На заседание учебно-воспитательного совета могут приглашаться члены органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также представители попечительского совета при ВК, председатели родительских комитетов отрядов воспитательной колонии и представители совета коллектива колонии.

Заседания комиссии (учебно-воспитательного совета) проводятся в присутствии осужденных, вопрос о которых рассматривается. На заседаниях могут присутствовать и другие осужденные, отбывающие наказание в данном исправительном учреждении.

Заседания проводятся по мере поступления надлежащим образом оформленных характеристик на осужденных. Заседания являются правомочными, если в них принимает участие не менее половины состава комиссии (учебно-воспитательного совета).

Материалы на осужденных, необходимые для решения судом вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, оформляются отделом специального учета учреждения.

Комиссии (учебно-воспитательному совету) представляются личное дело осужденного и следующие документы:

- характеристика на осужденного за весь период, отбывания наказания (приложение № 1);
- справка о поощрениях и взысканиях (приложение № 2);
- дневник индивидуальной воспитательной работы с осужденными;
- определение суда о прекращении лечения, если к осужденному применялись принудительные меры медицинского характера, или медицинская справка о состоянии здоровья;
- справка о частичном или полном погашении осужденным иском по возмещению причиненного им ущерба;
- выписка из протокола заседания совета воспитателей отряда о ходатайстве перед комиссией ИУ о представлении осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания или об отказе в этом (приложения № 3, 4).

При необходимости могут представляться и другие документы.

Мнение о целесообразности представления к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания комиссия (учебно-воспитательный совет) выражает в отсутствие осужденного путем открытого голосования. Окончательное решение по данному вопросу принимается начальником учреждения (председателем комиссии, учебно-воспитательного совета). Заключение о целесообразности представления к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания указывается в характеристике и объявляется осужденному лично под роспись. Заседание комиссии (учебно-воспитательного совета) оформляется протоколом, который подписывается председателем и секретарем.

В случае принятия комиссией (учебно-воспитательным советом) отрицательного решения в отношении осужденного, представляемого к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, ему указываются мотивы этого решения (например: к моменту представления осужденный имеет не снятые в установленном порядке взыскания в период отбывания наказания, неудовлетворительно относился к учебе и труду, не раскаялся в содеянном и др.).

Повторное рассмотрение вопроса о целесообразности представления осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания осуществляется при условии устранения причин, послуживших основанием для отказа, с учетом его дальнейшего поведения, отношения к учебе и труду во время отбывания наказания, отношения к совершенному деянию.

Документы, представленные комиссии (учебно-воспитательному совету) для рассмотрения вопроса о целесообразности представления осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также выписка из протокола заседания в части, касающейся осужденного, приобщаются к его личному делу.

На основании решения комиссии (учебно-воспитательного совета) на положительно характеризующегося осужденного секретарем готовится представление о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (приложение № 5), которое подписывается начальником учреждения и вносится в суд. В представлении о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию.

В случае отказа суда в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания повторное внесение в суд соответствующего представления может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе.

Вся процедура рассмотрения вопроса о целесообразности представления осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания должна быть пройдена заново.

Осужденные к ограничению свободы в порядке замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, если они были направлены в исправительные учреждения в случаях, предусмотренных законом, могут вновь быть представлены к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания не ранее чем по истечении одного года со дня вынесения определения о замене более мягкого вида наказания лишением свободы.

Управление по воспитательной работе с осужденными

Приложение № 1
к Рекомендациям

«Утверждаю»

Начальник ИУ _____

(звание, подпись, фамилия и инициалы)

« » _____ 200 _ г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Осужденного, содержащегося и исправительном учреждении

Фамилия, имя, отчество _____

Год, месяц, число рождения _____

Домашний адрес: _____

Когда и каким судом осужден _____

Ст. УК Российской Федерации, по которой осужден _____

Срок наказания _____

Начало срока _____ конец срока _____

Часть срока, по отбытии которой возможно условно-досрочное освобождение от отбывания наказания или представление к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (нужное подчеркнуть) _____ Дата _____

(1/3, 1/2, 2/3)

Прежняя судимость _____

ХАРАКТЕРИСТИКА

(данные о поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, об участии в общественной жизни коллектива, взаимоотношении в

коллективе, взаимоотношении с родителями, характер, отмечаемые изменения и личности и пр.) _____

Начальник отряда _____

Заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения (представления к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания) _____ « _____ »

«Согласовано»

Начальник оперативного отдела _____

Начальник отдела безопасности (режима) _____

Психолог _____

Социальный работник _____

«Согласовано»

Заместитель начальника ИУ

по воспитательной работе _____

(звание, подпись, фамилия и инициалы)

« » _____ 200 _ г.

Приложение № 2 (Справка о поощрениях и взысканиях)

Приложение № 3 (Выписка из протокола заседания совета воспитателей отряда с ходатайством)

Приложение № 4 (Выписка из протокола заседания совета воспитателей отряда с отказом)

Приложение № 5

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

о замене неотбытой части наказания
более мягким видом наказания

Я, начальник учреждения _____.

рассмотрев материалы на осужденного _____,
(фамилия. имя. отчество)

Осужденный _____ по приговору суда _____

от « ____ » _____ г. по ст.ст. _____ УК Российской Федерации был осужден на _____ лишения свободы

Срок наказания исчисляется с _____

Осужденный отбыл в местах лишения свободы _____

За период отбывания наказания характеризуется (содержатся данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию) _____

ПОСТАНОВИЛ:

На основании ст. 80 УК Российской Федерации, руководствуясь ст.ст. 397, 399 УПК Российской Федерации, представить к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания осужденного _____

(фамилия, имя, отчество)

Начальник ИУ _____

(звание)

(подпись, фамилия и инициалы)

«___» _____ 200__ г.

Постановление мне объявлено

«___» _____ 200__ г.

_____ (подпись осужденного)

Заявление в суд об условно-досрочном освобождении

В Рылский районный народный суд Курской области от Андреева Юрия Ивановича, отбывающего уголовное наказание в учреждении АА 1/10 УИН МЮ РФ по Курской области, отряд 10

Заявление

20 февраля 2002 года я был осужден Коньшевским районным судом по части 2 статьи 158 УК РФ к 3 годам лишения свободы. Начало срока 10 января 2002 г., конец срока – 10 января 2005 г.

В настоящее время я отбыл 2/3 установленного судом срока наказания. Взысканий не имею.

В соответствии со статьями 175 УИК РФ, 79 УК РФ, 396, 397 и 399 УПК РФ,

п р о ш у:

рассмотреть вопрос о моем условно-досрочном освобождении.

Андреев

22 января 2004 г.

Григорий Пасько

Условно, очень условно...

После оглашения приговора один из моих адвокатов, Иван Павлов, сказал мне: «Самое большое ты отсидишь еще год...» Конечно же, он имел в виду УДО – условно-досрочное освобождение, поскольку к моменту постановления очередного, второго по счету, приговора я уже отсидел половину назначенного судом срока.

Постановления военной коллегии Верховного суда РФ на мою кассационную жалобу на приговор я ждал в СИЗО. Она последовала через полгода: приговор оставили без изменений, и он вступил в законную силу. Всего, надо отметить, было назначено четыре года лишения свободы. Об отбывании наказания в СИЗО или при СИЗО и речи быть не могло: я был признан виновным в совершении особо тяжкого преступления – «государственной измене». То есть предстояло собираться «на зону». По рассказам бывалых зеков и адвокатов я знал: из зоны никто не уходит раньше отсуженного года, независимо от того, вышел срок УДО или нет. Именно поэтому КГБ в паре с администрацией СИЗО держали меня в тюрьме еще два месяца. Держали бы еще дольше, но мои защитники начали интересоваться причинами задержки с отправкой. У большинства осужденных в нашей стране адвокатов нет. Поэтому и интересоваться некому. Поэтому и сидят эзки без передвижений из СИЗО на зону подчас по полгода, по году... Потом на зоне они могут «просидеть» УДО сверх срока, не подавая документы.

...В колонии строгого режима, куда меня этапировали, обработка началась уже в карантинном бараке. Начальник карантинного отряда предупредил, что в ИХ лагере меньше года до УДО еще никто не отсидел. Так что приготовься, мол, дружок, и ты сидеть и не чирикать. Кроме того, отрядный посоветовал согласиться с предложением надеть красную повязку и вступить в ряды активистов зоны. (Надо отметить, что зона была «красной», «мусорской», то есть вся полнота влас-

ти была в руках администрации, а воровские правила подавлялись законными и незаконными способами.)

От красной повязки я отказался и таким образом еще более отдалил себя от УДО: по устоявшейся в «красной» зоне традиции только активисты имели право претендовать на условно-досрочное освобождение.

Со своими двумя высшими образованиями, двадцатилетним стажем офицерской службы и работы журналистом я мог работать завхозом или библиотекарем. Тем более, что на тот момент и вакансии были. Но я стал столяром-плотником в мебельном цеху на «промке» – промышленной части зоны. Рабочий день фактически начинался в половине восьмого утра и заканчивался около шести вечера. Процесс изготовления мебели, а также окон и дверей, я изучил от начала до конца, то есть от распиловки бревен на пилораме до погрузки готовых изделий на машину. Тем не менее даже добросовестный труд на этом участке не гарантировал своевременное УДО.

В чем я вскоре убедился. Срок УДО выходил у меня 25 декабря. К этому времени я отсидел две трети срока. Заявление на УДО я написал заранее, и его должны были рассмотреть на административной комиссии колонии. Перед этим «бугор» – бригадир – сообщил мне, что он указал мою фамилию в списках на поощрение за хорошую работу. В день заседания комиссии выяснилось, что моей фамилии нет ни в списках поощренных, ни в списках рассматриваемых на УДО. Само заседание меня и позабавило, и расстроило одновременно. Происходило оно так. В клубе колонии на сцене сидели «хозяин» – начальник лагеря и его заместители – по воспитательной части, хозяйственной, оперативной работе... Тетка из администрации зачитывала фамилию, зэк подходил к трибуне и начинал отвечать на вопросы. У одного осужденного «хозяин» спросил, почему он так долго шел к сцене. Тот ответил, что сидел далеко и не слышал свою фамилию. «Хозяин» сказал: «Комиссия принимает решение отказать вам в УДО. В следующий раз будешь лучше слушать...»

Я помню, как зэки готовились к УДО, зарабатывали положительные баллы, прогибались перед «буграми», активистами, отрядником. Старались не нарушать режим даже в мелочах. Беспрекословно цепляли на себя красные повязки. Но стоило накануне комиссии резко ответить сотруднику администрации – и все летело к черту. Если у сотрудника был зуб на зэка – зэку ничего не светило.

Естественно, в такой обстановке буйным цветом расцветало стукачество, чем, собственно, и славились «красные» зоны. Мое положение разнообразили стада соглядатаев. Они ходили буквально по пятам,

лезли с идиотскими советами и вопросами, рассказами о том, как администрация может лишить меня УДО под любыми предлогами. Этот прием называется «посадить на нерву». Нервного ээка можно легко вывести из себя. Он может нагрубить сотрудникам администрации, попасть в штрафной изолятор – ШИЗО. А ШИЗО – это крест на УДО.

Арсенал давления на ээка, решившего «откинуться» досрочно, настолько велик и многообразен, что бывалые осужденные даже не пытаются «дергаться». Кроме того, в среде так называемых «черных» ээков, то есть тех, кто не признает «красных» зон и всех «мусорских наворотов», считается «западло» вообще просить УДО. При мне один мой знакомый по бараку даже специально пару раз в ШИЗО попадал, чтобы его не выпихивали на свободу. Явление это довольно распространено. В этом случае до УДО, как правило, остается полгода. А их, как говорят ээки, на одной ноге выстоять можно. И еще: считается, что отказ от УДО – это своего рода шик, этакая доблесть, пусть и маленькая, но победа осужденного над правилами и требованиями администрации. Сталкивался я и с такими настроениями: люди настолько ненавидят существующую власть, что брезгают брать от нее даже УДО, считая это подачкой.

Признаюсь, меня эти мысли тоже посещали. Я ведь за год до УДО наотрез отказался от помилования, которое мне предложил президент РФ Путин. Как сказали бы ээки, «западло» брать УДО от этого человека. Но я и мои адвокаты также понимали последствия моего дальнейшего длительного пребывания в лагере. Поэтому решено было все-таки попытаться освободиться.

Очередное заседание комиссии должно было состояться в середине января. За несколько дней до Нового года и в течение почти месяца после него произошло столько событий, связанных с моим УДО, что даже сейчас, спустя полтора года, я вспоминаю о них с глубочайшим отвращением. Во-первых, каждый день кто-либо из ээков подходил ко мне и говорил о том, что меня решено убить: нет человека, нет проблемы. Уже, дескать, и «торпеда» – специально подготовленный «отморозок» – найдена. Во-вторых, за мной началась откровенная слежка в течение 24 часов: вовремя ли встал в строй, не надел ли чего лишнего-неположенного (а морозы в Уссурийске стояли будь здоров), хорошо ли таскаю бревна (а у меня радикулиту 20 лет стажа), нет ли чего лишнего в тумбочке... Оперативный работник (он же – «чекист», он же – «куманек») чуть ли не ежедневно убеждал меня в том, что лицо, не признавшее своей вины, к УДО даже не рассматривается. (А я вину не признавал никогда – ни на следствии, ни в двух судах, ни после них...)

Как-то раз меня вызвали к начальнику колонии. Там собрались почти все его замы. Полковник показал письмо, которое я две недели назад отправил жене. «В вашем письме, – сказал он, – есть такая фраза: «Знать бы, какая сволочь вычеркнула меня из списка на поощрение...». Мы считаем, что это – употребление нецензурного слова, оскорбление должностных лиц учреждения и государственной власти в целом. Будет проведено расследование и составлен акт».

Расследование проводили три офицера. Они допрашивали меня около часа, ухитрившись употребить в основном нецензурные слова. Я обратил их внимание на идиотизм ситуации: обвиняют меня в нецензурщине, а сами матерятся беспрерывно. «Иди отсюда, – сказали они, – и об УДО забудь. Вопросы есть?» – «Есть, – говорю. – Кто все-таки та сволочь, что вычеркнула меня из списка?»

На следующий день в цеху, погруженный в свои невеселые мысли, я случайно порезал резакону руку. Рана оказалась небольшой, но глубокой. Остановить кровь никак не удавалось, пришлось идти в санчасть. Сразу из санчасти меня отправили к заместителю начальника колонии по оперативной работе. Гэбэшник сказал: «Мы рассматриваем вопрос о возбуждении в отношении тебя уголовного дела по факту членовредительства... Можем и не рассматривать. Тебе надо только признать свою вину...» Я сказал, что вину свою не признал в двух судах и приговор обжаловал в Страсбургском суде, а он, наивный, почему-то считает, что я сделаю это в их сраной колонии. «Ну ты ж понимаешь, – воскликнул подполковник, – что сам себе УДО зарезал?» – «Не понимаю», – ответил я и пошел в цех.

Между тем уже в начале января 2003 г. из газет и телевидения (возможности получать письма, звонить, встречаться с женой и адвокатами я был лишен с середины декабря 2002 г.) мне стало известно, что Конституционный суд РФ признал законным право осужденных напрямую, минуя администрацию колонии, обращаться с ходатайством об УДО в суд. Что я и сделал. Как только я официально, через спецчасть колонии, отправил свое ходатайство, пришла длинная телеграмма от адвоката Ивана Павлова, где он подробно расписал процедуру обращения в суд. Также сообщалось, что на заседание суда приедут Павлов и мой общественный защитник директор Русского ПЕН-центра Александр Ткаченко.

Конечно, я знал, что кумовские сексоты постоянно следят за мной. Поэтому был чрезвычайно осторожен, чтобы не давать ни малейшего повода своим противникам получить хоть какие-то козыри в своем стремлении во что бы то ни стало лишить меня возможности освободиться досрочно. К тому времени я находился в местах лишения сво-

боды уже три года, и законы наши российские изучил неплохо. (Законы, надо отметить, те еще. К примеру, ст.11 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК) называется «Основные обязанности осужденных» и гласит, что осужденные «должны исполнять обязанности». Ст.12 – «Основные права осужденных» – говорит о том, что «осужденные имеют право на информацию о своих обязанностях»). Я понимал, что администрация колонии получила от КГБ приказ всеми способами не дать мне уйти по УДО. В то же время заявление об УДО должен будет рассматривать гражданский суд города Уссурийска – первый гражданский суд за всю эпопею моего преследования с 1997 г. (Меня судили военные суды, а кассационные жалобы рассматривала военная коллегия Верховного суда.)

Недели за две до суда меня вызвали с работы в барак. Во всем чуя подвох и провокацию, я потребовал письменного распоряжения на оставление рабочего места. Дневальный по бараку ушел, а через некоторое время пришел исполняющий обязанности начальника отряда и лично отвел меня в барак. Там, в своем кабинете, он провел заседание так называемого совета отряда. Это когда несколько активистов из числа эков решают, достоин ли эк УДО. Такая вот профанация демократии за колючей проволокой. На меня смотрели осужденные, у которых за плечами было по 10–15 отсиженных лет и по несколько ходок на зону (зона-то строгого режима!). Когда один из них заученным голосом спросил, признаю ли я свою вину и раскаиваюсь ли в содеянном, я обратился к молодому и.о. начальника отряда: «Гражданин начальник! Если наша бригада сегодня не отправит готовую партию дверей заказчику, неприятности будут у всего отряда. У нас там каждый человек на счету...» Отрядник не стал больше задерживать меня.

В УИК сказано, что администрация учреждения не позднее чем через 10 дней после подачи ходатайства об УДО направляет в суд ходатайство вместе с характеристикой. Мое ходатайство не было направлено в суд и через месяц. Поэтому я сам его направлял по почте с регистрацией в спецчасти. Кроме того, адвокат Павлов продублировал мое ходатайство со своей стороны. Таким образом, от колонии требовалась только характеристика. Таковую написали, что даже матерые эки потом удивлялись. Наверняка писали все заинтересованные лица, в том числе из КГБ.

...Плановое выездное заседание Уссурийского городского суда по рассмотрению заявлений на УДО состоялось в лагере 22 января. Меня в списках не было. Куманек злорадно ухмылялся при встречах, многие эки искренне сочувствовали.

22-го после обеда меня вызвали в комнату свиданий. Там дожидались Павлов и Ткаченко. Видимо, я выглядел очень неважно, потому что они чуть ли не в один голос сказали, что суд по моему заявлению состоится завтра и что скоро весь этот ад закончится.

23 января в два часа дня меня вызвали в один из кабинетов администрации. Там уже были судья уссурийского городского суда, прокурор из краевой прокуратуры (редкое явление на таких заседаниях), трое сотрудников колонии, в том числе и.о. начальника отряда, Павлов и Ткаченко. Я зачитал свое ходатайство об УДО, отметил, что отсидел две трети назначенного судом срока лишения свободы и что нарушений режима содержания под стражей не имел. Отрядник зачитал характеристику: активистом не был, в художественной самодеятельности не участвовал, вину не признал, в содеянном не раскаялся, освобождать нецелесообразно. Прокурор, который видел меня впервые в жизни, поддержал представителя колонии.

Судья открыла толстенный том и зачитала другие характеристики на меня, в том числе из СИЗО. Из СИЗО прислали две характеристики – одна была написана за две недели до суда, другая – за два дня. Первая гласила, что я не имел нарушений, вторая – что имел. После этого суд удалился для принятия решения. Следующие три часа были, пожалуй, самыми трудными за весь прожитый перед этим год. В своем постановлении судья Мария Стебновская пришла к выводу об удовлетворении моего ходатайства. Сотрудники колонии были в шоке. Прокурор пытался что-то возражать тут же, в зале, где только что было оглашено постановление суда. В коридоре Павлов и Ткаченко сразу же подошли к сотруднице колонии и спросили, когда реально я могу быть освобожден. Та сказала: как только постановление из суда поступит к нам в канцелярию. Своего злорадства она не скрывала: обычно на это уходило десять дней. Мы все прекрасно понимали, что за десять дней со мной может произойти все, что угодно. Я ушел в барак, мои защитники – в городской суд. В шестом часу вечера меня вызвали в административный корпус и сказали, чтобы я собрался с вещами. На сборы ушло минут двадцать.

Сегодня трудно сказать, чье решение об УДО фактически сыграло роль в моем освобождении. Вполне возможно, что некие силы вступили в противостояние: одни (гэбэшники) требовали оставить меня в лагере, другие (могу только предполагать, кто это) – отпустить. Пока они договаривались, суд решил поступить по закону, тем более что именно по закону для моего УДО были ВСЕ основания.

Одно можно сказать с уверенностью: если бы не активное вмешательство со стороны моих защитников (адвокатов, правозащитников

из Фонда защиты гласности, ПЕН-центра, «Международной Амнистии», «Хьюман Райтс Вотч»), международных журналистских организаций («Репортеры без границ»), это освобождение вряд ли состоялось бы. Государственно-репрессивный аппарат рассматривает условно-досрочное освобождение не как законную процедуру, а как подарок осужденному, как милость ему, как снисходительность. Дескать, мы тебя жалеем и милуем. Но можем и сгноить в ШИЗО. На отсиженные трети сроков никто внимания, как правило, не обращает. На первом плане – лояльность режиму.

Собственно, в нынешней России эта лояльность вышла на первый план во всех областях жизни. Потому что все – от банкиров и олигархов до ментов и простых людей – понимают: они на свободе – условно. Очень условно...

Право, справедливость, сострадание

За права человека

125009, г. Москва,
Малый Кисловский пер., дом 7,
строение 1, помещение 21
Общероссийское общественное
движение «За права человека»
тел./факс (095) 202-22-24,
E-mail: info@zaprava.ru;
<http://www.zaprava.ru>

Уставной целью Общероссийского Движения «За права человека» является становление правового государства и развитие гражданского общества в России.

Движение защищает права граждан на эффективное правосудие; контролирует законность деятельности судебных канцелярий по гражданским и уголовным делам; регулярно направляет наблюдателей на судебные заседания, на общественнозначимые процессы; собирает материалы для выпусков «Черной книги российского правосудия»; подает жалобы на чиновников, вредящих своими незаконными действиями; помогает составлять жалобы в Европейский суд.

Алексей Рафиев

Удавка УДО

1.

Постепенно картинка собственного бытия продолжает складываться в нечто с уже различимыми контурами. Предательство, трусость, подлость, зависть (равно как и понятия, противоположные по значению перечисленным) похожи на линзы, через которые можно рассматривать жизнь (и свою тоже). Нейтральным не может быть даже прозрачное стекло, поскольку оно отражает целый мир. Нужен лишь тот, кто в него заглянет под определенным углом. УДО сейчас мне очень хочется сравнить именно с таким прозрачным стеклом, безвольно повисшим посередине одиночной камеры, которая существует в каждом человеке.

УДО – это не просто предательство самого себя или предмет зависти со стороны других. УДО – ситуация, в которой человек способен понять о себе больше, чем он сможет когда-либо кому-либо рассказать. Самому себе кое в чем признаться – и то не всякому под силу. Всякому, впрочем, и ни к чему. И так, далее в нашей программе немножко душевного стриптиза в духе популярного и совершенно жуткого телешоу. У нас такое любят. Выходит некто в маске и начинает нести околесицу.

2.

К моменту, когда я узнал, что уйду до звонка, у меня все обстояло более чем в порядке. Не будучи козлом и находясь при этом в режимной зоне, я беспрепятственно перемещался по ее жилой части из локалки в локалку, мог мыться не в банный день, а по своему личному расписанию, меня даже на проверки не всегда поднимали. Ел тоже не с общака. У меня был шнырь. Раза три в неделю я качался железками. Чифирил, с кем хотел, и с кем хотел – не чифирил. Даже мог позволить себе такую роскошь, как общение с любым работающим в зоне мен-

том. При этом в голову никому не приходила мысль, что я стучу. Но вот прогремело известие о том, что через пару-тройку месяцев меня нагонят, и со мной что-то произошло: я начал бояться – всего. Бояться и психовать. Психовать и бояться.

Надо мной спал таджик, которого я над собой сам и уложил – из жалости. До известия о моем скором УДО таджик вел себя скромно и благодарно. Тихо приходил, тихо уходил. Только спал. Но узнав о моей радости, он начал борзеть и дошел в результате до того, что осыпал мою шконку вшами. Преднамеренность этого поступка была прозрачна, но вместо того, чтобы подмолотить охамевшую свинью, я всего лишь наорал на него. Очевидцами описанной истории стали несколько козлов, которые молниеносно поставили мне диагноз. «Ты теперь ручной, как и все вы, удошники», – сказал мне один из них. Если прежде они держались от меня на дистанции, то теперь дистанцироваться пришлось уже мне. От греха подальше я даже сплавил из своей тумбочки общаковый чай. Мои отношения с блатными тоже натянулись. Если прежде все они периодически пользовались моими «добрыми» раскладами с наиболее влиятельными общественниками, программируя их через меня на те или иные поступки, то теперь иные начали поглядывать в мою сторону косо. Меня начали, как и почти всех, довольно беспардонно расталкивать на проверки и даже попытались заставить посещать столовую, в которую я всегда ходил только тогда, когда мне этого хотелось. Короче говоря, чем ближе делался день моего освобождения – тем меньше у меня оставалось свободы. Скажу больше: если бы можно было отмотать назад годы, то я, скорее всего, предпочел бы выйти по звонку. Единственное, что гнало меня, как ошалелого, на волю – оставленная с той стороны колючки семья, которая меня, как выяснилось впоследствии, так и не дождалась. Но есть и другая сторона. Благодаря УДО я получил бесценный жизненный опыт, частью которого пытаюсь сейчас поделиться.

3.

Вот это я записал в свой дневник в один из дней между известием о скором УДО и самим освобождением.

«Самоубийство – это самое условно-досрочное из всего, что можно себе представить в качестве освобождения».

4.

А очевидцем каких историй и сюжетов довелось мне стать! Вот настолько красноречивая и многое объясняющая байка, что не могу ее не рассказать.

В одном со мной бараке появился ээк по имени Гоша. Я особенно не интересовался историями преступлений тех, кто меня окружал, стараясь поменьше контактировать со всем, что казалось «не моим». Гоша пришел ко мне сам, узнав от кого-то о том, что я могу написать ему прошение о помиловании. Получив от него объебон и прочитав его, я впал в ступор. Гоша, находясь в состоянии глубокого запоя, не только зверски и изощренно убил тещу своего брата, но и зачем-то вставил ей – уже мертвой – в задний проход электрозажигалку для газовой плиты. На мой вполне уместный вопрос «зачем ты так сделал?» молодой человек лет около тридцати ответил потрясающе: «Я хотел симитировать самоубийство». Это после того, как жертве было перерезано горло, чему предшествовало долгое избиение! Разумеется, никакого прошения о помиловании писать я Гоше не стал, попросив его вместо этого никогда не садиться на мой шконарь. После меня объебон прочитали еще некоторые заключенные, которым Гоша зачем-то сам давал на ознакомление свою зафиксированную на бумаге тайну. Постепенно во всей зоне к Гоше стали относиться с брезгливостью. Срок ему предстоял впереди приличный. Надо было как-то выживать. И, разумеется, он подался в козлятник, который всегда открыт для таких, как он.

За считанные месяцы Гоша сильно изменился. От застенчивого и всего страшасьегося человечка не осталось ничего. Он ходил самодовольно и прямо, шипел на мужиков, бегал с жалобами в оперчасть и вообще – будто начал отрекаться от всего человеческого. Я освободился задолго до того, как Гошин срок подошел к заветной точке, за которой начинается УДО. Суть в том, что мое УДО и Гошино – не совсем одно и то же. Его срок был в разы дольше моего, и если меня гнало на волю желание вновь обрести жену и дочь, то единственное, к чему стремился Гоша – поскорее скрыться из мира, в котором он был преступником даже среди преступников. Если мое УДО полностью связало мне руки и мысли, то его марафон к досрочному освобождению, наоборот, – все более и более растормаживал марафонца.

5.

Ненавижу вспоминать тюрьму и зону. Выскочить оттуда поскорее, думаю, хотели бы все попавшие туда – любой и каждый, даже если на словах порой декларируется совершенно противоположное. По УДО у меня на глазах «освобождались» даже иные из тех, кому это было «не по понятиям». В том числе и я сам. Одни перед ментами выслуживались, другие ментов подкупали.

Никогда не забуду алкоголика, за которого кто-то на воле пробашлял пару тысяч американских рублей. Известие про УДО свалилось на мужичка лет сорока с лишним неожиданно. Он слег на шконарь, просветлел лицом и впал в глубокую медитацию.

– Что будешь делать, когда освободишься? – поинтересовался я у просветленного.

– Выпью портвешка, – искренне ответил отсидевший три года чей-то муж и отец.

– А потом? – снова полюбопытствовал я.

– А что потом? – удивился мой собеседник. – Еще выпью. Я ж тут впервые лет за двадцать протрезвел. Надо теперь срочно наверстывать.

Пожалуй, это – одно из самых условно-досрочных освобождений, о каких мне известно. Не хочу сказать, что алкоголика не надо было выпускать. Скорее напротив – сажать таких не за что. Совершенно ведь безразлично, сидел он или нет. Это никак не отразилось ни на зоне, в которой тот отбывал срок, ни на мире с той стороны забора, ни на самом попавшем под пиздарез мужичке. В основном такие и сидят. По УДО они уходят редко, поскольку никому не нужны не только в зоне, но и на воле. Человек, который не нужен сам себе, вряд ли кому-то понадобится. И в жопу гуманизм.

6.

УДО – механизм, с помощью которого нельзя ничего изменить к лучшему, но зато можно жестко манипулировать пространством для получения желаемого результата – тухлой, прогнившей стабильности и незыблемости Системы, основным правилом которой является античеловеческое утверждение «человек человеку – волк».

Я говорю сейчас о корпоративном инструменте тонко сплетенных интриг. Один зэк противостоит другому зачастую не потому что первый в отказе, а второй в прислуге, а потому, что первый не способен прислуживать, а второй не умеет отказываться. Но однажды пойдя на компромисс, уже невозможно так вот запросто развернуться на сто восемьдесят градусов. Фарш невозможно повернуть обратно – и получить на выходе кусок мяса. Вставая на путь УДО, я встаю на путь самоуничтожения. Неизвестно, что лучше – досидеть пару лет или выйти на волю двумя годами раньше, но при этом всю оставшуюся жизнь вспоминать, как приходилось улыбаться тем, кого, по всем законам мужской логики, стоит уничтожить хотя бы потому, что это – зло. Я становлюсь предателем не только когда иду и пишу донос. Все намного тоньше. Предательством может быть банальный, на первый

взгляд, отказ от самой малой ценности, которую человек искренне исповедовал. Все, что я делаю помимо своей воли, – делает меня рабом. От этого не спрячешься ни за каким УДО.

7.

Но никто ведь ничего не слышит. НИКТО НИЧЕГО НЕ СЛЫШИТ! Или делают вид?

Однажды весьма авторитетный преступник вполне даже искренне сообщил мне в задушевной беседе о том, что по любым понятиям и никакой я не козел потому, что вышел за бабки, а не через общественные нагрузки. Мне сделалось как-то странно. Сложно подобрать нужное слово. Я испытал чувство, состоявшее одновременно из жалости к сказавшему эту глупость человеку и ненависти к сломавшей его Системе. Система помогает только в одном – в искусстве самооправдания. Со временем можно так увлечься, что даже забудешь, что ты на самом деле – такой же трус, как и все остальные.

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

В ОЖИДАНИИ КАЗНИ

Артур Кестлер

Диалог со смертью

Меня отвели в камеру.

Я впервые услышал, как захлопнулось за спиной тюремная дверь.

Этот звук ни с чем не спутаешь. У тюремной двери нет ручки ни с внутренней, ни с внешней стороны, ее можно закрыть лишь с силой захлопнув. Когда толстая плита из железобетона резко встает на место, раздается грохот, похожий на выстрел, но тут же замирает, без эха, без отголоска. Скучная, безжизненная акустика тюрьмы.

И вот, когда дверь впервые закрывается, он стоит посреди камеры и осматривается. Думаю, так происходит с каждым.

Сперва окинуть все беглым взглядом, оценить новую обстановку:

койка с металлической сеткой

умывальник

унитаз

зарешеченное окно.

Затем он непременно ухватится за решетку, постарается подтянуться и выглянуть во двор. Это не удалось, только одежду вымазал извештой. Заключение отказывается от дальнейших попыток, однако твердо решает подтягиваться каждый день, пока не научится. Он вообще полон планов: по утрам гимнастика, заняться иностранным языком, главное – не поддаваться. Отряхнув костюм, новичок пускается в первое путешествие – пять шагов в длину, четыре в ширину. Пробует прилечь на койку. Пружинный матрас сломан, пружины впиваются в тело, как шипы. Лежишь словно в гамаке из колючей проволоки. Арестант встает. На лице – гримаса, которая должна выражать мужество и уве-

Публикуется фрагмент из «Автобиографии» Артура Кестлера, не вошедший в подборку глав из этой книги, напечатанную в журнале «Иностранная литература» (2002, №№ 7–8).

ренность в себе. И тут его взгляд падает на дверь, и он обнаруживает, что снаружи к глазу приник глаз, внимательно за ним наблюдающий.

Глаз стеклянно блестит, зрачок неестественно расширен; глаз без лица, без человека, частью которого он должен быть. На миг у заключенного останавливается сердце.

Глаз исчезает; узник, тяжело дыша, прижимает руку к груди и уговаривает сам себя: «Что это я так испугался? К этому надо привыкать, надзиратель выполняет свой долг, он обязан присматривать, так уж заведено в тюрьме. Нет, я не поддамся, не поддамся, со мной у них это не пройдет. Ночью я напихаю бумаги в глазок. Да я и сейчас могу это сделать».

Эта мысль приводит новичка в восторг. Он впервые испытывает подъем, маниакальное желание что-то предпринять. Отныне это желание будет зигзагами чередоваться с приступами депрессии.

И тут узник вспоминает, что у него нет при себе бумаги. Первый порыв – позвонить коридорному или сбежать в магазин за углом. Этот порыв длится менее секунды, пока узник не осознает, наконец, свое положение: он впервые во всей остроте ощущает, что значит оказаться внутри помещения, запертого снаружи.

Но и миг пронзительной тоски недолог – включаются психические механизмы защиты, похожие на самогипноз – заключенный шагает по камере, строит планы, предается иллюзиям.

– О чем бишь я? – рассуждает новичок. – Ах да, напихать бумаги в глазок. Бумагу, конечно, можно будет как-нибудь раздобыть...

«Как» в этом «как-нибудь» не подлежит обсуждению. Скоро новичок овладеет этой техникой – или, вернее, она им. «Когда я отсюда выйду, проблем с деньгами не будет. Как-нибудь уж уладится», или: «Когда я отсюда выйду, не стану больше ссориться с женой. Как-нибудь уж уладится».

«Как-нибудь» отныне все пойдет по-другому.

Этот стереотипный ход мысли показывает, что внешний мир уже отчасти утратил свою реальность, растворился в смутной мечте, исполненной ничем не ограниченных «каких-нибудь» возможностей, превратился в потерянный рай.

Так оно и пойдет – в ближайшие минуты, часы, дни, месяцы, годы. А сколько он уже тут сидит?

Взгляд на часы: прошло ровно три минуты.

Я убежден, что большинство заключенных ведут себя в первые минуты так или почти так. Чем напряженнее ситуация, тем ближе к стереотипу реакция на нее: поднимаясь на трагический уровень бытия, мы не можем избежать банальности. В миг величайшего волнения

человек начинает изъясняться подобно герою грошового романа. Сила слова – в абстракции, осязательность происходящего лишает нас языка.

И уж вовсе непригодным инструментом становится речь, когда нужно передать столь понятное состояние человека, как ужас смерти.

Я слышал за окном отдельные выстрелы, потом залп, и вновь отдельные выстрелы и крики, исступленные вопли, пронзавшие слух, застревавшие в мозгу после того, как кричавший навеки умолк – ухо будто сохраняло их отпечаток. Меня рвало. Потом я лежал на койке и даже изнутри ощущал, сколь жалок мой вид. «У тебя жалкий вид», – сказал я себе, невольно усмехнувшись. Потом я сообразил, что у меня отобрали только ремень, а галстук оставили. Над койкой в стене торчал металлический крюк для одежды. Всего разумнее было бы повеситься на этом крюке – конечно, торчал он чересчур низко, но в газетах мне приходилось читать, как потерявшие место бухгалтеры кончали счеты с жизнью, захлестнув веревку за дверную ручку. Крючок располагался во всяком случае не ниже дверной ручки. Я сделал пробу – ничего не получилось, да и ощущение оказалось не из приятных.

После этого, однако, мне заметно полегчало, я был просто счастлив вновь вдохнуть в легкие воздух, и вонь показалась целебным бальзамом. Хотелось спать, все сделалось безразлично.

Я проснулся второй раз еще до рассвета. Какой-то звук разбудил меня. Я прислушался: кто-то пел, и вроде бы совсем близко. Вероятно, арестант из одиночки напротив. Я поднялся, ощущая, как резко забилось сердце: кажется, он пел «Интернационал». Он пел фальшиво, хриплым голосом, надеясь, что другие смертники поддержат его – но никто не откликнулся. Человек пел один, один в своей камере, в тюрьме, в ночи.

Я часто читал в репортажах о немецких тюрьмах и концлагерях, что в знак политического протеста или последнего «прости» поют «Интернационал», и мне это казалось несколько надуманным, излишне патетическим, но теперь я сам слышал, как человек, знающий, что ему предстоит умереть, поет «Интернационал», и в этом не было ничего от мелодраматического пафоса – жесткий, немелодичный голос будил жалость и сочувствие, он проникал в душу, наполняя ее благоговением. Мой сосед повторял припев дважды, трижды, монотонно и глухо, чтобы хватило надолго, чтобы не воцарилась вновь тишина. Я поднялся и стоял за дверью, вытянувшись, стиснув зубы, сжимая кулак в церемониальном приветствии. Я знал, что в соседних камерах все тоже поднялись на ноги и стиснули дрожащие кулаки в прощальном салюте.

Он пел. Я словно видел его – небритое, разбитое лицо, в глазах мука одиночества.

Он пел. Те, снаружи, услышат его, они придут, забьют его до смерти!

Он пел. Нечеловечески, невыносимо. Как мы любили его! И никто не откликнулся ему – из страха...

Дверь камеры напротив отворилась, я увидел, наконец, ее обитателя, которого про себя называл «медведем». Он прижался к дальнему от двери углу, спиной к стене, поднятой рукой пытаясь защитить лицо. В полумраке я разглядел заросшее бородой лицо и разорванную, жесткую от крови рубаху.

– Вот, парень, – приветливо заговорил старый надзиратель с черпаком. – Мы тебе кофе принесли. В тюрьме тебя бить не будут.

Он зачерпнул полный ковш кофе и протянул его бородачу. Тот обеими руками схватил ковш и стал с жадностью пить. Он чмокал и чавкал, словно лакающая воду собака. Все четыре тюремщика стояли и смотрели на него. Затем другой надзиратель достал из корзины ломоть хлеба. «Медведь» вцепился в хлеб, прижал краюху к себе и уставился на стражников все тем же воспаленным, полубезумным взглядом. Я слышал, как он кричит. Он выговорил с усилием:

– Больше не будут бить?

– В тюрьме не будут – заверил его старый надзиратель.

Он хотел уже захлопнуть дверь, но бородатый, вытянув руку, ухватился за нее и попытался выдать из себя еще один вопрос:

– Когда меня...

Он не договорил.

Старик пожал плечами и закрыл дверь.

Я тоже получил консервную банку с кофе и кусок хлеба, однако к тому времени я уже решил голодать. Крики избиваемых все еще звучали у меня в ушах, словно неотвязная мелодия. Если я ослабею от голода, я быстрее потеряю сознание под пыткой.

Я вылил кофе в унитаз, раскрошил хлеб и отправил его туда же. Мне чудилось, что таким образом я снова беру свою участь в свои руки, продолжаю борьбу, и эта мысль успокаивала меня. Забравшись снова на свой проволочный матрас, я попытался уснуть.

Едва я отключился, как меня разбудил маслянистый голос.

Он проникал сквозь решетку окна с внутреннего двора. Голос перечислил двадцать пять или тридцать имен, я не мог точно сосчитать, путаясь в тройных испанских именах. Каждый из вызванных откли-

кался: «Здесь!», а если запаздывал с ответом, маслянистый голос разражался бранью. Потом он выкрикнул:

– Все из камеры номер 17!

– Все из камеры номер 23!

Эти будут погребены безымянными.

Ночью маслянистый голос звучал еще дважды. Около полуночи – примерно шестьдесят имен, – и незадолго до того, как забрезжил утренний свет. В последний раз он доносился из отдаленного коридора неразборчивым бормотанием, и я не смог даже приблизительно сосчитать число жертв.

И снова наступил день.

Я подумал – нет никакого смысла участвовать во всем этом. Не испробовать ли мне еще раз крюк? Эта идея тоже не слишком привлекала. Тогда, высоко подтянувшись на оконной решетке, я разыскал в пустой, затянутой паутиной раме окна осколок стекла, достаточно острый для моей цели. Я весьма обрадовался находке, но предпочел пустить ее в дело ночью.

Приняв решение, которое счел окончательным, я совершенно успокоился, я был, можно сказать, доволен жизнью, барометр стремительно поднимался. Я испытывал себя, припоминая, как уводили «медведя» и сцены избиения в полицейском участке. Все это оставляло меня совершенно равнодушным. Потом я подумал о друзьях и не почувствовал ни малейшего волнения. Я страшно возгордился своим олимпийским настроением и, согласно законам дешевого романчика, промолвил: «Кто распрощался с миром, того уже ничто в нем не волнует».

Гораздо позднее, уже в севильской тюрьме, обсуждая с товарищем по несчастью различные реакции людей на близкую угрозу смерти, я разгадал загадку столь волшебного превращения: видимостью окончательного решения я купил себе двенадцать безопасных часов. Олимпийское спокойствие проистекало не из самого решения, как я тогда думал, а из двенадцатичасовой отсрочки. До этого я каждый час ждал, не произнесет ли маслянистый голос и мое имя, а теперь, благодаря наивной уловке, я гарантировал себе еще двенадцать часов жизни. Вот чему я радовался.

Около 10 часов вечера меня разбудил грохот и шум в коридоре. Я уже научился различать тюремные звуки и тотчас понял, что прибыл новый этап. Распахивались и захлопывались двери соседних камер – накануне маслянистый голос выкликнул их обитателей. Открылась и моя дверь.

Вошел молодой человек – вернее, его втолкнули и тут же закрыли за ним дверь. Он так и остался стоять, прислонившись к стене, свесив голову. Его рубаша была разорвана, вся в кровавых пятнах – знакомое зрелище, как и разбитое лицо в синяках и запекшейся крови и безумный блеск глаз. В его облике было какое-то анатомическое нарушение – я не сразу понял, что нижняя челюсть вывихнута, выбита из сустава, она торчала вкось, словно неправильно задвинутый ящик стола. Мне сделалось плохо, едва я взглянул на него.

Я пригласил его присесть на койку – молодой человек не реагировал. Взяв его за руку, я подвел его к своему ложу, помог опуститься на него. Он все так же смотрел прямо перед собой. Тронул рукой подбородок и отдернул, будто обжегшись. В растерянности я протянул ему остатки выданного на обед мяса – он отдернул голову. По-видимому, он не мог ни есть, ни говорить. Быть может, не мог и думать – оставались лишь боль, страх да ожидание последнего удара.

Я присел возле него на полу, взял его за руку. Спустя какое-то время он отнял свою руку, медленно, аккуратно просунул ее за пояс и вытащил два окурка. Я взял их, раскурил один, такой короткий, что приходилось закидывать голову, чтобы не обжечь себе нос и губы. Избитый слегка улыбнулся – не губами, глазами – и рукой показал, чтобы я оставил себе и второй окурочек – ему он уже не понадобится.

Мы провели наедине, молча, лишь несколько минут. Потом его забрали. Он даже головы не повернул, когда тюремщики вязали ему руки, стоя в дверях. Его повели налево, к выходу. Я так и не услышал, чтобы за ним захлопнулась дверь. Покойся с миром.

До середины следующего дня я не поднимался с кровати и встал лишь затем, чтобы съесть обед – хлеб и миску испанских белых бобов. Первое знакомство с тюремными бобами, и не слишком-то радостное.

Чуть позже кто-то в нашем коридоре начал требовать воды: «*Agua, agua*», кричал он, колотя кулаками в дверь. Это показалось мне как нельзя более разумным: после бобов мучила непереносимая жажда, а после долгой дремоты вернулась жажда деятельности. Я тоже принялся колотить в дверь, вопя: «*Agua, agua*». Кто-то еще подхватил этот ритм, и вскоре уже все в нашем отсеке били кулаками в дверь и кричали: «*Agua, agua*».

Через несколько минут мы добились своего: надзиратели приволокли огромный чан с водой и стали поить всех по очереди. Мне предложили на выбор: пить из жирной консервной банки с остатками бобов или из черпака. Я предпочел ковш, я выпил три ковша подряд, стараясь при этом чмокать и чавкать, как расстрелянный «медведь».

В субботу, на пятый день, около полудня дверь камеры отворилась. Вместо уже привычных надзирателей я увидел двух жандармов с винтовками, с примкнутыми штыками.

– *Venga*, – позвали они, – иди.

Мы забрались в грузовик, в который набили тридцать-сорок заключенных и вооруженную охрану.

Возле вокзала моторизованная повозка палача остановилось, один из моих стражей прыгнул первым и помог мне спуститься – мешали наручники. Затем вылез и второй. Грузовик тронулся. Все сидевшие в нем смотрели на нас с завистью и презрением – все, даже жандармы: мы оказались посторонними, привилегированными, мы не разделим общую участь этих бедняг. Мы смотрели вслед машине, исчезавшей в облаке пыли. Один из жандармов, повернувшись ко мне, показал жестом, будто нажимает курок – как будто у меня еще оставались какие-то сомнения. Затем он свернул каждому из нас по сигарете, и мы вошли в здание вокзала.

Этот жандарм был высокий детина с лошадиной мордой – торчали длинные и желтые, точно у коня, зубы, нос плоский, глаза добродушно-идиотские, словно у извозчичьей клячи. Звали его Педро.

Второй – маленький, плотный с загорелым, энергичным лицом крестьянина – Луис.

Пока мы стояли в зале ожидания, я спросил долговязого дона Педро, куда меня везут. Он ответил: «В Севилью», – и показал мне отпечатанное на машинке предписание: «Направить А. К. под надежной охраной в Севилью в личное распоряжение командующего Южного фронта национальной армии генерала Кепо де Льяно».

Я-то надеялся, что меня переводят в Бургос или Саламанку. Из всех городов Испании Севилья устраивала меня меньше всех, из всех сильных мира сего у меня имелись особые основания опасаться именно генерала Гонсало Кепо де Льяно.

Не прошло еще и полугодя, как я получил у него аудиенцию. Интервью, данное им, и портрет, мною к этому интервью приложенный, публиковались и в газетах, и в книге. Кепо читал по-французски, скорее всего, эта книга легла к нему на стол вместе с моим досье. Представляю себе его лицо, когда он листал главку «Портрет генерала мятежников» – свой собственный портрет и притом вполне правдивый. Тем хуже для меня. Теперь я попаду к нему «в личное распоряжение».

Мы добрались до Севильи ночью.

В вокзальной комендатуре долго обсуждали, куда же девать меня в такое время – миновала полночь. Служебного автомобиля под рукой не было, трамвай уже не ходил. Дон Луис предложил отвести меня на

ночь в казарму фалангистов. Именно этого я и боялся. Я попросил дона Педро доставить меня в тюрьму. Он усмехнулся: «Не хочешь в казарму?» – «Не хочу», – подтвердил я. Мои провожатые, все еще усмехаясь, зашушукались. Дон Педро заявил, что надо позвонить в генеральный штаб и выяснить, куда меня везти. Они попросили у вокзального служащего справочник, справочника не оказалось, но тот сообщил, что все служебные номера написаны на стене в телефонной будке.

Наконец совместными усилиями нам удалось отыскать телефон генерального штаба Южного фронта.

В коридорах генерального штаба было по ночному тихо и пусто. Лишь в немногих кабинетах еще работали, нас посылали из одной комнаты в другую, никто не знал, кому мы нужны. Наконец мы попали в отдел шифровки. Там сидел приветливый парень – он предложил нам здесь же, на полу, и переночевать. Дон Луис уже уселся и принялся стягивать с ног ботинки, но тут в помещение зашел какой-то офицер и погнал нас прочь: он заявил, что мне место не в шифровальном отделе, а в полиции. И мы потащились в полицию.

Нас провели в провонявший кабинет, где крайне недружелюбный тип оформил протокол и снял отпечатки пальцев. Он кликнул двух вахмистров, на вызов явились две гориллы и вытянулись перед столом начальника. Отсалютовав, один из них деловым тоном спросил:

– *Una flagelacion?*

Una flagelacion в Испании соответствует французскому *passer a tabac* и немецкой «предварительной обработке». Избиение задержанных в участке является совершенно незаконным, но в Европе втихую применяется повсеместно. Я имел дело со многими гуманитарными миссиями и союзами, но что-то не слышал о существовании «Лиги противников предварительной обработки».

Дон Луис почтительно склонился к уху начальника и что-то зашептал ему. Я разобрал лишь: «Англичанин – журналист». «Обработка» отменялась.

Гориллы, несколько разочарованные, повели меня в клетку с железной решеткой. Дон Луис и дон Педро прошли мимо моей клетки чуть позднее – им пришлось задержаться, чтобы оформить служебные бумаги. Я окликнул их и поблагодарил за столь любезное обращение во время поездки. Они, немного смутившись, протянули мне по очереди руку через решетку. Гориллы уставились на нас во все глаза. Мои друзья ушли.

Они не составляли исключения – просто двое из двадцати пяти миллионов испанцев, в большинстве своем добродушных. Если бы они, до того как дорога сдружила нас, получили приказ забить меня до смерти

или расстрелять, они бы исполнили его деловито и без сантиментов. Если бы мы сидели в одной камере, они бы поделились со мной последней сигаретой. Если бы конвоировали меня не они, а «гориллы», теперь я бы, наверное, столь же сердечно прощался с ними.

К восьмому дню я почувствовал, что хуже быть уже не может. Я напоминал себе об участи римских рабов в рудниках, о каторжниках, на всю жизнь прикованных к галере, и пытался утешиться тем, что на мою долю выпало меньшее несчастье – но подобное лекарство не действовало. Когда человеку предстоит ампутация ноги, не утешением, а насмешкой покажутся слова, что другому отняли обе ноги. На определенном уровне страдания сравнение уже бессмысленно.

Примерно в половине пятого среди пучины безграничного отчаяния возник спаситель – парикмахер.

В те дни я часто удивлялся совершенно непривычным для меня психическим реакциям. Необычные обстоятельства вызывали необычный отклик, мое сознание все, целиком, подстраивалось под новые, прежде чуждые для него законы. Я сравнивал самого себя с опытным шофером, вдоль и поперек знающим свой автомобиль, – и вдруг он обнаруживает, что когда он жмет на газ, машина отскакивает куда-то вбок, а когда ударяет по тормозам, начинает выписывать петли. Так, к примеру, появление парикмахера настолько потрясло все мое существо, что мне пришлось ухватиться за рукомойник, чтобы не упасть. С пятнадцати лет мои слезные железы перестали функционировать – теперь они вновь заработали. Бродобрей расплывался и окрашивался во все цвета радуги, обретал нимб, отражаясь в капельках выступившей на глазах влаги. Он пришел, теперь все будет хорошо, материки бедствия и страха с легкостью, будто наполненные газом шарики, воспарили в небеса.

Механика безумия предполагает, что камешек может не только стронуть лавину, но и остановить ее. Нежная пена, которую цирюльник наносил мне на лицо, превращала в такие же белые хлопья и мое отчаяние. Звоните, колокола, звоните, меня бреют, я еще в числе живых!

Дон Антонио, тот симпатичный надзиратель, что накануне дежурил в патио, стоял рядом и наблюдал торжественную процедуру бритья.

Он первым из надзирателей заговорил со мной – в качестве *incommunicado* мне было запрещено общение, и до тех пор надзиратели во время раздачи пищи ограничивались односложными указаниями. Мою камеру окружала тройная стена – молчания, одиночества и страха.

О неоценимое блаженство человеческого тепла! Цирюльник мылил мне щеки, дон Антонио покуривал, сидя на койке, тройная стена

рушилась. Брадобрей спросил, не царапает ли бритва, я отвечал, что бритва просто прекрасная. Дон Антонио спросил, не желаю ли я покурить. Я ответил, что очень хочу покурить. Цирюльник скоблил мне щеки. Дон Антонио свернул сигарету и поднес мне огонек. О Сюзанна, о Сюзанна, жизнь очень хороша!

Под конец я повторил дону Антонио все свои просьбы: деньги, карандаш, мыло, связаться с консулом. Он, как и все остальные надзиратели, обещал тут же все устроить – и все с тем же результатом. Сочетание величайшего добродушия и полной безответственности испанцев все еще поражает меня как некий природный феномен. «*Manana, manana*» – «завтра, завтра», – говорят они с ласковой улыбкой, или «*ahora, ahora*» – «сейчас, сейчас». Эти выражения вполне синонимичны и означают «когда-нибудь, возможно, будем надеяться на лучшее, Аллах велик, не стоит отчаиваться».

Подождав еще немного и с особой настойчивостью повторив во время раздачи пищи свои требования и вновь получив в ответ «*manana*» да «*ahora*», я начал во вторник, 2-го марта, голодовку.

Результат превзошел все ожидания.

Около шести часов вечера дверь внезапно распахнулась, и в мою камеру вошла торжественная процессия. Начальник оказался невысоким, приветливым человечком. Позже я узнал, что он возглавлял тюрьму еще при прежнем режиме. Его не решились уволить – в смысле профессиональных знаний он был незаменим, – однако навязали в помощники фалангиста и ограничили его деятельность исключительно техническими вопросами.

Он сказал, что обязан придерживаться инструкции: я *incomunicado*, и, следовательно, не могу писать письма или вступать в контакт с консулом, не вправе он и повлиять на дальнейшую мою судьбу, однако он постарается вернуть мне конфискованные деньги и предоставит те послабления, какие будут в его власти, если я пообещаю прекратить голодовку.

На следующее утро Ангелито и дон Рамон принесли целую охапку сказочных сокровищ. Они выложили их на койку с видом благодетелей, точно рождественские подарки. Вне себя от радости я любовно ощупывал и осматривал свои богатства:

- огрызок карандаша;
- пять листов писчей бумаги;
- кусок мыла;
- рубашку.

Дон Рамон напомнил, что бумага и карандаш предназначены не для писем, а для «сочинения»: директор полагает, если я стану «сочинять», мне станет легче. Подмигнув, он добавил: все, что я напишу, отправится в цензуру, так что мне следует писать только «красивые вещи».

Я обещал писать только «красивые вещи». Я вновь переживал тот экстаз, то несказанное блаженство, какое испытывал в день, когда приходил парикмахер или когда мне удалось вырвать у библиотекаря первую книгу.

С этого дня я начал вести дневник. Я старался писать исключительно «красиво» – если ночью уводили на расстрел десятерых товарищей, я отмечал: «Проснулся около десяти, дурной сон».

Благодаря счастливому случаю мне удалось вынести дневник из тюрьмы.

Четверг, 11 марта

Когда заключенные возвращаются с прогулки из патио, они проходят по коридору, по четыре в ряд, мимо моей камеры. Они идут медленно, шаркая ногами – у большинства на ногах тапочки или альпартаты. Я стою у глазка и выхватываю глазами из толпы то одно, то другое лицо. Каждый раз, проходя мимо, они читают вывешенные на дверях камеры карточки с именами. Я слышу по пятнадцать, двадцать раз, как они с трудом разбирают мое имя: «Ар-ту-ро Ко-ест-лер». Иной раз кто-нибудь дочитает до конца: «Ин-ко-му-ни-ка-до. О-хо». *Ojo* означает, что я нахожусь под особым наблюдением.

Сегодня днем кто-то бросил мне записку, комок коричневой бумаги для сигарет. Я развернул листок и прочел:

«Товарищ, мы знаем, что вы здесь, что вы друг испанской Республики. Вы приговорены к смерти, но они вас не расстреляют, они слишком боятся английского короля. Они расстреливают только нас, *los pobres y humildes* (бедных и смиренных).

Вчера они снова расстреляли на кладбище семнадцать человек. В нашей камере сидело 100, а осталось только 73 человека. Дорогой товарищ иностранец, нас троих тоже приговорили к смерти, сегодня ночью или завтра они нас расстреляют. Но вы, наверное, останетесь живы, и вы должны рассказать всему миру, как они нас тут убивают за то, что мы хотели свободу, а не Гитлера.

Победоносные войска нашего правительства освободили Толедо, мы вернули Овьедо, Витторию и Бадахос. Скоро они придут сюда и в победном марше проведут нас по улицам. Ждите следующих писем. Крепитесь. Мы любим вас.

Три республиканских милиционера».

Писем больше не было. Потом я узнал, что двоих из них расстреляли в ту же ночь, а третьего помиловали – он получил тридцать лет тюремного заключения, испанский эквивалент пожизненного срока.

Пятница, 12 марта

На дворе *los pobros y humildes* продолжают играть в футбол и в чехарду. Невозможно понять, скольких из них недостает и кого именно. Бумага кончается, я пишу так мелко, что слезятся глаза.

Понедельник, 15 марта

Несмотря на присущее мне чувство собственного достоинства я не могу отделаться от ощущения, будто надзиратели – существа высшего порядка. Неволя, словно малые дозы яда, отравляет все мое сознание. Это не просто психические изменения, не приобретенный комплекс неполноценности – это воспринимается как безусловный, естественный процесс. Когда я писал роман о восстании гладиаторов, я все удивлялся, почему римские рабы, вдвое, втрое превосходившие численностью свободных, не свергли тогдашний режим. Теперь я начинаю понимать, что такое рабский менталитет. Желаю всякому, рассуждающему о массовых психозах, отсидеть годик в тюрьме.

Я никогда не верил, будто диктатура меньшинства держится исключительно «на штыках», но я не знал, сколь живучи атаквистические силы, удерживающие большинство от решительных действий.

Теперь я это знаю.

Понедельник, 12 апреля

Великие, великие события!

Во-первых, меня снова побрили. В это время дежурил новый надзиратель – юнец в форме фалангиста, с пенснэ на носу. Это он вчера в патио петушился и орал на бедных крестьян. Цирюльник закончил свое дело, но надзиратель остался в камере и продолжил разговор. Чуть позже подошли дон Рамон и библиотекарь. Ну просто посиделки за кофе.

Как только в разговоре возникла пауза, молодчик в пенснэ вздумал пошутить: сунул мне под нос револьвер и пообещал рано или поздно вывести меня на расстрел. Дон Рамон, сидевший позади него на койке, делал мне знаки не принимать этого типа всерьез – даже постукал себе пальцем по лбу. Я сказал ему: «Будь ты на моем месте, а я – на твоём, такие шутки не пришлись бы тебе по вкусу». Он очень удивился: «Неужели!» – и стал вести себя приличнее. Потом он стал ругать красных – дескать, они избивают пленных, выкалывают глаза и т.д.

Я возразил, что это ложь, что я так же думал о наших противниках – люди всегда ждут от врагов самого худшего. Юнец в пенсне признал и это и добавил с усмешкой: «Здесь, в тюрьме, с вами обращаются как с кабальеро, пока не расстреляют, но попадись кто из вас на фронте маврам в руки, ему не поздоровится». Я поинтересовался, одобряет ли он, католик, издевательства над человеком. Он смущенно улыбнулся: «Вообще-то нет». А еще мы беседовали об Англии и Дарвине и о том, полетят ли люди когда-нибудь на Луну.

Визит длился два часа. Я гадал, что же все это значит.

Когда я провожал гостей до двери, дон Рамон поманил меня пальцем и показал мне дверь камеры снаружи.

Оказалось, у меня новая табличка – на ней стояло только имя, а пометки «инкоммуникадо» и «оjo» исчезли.

Так вот что произошло! Изоляция – по-видимому, благодаря личной инициативе директора – прекращена.

К семи часам фалангист вернулся и официально уведомил меня, что с завтрашнего дня я буду гулять в патио с часа до трех, во время сиесты. Я спросил, могу ли я теперь написать письмо консулу. Он ответил «да», но письмо нужно писать чернилами, так что придется подождать до утра, поскольку сейчас тюремная лавка уже закрыта.

Да здравствует директор!

Вторник, 13 апреля

Теплые лучи солнца коснулись лица, я вдохнул полной грудью – и в глазах замелькали серые, зеленые и черные пятна; я пришел в себя, уже сидя на земле. Три человека помогли мне подняться – новичок и «Байрон» подхватили под руки, «чахоточный» подтолкнул сзади. Несколько шагов – и все снова в норме.

Мы остановились напротив камеры № 36. Сперва я молча глотал воздух. Наконец-то настоящий воздух, а не густую смесь запахов слежавшейся постели, пищи и параши – в этой вони я жил уже два месяца. Потом завязался разговор.

Прежде всего я спросил, какой им вынесен приговор.

– *La muerte*, смерть, – с улыбкой ответил «Байрон».

– *La muerte*, – повторил «чахоточный».

«Чахоточный» – это известный политик Гарсия Аттадель, а «Байрон» – кубинец, его секретарь. Они три месяца ждут расстрела.

– *La muerte*, – откликается третий, низкорослый андалусийский крестьянин по имени Николас, ополченец, попавший в плен под Альмерией.

Николас раздобыл где-то пучок зеленого салата и усердно его жует, рассказывая свою историю. Предлагает и нам по листочку. Я отказываюсь из-за своей болезни¹, мои спутники с жадностью проглатывают салат.

– Как вы думаете, когда меня расстреляют? – спрашивает он.

– Терпение, малыш, – отвечает вождь республиканцев с чувством превосходства старожила перед новичком. – Всею свое время, мы тут уже три месяца.

Потом мы все втроем принимаемся его утешать. Ему страшнее, чем нам, чернила на его приговоре еще не просохли. Мы болтаем всякие глупости: мол, смертный приговор выносится только для устрашения, на самом деле никого не казнят, мы сами живое тому подтверждение. Он охотно верит нам, под конец мы и сами себе верим, приходим в хорошее расположение духа, и «Байрон» предлагает нам вывесить при входе в патио табличку:

«Только для получивших смертный приговор».

Среда, 14 апреля

Годовщина провозглашения Испанской Республики.

Во время завтрака я передал надзирателю письмо для британского консула, но цензура не пропустила его: надо писать по-испански.

Около полудня письмо, наконец, ушло: я сам видел, как дон Рамон, уже после цензуры, опустил его в почтовый ящик в конце коридора.

В час – какая точность на сей раз – меня снова выпустили в патио. Оба республиканца уже там. Николаса нет.

Я собирался прекратить голодовку, как только уйдет письмо к консулу.

Письмо было отправлено перед тем, как меня вывели в патио. Там я узнал, что Николас расстрелян, и был настолько потрясен, что отложил разговоры на завтра.

Первые два месяца тюремного заключения я провел в полной изоляции. Только теперь, вступив в контакт с другими заключенными, я узнал, что творится вокруг.

После того как меня перевели в Севилью, в течение недели расстреляли тридцать семь человек из большого патио. В конце февраля казней не было; в марте убили сорок пять человек, почти все они были

¹ Кестлер тайно голодал, чтобы ослабить сердце и добиться перевода в лазарет. Из конспирации в дневнике он говорит о «болезни» (за исключением одного случая). – *Прим. перев.*

военнопленные. Во всех случаях применялась одинаковая процедура – та же, которую прошел Николас. Ни одного человека не расстреляли без суда, что правда, то правда, но судебные процедуры обернулись большим бесстыдством, чем избивание схваченных на поле боя, сразу же после сражения, безо всяких формальностей.

Всех военнопленных обвиняли в «вооруженном восстании» – *rebellion militar*. Не знаю, показалась ли эта формулировка особенно остроумной судьям, назначенным Франко, или они воспользовались данной статьей кодекса как наиболее удобной. Это обвинение цинично извращало факты, суд был незаконным, дознание – пародией на настоящее расследование, но приговор приводился в исполнение.

В марте расстреляли сорок пять человек.

В первые тринадцать дней апреля не тронули никого.

В ночь с 13 на 14 апреля в годовщину провозглашения республики увели 17 человек, в том числе Николаса.

Еще через две ночи, с четверга на пятницу, расстреляли восемь человек. В ту ночь я впервые слышал, как это происходило.

Все совершалось очень тихо – вероятно, именно поэтому я раньше ни о чем не подозревал. Но теперь я был настороже.

Мне сказали, что критический момент наступает между полуночью и двумя часами. Несколько ночей подряд я поднимался в полночь и до двух часов стоял на посту, приложив ухо к двери.

В первую ночь, в ночь на четверг, ничего не произошло.

На вторую ночь...

Мне и сейчас становится дурно, когда я вспоминаю эту ночь.

Я спал и проснулся незадолго до полуночи. В глухой тишине тюрьмы, полной кошмаров трехсот спящих заключенных, я услышал бормотание священника и негромкое бречанье его колокольчика.

Открылась дверь камеры – третьей слева от меня, голос выкрикнул чье-то имя. Разбуженный откликнулся: «Que?» – «Что? Что случилось?», – и священник словно в ответ громче забормотал молитву, сильнее размахивая колокольчиком.

Теперь тот, только что разбуженный в своей камере, понял. Он застонал и стал полузадушенным голосом звать на помощь: «*Socorro! Socorro!*»

– Кто ж теперь поможет, – произнес сопровождавший священника надзиратель, без враждебности или сочувствия, просто устанавливая очевидный факт. Человек, которого уводили на смерть, смолк. Спокойный, деловитый тон тюремщика оборвал его жалобы. Потом он рассмеялся.

Он смеялся негромко, отнюдь не на публику – похлопывал себя руками по коленям и хихикал.

– Да вы просто пошутили, – сказал он священнику. – Я сразу догадался: вы шутите.

– Нет, приятель, это не шутка, – отозвался тюремщик все тем же невыразительным голосом.

Его увели.

Я еще слышал, как он кричал во дворе. Минуту спустя раздался залп.

Тем временем священник и надзиратель открыли следующую дверь – № 42, вторую слева от меня. Священник молился, колокольчик звенел, заключенный № 42 плакал, хлюпая носом, точно ребенок. Он звал мать: «*Madre! Madre!*»

И опять: «*Madre! Madre!*»

– Раньше надо было о ней думать, – заметил тюремщик.

Его увели.

Они подошли к следующей двери. Мой сосед ничего не сказал, когда его вызвали. Наверное, он, как и я, слушал, стоя у двери и успел подготовиться. Однако, когда священник закончил молитву, он еле слышно спросил: «Почему я должен умереть?» Священник ответил очень торжественно, только чересчур поспешно: «Вверх себя Богу: смерть – это свобода».

Его увели.

Они подошли к моей камере, и священник отодвинул засов. Я видел его лицо в глазок, почти вплотную. Маленький, черный, сальный.

– Этого не надо, – сказал тюремщик.

Они проследовали дальше. Мой сосед справа тоже не спал. Он ни о чем не спрашивал. Покуда священник читал молитву и звенел колокольчиком, обреченный тихонько запел «Марсельезу». Голос его оборвался на первых же словах, и он тоже заплакал.

Его увели.

Все затихло.

За пять дней на расстрел увели сорок семь человек, рекорд для этой тюрьмы. Лица гулявших в патио посерели, во время игры в футбол двое заключенных вцепились себе в волосы и выдирали их целыми прядями. Тюремщики, дежурившие по ночам, на утро мрачно, подавленно брели по коридору с темными кругами под глазами.

Однажды вечером дон Антонио вернулся в мою камеру уже после раздачи пищи.

– Что ты так мало ешь? – спросил он.

Я ответил, что у меня нет аппетита.

– Боишься? – спросил он.

Немного подумав, я ответил: «Да».

Он ничего не сказал, пожал плечами, протянул мне сигарету и осторожно прикрыл дверь, чтобы она не захлопнулась с грохотом.

Четверг, 22 апреля

Вчера поздно вечером пришло письмо от консула, датировано 20-м. Он получил оба моих послания от 19-го и от 14-го и добивается разрешения посетить меня.

Вновь тяжкий груз отчаяния превратился в воздушный шарик.

Сперва я безумно обрадовался, а потом испытал отвращение к себе: едва я ощутил себя в безопасности, мне сделалась безразлична судьба всех остальных. Это отвращение было столь сильным, что я всю ночь не мог уснуть, хотя на этот раз ничего не произошло. Странно, все объективно благоприятные повороты судьбы – письмо из дома, деньги, вмешательство консула – ссорят меня с самим собой. Слово категорический императив приказывает мне разделить бремя других людей (это только вопрос личного вкуса, что я предпочитаю говорить бремя, а не «крест»).

Но из этого же источника происходит и пламенное желание прикончить низенького, черного, жирного священника, являющегося по ночам со своими колокольчиком.

Среда, 12 мая

Десять минут назад мне приказали собирать вещи – меня освобождают.

Я сунул в карман зубную щетку и стал ждать.

После сиесты дверь камеры распахнулась, меня огрели свободой точно дубиной по лбу. Оглушенный, я возвращался в жизнь на подгибающихся ногах – так бы шел и навстречу смерти, сложись все по-другому.

Стоя в коридоре, я сотрясался от нервного шока, точь-в-точь как тогда, когда кто-то звал в ночи на помощь.

Все, что произошло в следующие минуты, расплывается в моей памяти, будто в плотном тумане, контуры событий размыты.

За столом директора горела лампа, ее окружало радужное сияние, словно фонарь в пасмурный вечер. На месте директора сидел незнакомый мне человек в черной рубашке без галстука. Он подчеркнуто учтиво склонился в мою сторону.

– Сеньор, – заговорил он, – я увожу вас отсюда. Я не могу вам сказать, куда именно, но вам нечего бояться – мы кабальеро.

Мы двинулись по коридору, разрозненные листки дневника выпали из моего кармана, человек в черном помог их собрать:

– Что это у вас, сеньор?

Сверху оказалось письмо от жены со штампом цензуры.

– Личные письма, – ответил я.

– Оставьте их у себя, сеньор, мы – кабальеро.

Мы прошли дальше по коридору, отворилась еще одна дверь, я пожал руки «Байрону» и «чахоточному», оба они испугались:

– Куда вас ведут?

– Не знаю, – ответил я.

– Бог с вами.

Дверь захлопнулась.

Мы вышли в коридор, я пожал руки дону Рамону и дону Антонио.

Мы вернулись в кабинет.

Я подписал обещание не вмешиваться во внутренние дела Испании, а также заявление, что в севильской тюрьме со мной обращались корректно.

Мы снова пошли по коридору – человек в черной рубашке и я. Поднялась железная решетка, потом ключ повернулся в замке, открылся засов. Снаружи – улица.

По улице ехали машины и повозки, запряженные осликами. Люди на тротуаре натывались друг на друга, они не двигались по четыре в ряд. Кто-то, прислонившись к стене, читал газету. Ребенок, сидя в пыли, ел виноград.

В саду перед входом в тюрьму девушки флиртовали с часовыми, черноволосые девушки, втыкавшие за ухо розу, словно Кармен, девушки в платьях и юбках, самые прекрасные девушки на свете.

– Сеньор, – предложил мне мужчина в черной рубашке, – если вы не против, сядем в этот автомобиль.

На улицах раздавался оглушительный шум. Мы едва разминулись с трамваем. Потом город остался позади, мы ехали по проселку. Посреди поля машина остановилась, мы вышли. Послышалось урчание мотора, из кустов вырвался маленький открытый моноплан и подкатил к нам.

Механик выпрыгнул из самолета и поздоровался с нами. Человек в черной рубашке забрался на место пилота, механик помог мне устроиться рядом с ним.

Мы поднимались выше и выше, линия горизонта становилась все длиннее, Севилья исчезала. Кабальеро в черном вытянул губы – я не слышал, но видел, как он насвистывает песенку.

– Куда мы летим, сеньор? – закричал я.

– В другой город, сеньор! – крикнул он в ответ.

Мы поднимались все выше. Горы росли нам навстречу, облака окружали со всех сторон. Кабальеро в черном указал пальцем вниз:

– Это все – территория Национальной Испании, сеньор, – прокричал он. – Здесь уже все люди счастливы.

– Что?

– Счастливы! – повторил он. – Счастливы и свободны.

– Что?

– Свободны!

– Здесь, наверху, – продолжал человек в черном, – начинаешь задумываться о жизни и смерти. Красные – трусы, они не умеют умирать. Можете ли вы себе представить, что значит быть мертвым?

– Мы все были мертвы, прежде чем родились, – крикнул я в ответ.

– Верно, – согласился он, – но тогда отчего же мы боимся смерти?

– Я никогда не боялся умереть, – крикнул я в ответ, – я боюсь умирать.

– Со мной все наоборот, – возразил человек в черном.

Если кабальеро сделает неточное движение, земля ринется на нас и сокрушит нас. Прекрасный конец, подумалось мне, поистине достойный легенды. Нет, смерть не страшна, страшен смертный час. Разве в этом все люди не одинаковы? Но вот кабальеро утверждает, что для него все наоборот. Кабальеро замечательно управляет самолетом, должно быть, и бомбы он умеет метать. Офицеры разбираются в том, как следует умирать, это ведь их ремесло. Их учили этому, это вбито в них: умирать в отличной форме.

Маленький Николас не умел умирать. Он был штатский человек, и ополченцы, гулявшие в патио, тоже. Они не привыкли умирать, они очень боялись. Солдаты народа, солдаты жизни, а не смерти.

Я был рядом, когда их вели на смерть. Они умирали в слезах, тщетно призывая на помощь, они умирали в слабости, как и должен умирать человек. Смерть – чертовски серьезное дело, нельзя превращать ее в героическую оперу.

Мы летели дальше. Кабальеро в черной рубашке размахивал руками и выкрикивал программные лозунги. Ох, я бы выкинул его из самолета, но он был сильнее меня и он сидел за штурвалом.

Перевела с английского Любовь Сумм

Виктория Сергеева

Мир на пути к отмене смертной казни

Справедливость никогда не может быть достигнута лишением человека жизни, нравственность никогда не утверждается легализацией убийства.

Коретта Скотт Кинг

Мир вокруг нас

В сентябре 1998 г. заключенный Энтони Портер, приговоренный к смертной казни, узнал, что через 48 часов его приговор будет приведен в исполнение. Энтони находился в камере смертника уже очень давно, и никто, даже его адвокат, не сомневались, что он виновен. Поэтому когда Верховный суд штата Иллинойс отложил исполнение приговора еще раз, Энтони подумал, что лучше бы его казнили сейчас. Он ни во что не верил, он устал доказывать, что он невиновен, у него не было союзников, у него просто не было больше сил. Задержка с исполнением приговора объяснялась тем, что четверо студентов Северо-Западного университета, обучавшиеся на факультете юриспруденции, решили еще раз расследовать данный случай. Они получили разрешение Верховного суда и принялись за дело. Очень скоро студенты обнаружили некоторые важные моменты, на которые не обратил внимания суд, свидетельствующие, что преступление было совершено другим человеком. Расследование продолжалось полгода. За это время другой человек сознался в совершении этого преступления, и в

В. Сергеева – региональный директор московского филиала PRI («Международная тюремная реформа»). В статье использованы материалы второго Всемирного конгресса против смертной казни, «Международной Амнистии» и «Международной тюремной реформы».

феврале 1999 г. Энтони Портер был признан невиновным и освобожден. Он провел в камере смертника 17 лет!

К концу 1999 г. еще несколько человек, приговоренных к смертной казни и ожидающих исполнения приговора, были оправданы и освобождены. «Наша судебная система разрушена. До тех пор, пока я не буду уверен, что ни один невиновный, будь то мужчина или женщина, не пострадает от несправедливого суда, никто не подвергнется этому наказанию», – заявил губернатор штата Иллинойс после всех этих случаев и в январе 2000 г. ввел мораторий на исполнение смертной казни в штате.

Факты вынесения ошибочных приговоров не являются уникальными только для штата Иллинойс. За последние 20 лет более чем 100 человек в 24 штатах США были освобождены благодаря новым доказательствам, подтверждающим их невиновность. Это примерно один из семи казненных. Никто не знает, сколько на самом деле невиновных людей были лишены жизни за все это время. По данным американской организации «За равное правосудие» по крайней мере 16 человек были казнены, несмотря на недостаточное количество доказательств их виновности. В большинстве этих случаев обвинительные приговоры были вынесены в результате неправомерных действий со стороны прокуратуры или полиции, принятия судом сомнительных свидетельских показаний, улик или признаний, а также недостаточного профессионализма защитников.

В законодательстве 38 из 50 штатов США предусмотрена высшая мера наказания. Кроме того, смертная казнь также предусмотрена в гражданском и военном федеральном законодательстве США. В настоящее время около 4000 человек ожидают исполнения смертного приговора.

Согласно международному праву, назначение смертной казни лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18 лет, запрещено. Однако некоторые страны продолжают выносить смертные приговоры детям. США являются единственной страной в мире, которая открыто признает, что казнит несовершеннолетних, и утверждает при этом, что действует в рамках международного права. Из 38 штатов, в которых предусмотрена смертная казнь, только 16 исключили этот вид наказания применительно к несовершеннолетним. В Китае в 1997 г. вступили в силу поправки в уголовное законодательство, запрещающие применение смертной казни в отношении несовершеннолетних. Однако есть сведения, что казни малолетних правонарушителей продолжают, поскольку суды не утруждают себя установлением точного возраста подсудимого.

Несмотря на закон о ювeнильной юстиции, вступивший в действие в Пакистане в 2000 г., несовершеннолетних продолжают казнить, поскольку действие данного закона не распространяется на северные и западные территории страны, где традиционно живут некоторые племена. В декабре 2003 г. в Иране был принят законопроект, запрещающий применение смертной казни в отношении лиц моложе 18 лет, но закон еще не вступил в силу, так как необходимо его одобрение высшим законодательным органом страны. Утверждение, что смертная казнь не должна использоваться в отношении несовершеннолетних, основано на том, что в силу своих возрастных, психических и эмоциональных особенностей малолетний преступник не в состоянии полностью осознать свои поступки. Поэтому он не может подвергаться таким же наказаниям, как взрослый. Кроме того, подростки наиболее подвержены изменениям и имеют больше шансов на реабилитацию. Смертная казнь в отношении несовершеннолетних в корне противоречит принципу предоставления малолетнему преступнику максимальных шансов на возвращение, рано или поздно, в общество.

Бытует мнение, что наличие в государстве смертной казни является фактором, сдерживающим уровень преступности. В результате многочисленных научных исследований, проводившихся в различных странах мира в разное время, никому не удалось собрать убедительных доказательств того, что смертная казнь влияет на снижение уровня преступности сильнее, чем другие виды наказания. Ни в одной из стран, отменивших смертную казнь, исследователи не находят признаков, указывающих на негативные последствия отмены этого вида наказания. Например, в Канаде число убийств на 100 тысяч населения составляло в 1975 г. (за год до отмены смертной казни) 3,09, в 1980 г. снизилось до 2,41. В 2002 г., спустя 26 лет после отмены смертной казни, число убийств на 100 тысяч населения составило 1,85, что на 40% меньше, чем в 1975-м. Отсутствие четко подтвержденного сдерживающего эффекта высшей меры наказания должно учитываться при разработке государственной политики в отношении смертной казни.

По данным организации «Международная Амнистия» за 2003 год в мире было совершено 1146 казней. 2756 человек приговорены к смерти в 63 странах. Истинный порядок цифр, безусловно, намного выше. 84% всех казней, о которых стало известно, были исполнены в Китае, Иране, США и Вьетнаме.

В настоящее время свыше половины всех государств мира отменили смертную казнь в законодательном порядке или не применяют ее на практике. Статистика такова:

- 80 государств отменили смертную казнь за все виды преступления,
- 15 государств отменили смертную казнь за все виды преступления, кроме исключительных случаев, например за военные преступления,
- 23 государства ввели мораторий на вынесение и исполнение смертной казни, и хотя этот вид наказания сохраняется в законодательстве, на практике он не выносится и не исполняется,
- 78 государств сохраняют и применяют смертную казнь, однако число стран, действительно казнящих осужденных, становится значительно меньше.

Как правило, после отмены смертной казни эту меру наказания восстанавливают крайне редко. С 1985 г. свыше 50 государств отменили смертную казнь в законодательном порядке, и лишь 4 страны из этого списка вернули высшую меру наказания. Одно из этих четырех государств – Непал – на сегодняшний день повторно отменило смертную казнь, а еще одно – Филиппины – сначала вернуло, а потом снова приостановило исполнение приговоров. В двух других государствах, Гамбия и Папуа – Новая Гвинея, смертных казней на сегодняшний день не зафиксировано.

Мир рядом с нами

После распада Советского Союза практически все вновь образовавшиеся независимые государства сохранили в своем законодательстве смертную казнь. На сегодняшний день девять государств бывшего СССР отменили этот вид наказания абсолютно, в четырех странах действует мораторий, и только в двух – Белоруссии и Узбекистане – смертная казнь сохраняется.

К странам, полностью отменившим смертную казнь, относятся Армения, Азербайджан, Эстония, Грузия, Литва, Молдова, Туркменистан и Украина. Латвия отменила смертную казнь за все преступления, совершенные в мирное время.

В Казахстане и Кыргызстане введен мораторий на исполнение приговоров, но не на их вынесение. На июль 2004 г. в Казахстане содержались 27 заключенных-смертников, подпадавших под действие моратория, который был введен в декабре 2003 г. Примерно 140 человек были приговорены к смертной казни в Кыргызстане, где мораторий продлевается ежегодно, начиная с 1998 г. В Таджикистане с 15 июля 2004 г. действует мораторий на вынесение и исполнение смертных приговоров, но ничего не известно о законодательстве, определяющим статус тех, кому смертный приговор был вынесен ранее и ожидавших его исполнения.

Россия – единственная страна из всех 45 членом Совета Европы, до сих пор не выполнившая свое обещание отменить смертную казнь, которое она сделала при вступлении в эту организацию 28 февраля 1996 г. Россия подписала, но до сих пор не ратифицировала Протокол № 6 к Европейской Конвенции по правам человека, касающийся отмены смертной казни в мирное время, который должен был быть ратифицирован в течение трех лет с момента вступления страны в Совет Европы. Вопрос о ратификации Протокола является центральным в ходе процедуры мониторинга за выполнением Россией обязательств, взятых при вступлении в Совет Европы. Затягивание или отказ от ратификации неизбежно приведет к изоляции России в этой организации, нанесет серьезный ущерб международному престижу страны, отрицательно скажется на ее внешнеполитических и внешнеэкономических интересах.

Тем не менее 16 мая 1996 г. Президентом России был подписан Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». С августа 1996 г. по распоряжению Президента Российской Федерации судебные приговоры к смертной казни в исполнение не приводятся. Действующий в настоящее время мораторий на вынесение и исполнение приговоров к смертной казни основан на решении Конституционного суда от 2 февраля 1999 г., в соответствии с которым суды России не могут назначать наказание в виде смертной казни. Свою позицию Конституционный суд мотивировал тем, что в ст. 20 Конституции Российской Федерации предусмотрено право лица, которому угрожает применение смертной казни, на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Между тем такие суды организованы только в 9 субъектах Федерации из 89. Таким образом, по мнению Конституционного суда, обвиняемые окажутся в неравном положении: в одних регионах они смогут воспользоваться правом, гарантированным Конституцией, а в других – нет. Поэтому Конституционный суд предложил судам не выносить приговоры к смертной казни до создания суда присяжных во всех регионах Российской Федерации. Таким образом, хотя формального моратория на применение смертной казни в России нет, тем не менее это наказание не назначается и не исполняется.

Дебаты об отмене смертной казни в России продолжают уже несколько лет. После террористических актов, произошедших за последние полгода, резко возросло количество сторонников смертной казни. Ряд депутатов предложили «заморозить» мораторий на смертную казнь в отношении лиц, осуществляющих террористическую деятельность. Согласно опросу общественного мнения, 82,7% граждан счита-

ют, что смертная казнь является признаком силы государства, 13,7% признают, что наличие высшей меры свидетельствует о слабости власти, и 3,6% рассматривают это как признак растерянности общества.

Беларусь и Узбекистан остаются единственными странами на территории бывшего Советского Союза, продолжающими практику смертных приговоров. Обе страны до сих пор отказываются публиковать полную статистику числа смертных приговоров и осуществленных казней, чем нарушают свои обязательства в качестве членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «предоставлять общественности информацию, касающуюся применения смертной казни». Власти Белоруссии и Узбекистана часто ссылаются на общественное мнение как ключевой аргумент, препятствующий введению моратория на смертную казнь в своих странах. Однако, не предоставляя достоверной информации населению относительно применения смертной казни, они препятствуют формированию действительно правдивого мнения. Кроме того, из-за несовершенных систем правосудия в этих странах вероятность судебных ошибок является очень высокой. Согласно имеющейся статистике, ежегодно в Узбекистане приговаривают к смертной казни около 200 человек. Ни в той, ни в другой стране смертная казнь не применяется в отношении несовершеннолетних, женщин, а также мужчин старше 60 лет.

Согласно законодательству, и в Беларуси, и в Узбекистане родственники приговоренного к смертной казни не информируются о дате казни, и им не предоставляется также возможность последнего прощания с близким человеком. Тело казненного не отдается родственникам для захоронения, и место захоронения не раскрывается. Секретность, окружающая смертную казнь, усугубляет страдания как самих осужденных, так и их родственников.

Однако нельзя не отметить те позитивные шаги, которые сделаны на пути отмены смертной казни в этих двух странах. Так, например, в решении Конституционного суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. говорится, что превентивная роль смертной казни за серьезные преступления не может быть доказана. Суд указывает на то, что в период с 1994 по 1998 г. количество смертных приговоров в республике возросло, а число преднамеренных тяжких убийств, караемых смертной казнью, возросло также. В период 2002–2003 гг. количество смертных приговоров значительно сократилось, точно так же как и число убийств с отягчающими обстоятельствами. В настоящее время в Беларуси содержатся 3 человека, приговоренных к смертной казни. Власти Узбекистана подготовили план действий, касающихся смертной каз-

ни, включая рассмотрение практики отмены смертных приговоров в индивидуальных случаях на пленуме Верховного суда, разработку инструкций по информированию родственников лиц, приговоренных к высшей мере наказания в соответствии с международными нормами, представление проекта закона об изменениях и дополнениях к Уголовно-исполнительному кодексу в 2005 г.

Многие страны региона допускают депортацию людей в страны, где им грозит смертная казнь. Большинство депортаций осуществляются в нарушение международных договорных обязательств. Так, например, Россия депортировала двух человек в Таджикистан и Узбекистан, где оба были приговорены к смерти. Кыргызстан депортировал несколько человек в Китай и Узбекистан, где депортированные подверглись смертной казни.

На пути к всеобщей отмене

С 6-го по 9-е октября этого года в Монреале (Канада), состоялся второй Всемирный конгресс против смертной казни, организованный общественными международными организациями *Ensemble contre la Peine de Mort* («Вместе против смертной казни») и *Penal Reform International* («Международная тюремная реформа») при поддержке *Всемирной коалиции против смертной казни*.

Конгресс собрал более 1000 участников, среди которых были дипломаты, парламентарии, эксперты, юристы, судьи, ученые, журналисты и представители общественных организаций со всего мира. Место проведения Конгресса было выбрано не случайно. Во-первых, Канада является страной, отменившей смертную казнь 28 лет назад, а, во-вторых, расположена в непосредственной близости от стран, продолжающих широкое применение смертной казни (США, Куба, страны Карибских островов). Участники обсуждали стратегические подходы к отмене смертной казни по всему миру, а также вопросы экстрадиции граждан из одной страны в другую, где они могут быть подвергнуты риску вынесения им смертного приговора. В рамках работы конгресса обсуждались различные аспекты высшей меры наказания, среди которых были, например, такие:

«История отмены смертной казни в Канаде»,

«Терроризм, международная юстиция и как судить террористов и диктаторов?»,

«Существуют ли альтернативы смертной казни?»,

«США: снижение количества выносимых приговоров к смертной казни и снижение случаев ее исполнения»,

«Существует ли необходимость бойкотировать Олимпийские игры в Пекине в 2008 году из-за того, что китайское правительство казнило 7 человек?»,

«Как сделать Евразию континентом без смертной казни?» и многие другие.

На конгрессе присутствовали люди, которые были приговорены к смертной казни в прошлом и ожидавшие ее исполнения в камерах смертников в течение нескольких лет. Все они позже были оправданы и освобождены. Многие из них стали членами различных организаций, выступающих за отмену смертной казни.

Среди участников были также родственники жертв. Одна из них сказала в своем выступлении: «Мы знаем по своему опыту, что месть в виде нового убийства – это не ответ на наше горе. Прежде всего нам, родственникам и семьям, необходима помощь и поддержка в примирении со своей потерей, в том, чтобы залечить сердечные раны и вернуться к нормальной жизни. И мы понимаем, что дополнительные смерти не помогут нам в этом».

Второй Всемирный конгресс против смертной казни принял заключительную Декларацию, в которой, в частности, говорится:

«...Сегодня смертная казнь признается как нарушение прав человека и жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство наказание. Конгресс подчеркивает фундаментальную важность ратификации международных и региональных договоров, которые запрещают использование смертной казни.

Конгресс приветствует Турцию, Бутан, Самоа и Сербию-Монтенегро в связи с недавней отменой смертной казни. Он осудил возобновление исполнения смертных приговоров в Ливане, Чаде, Индонезии и Индии и восстановление наказания в виде смертной казни в Афганистане и Ираке. Участники выразили сожаление по поводу сохранения смертной казни в 78 странах, особенно в Китае, Соединенных Штатах, Саудовской Аравии, Иране, Сингапуре, Гватемале и на Кубе.

Конгресс выражает озабоченность тем, что в борьбе против терроризма, как бы необходима она ни была, слишком часто и все больше полагаются на смертную казнь, в то время как международные уголовные юрисдикции не обращаются к смертной казни при преследовании самых серьезных преступлений. Недавние приговоры к смертной казни, вынесенные в Марокко и Индонезии, а также дела в Соединенных Штатах против лиц, подозреваемых в терроризме, являются признаками слабости и фундаментальной ошибкой.

Конгресс осуждает расовую, половую и экономическую дискриминацию, которая оказывает влияние на вынесение и исполнение наказания в виде смертной казни.

Конгресс вновь заявляет, что казни не в состоянии повлиять на боль и страдания жертв преступлений. Конгресс призывает все страны разработать соответствующие механизмы, которые были бы обращены на удовлетворение нужд жертв.

Конгресс одобрил четыре основные рекомендации:

- вынесение смертных приговоров и казни в отношении несовершеннолетних должно быть прекращено. Отмена смертной казни для несовершеннолетних – императивная норма в международном праве, которая должна применяться во всех странах;

- призвать всех представителей политических, юридических, деловых, журналистских и спортивных сообществ побудить власти Китая немедленно приостановить исполнение всех смертных приговоров. Подготовка к Пекинским Олимпийским играм 2008 г. предоставляет возможность оказания интенсивного и постоянного международного давления;

- так же как и на Монреальском конгрессе, движение аболиционистов должно укрепляться и развивать новые связи между американскими аболиционистами и международным сообществом для того, чтобы закрепить недавний прогресс, достигнутый на юридическом фронте и расширить дебаты по вопросу о смертной казни;

- страны-аболиционисты не должны депортировать и подвергать людей экстрадиции в те страны, где они рискуют быть приговоренными к смерти.

В сотрудничестве со странами-аболиционистами и при поддержке средств массовой информации конгресс призывает:

- аболиционистов всего мира – присоединиться к Всемирной коалиции против смертной казни, участвовать со всеми гражданами во Всемирном дне против смертной казни 10 декабря каждого года и поддерживать местные и национальные организации, а также всех тех, кто работает для отмены смертной казни;

- членов парламента – создать в своих ассамблеях группы по сбору и распространению информации и пропаганде отмены смертной казни;

- юристов – усилить поддержку своих коллег, которые защищают лиц, находящихся в ожидании исполнения смертного приговора, и осу-

дить условия содержания и недостаточно эффективные процедуры, к которым имеют доступ эти заключенные;

– содействовать региональным процессам в поддержку отмены смертной казни в Азии, арабском и мусульманском мире, Латинской Америке и Африке, посредством конференций и пропагандистских кампаний;

– города по всему миру – участвовать в движении «Города против смертной казни», организованном Sant' Egidio, устраивая иллюминацию символических мест 30 ноября каждого года;

– аболиционистов в каждой стране – участвовать в подготовительной конференции к третьему Всемирному конгрессу против смертной казни, который будет подготовлен организацией «Вместе против смертной казни» в Стамбуле в июне 2005 г.»

Контактный адрес:
А/я 62 Москва 125047
e-mail: primosc@orc.ru;
тел./факс: +7 095 250 64
www.penalreform.org

«Международная тюремная реформа» (PRI) – это международная неправительственная организация. Региональные программы PRI распространяются на страны Африки, Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы, Центральной и Южной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна. Главная миссия PRI – способствовать реформированию уголовного правосудия и пенитенциарных систем через продвижение демократических и гуманистических идеалов в тех странах, которые выражают готовность к соответствующим преобразованиям.

Александр Бикбов**Личное дело декана?**

В противовес иллюзии нынешняя система контроля над преступлениями избавляет смертную казнь от какого бы то ни было морального смысла. Уголовное наказание и смерть, на систематической основе отправляемые государственным аппаратом (а не по инициативе пострадавших), являются лишь частью тактического арсенала актуального режима господства. А любые квазирелигиозные аргументы, приводимые пламенными сторонниками и искренними противниками смертной казни, отражают лишь нехватку светских средств мышления и выражения в политической борьбе «современной» России. На деле, редко об этом задумываясь и еще меньше желая в это верить, мы ни на минуту не покидаем ржавых недр плохо отлаженной машины социального неравенства, где смертная казнь является лишь одним из возможных следствий ее работы. Тем более чудовищной оказывается любая попытка придать этому разлаженному механизму видимость окончательного природного порядка – намерение, которое, по сути, скрывается за критикой излишней мягкости действующей системы наказаний. Вопрос о смертной казни стал в России (и обладает аналогичным потенциалом в Западной Европе) одним из центральных пунктов столкновения между установками деградирующей системы социальной поддержки и претензиями окрепшего полицейского фундаментализма. И, пожалуй, самое опасное – в этой игре сил наиболее реакционную позицию стремится занять новая российская буржуазия, которая по своему профессиональному положению относится к светской и просвещенной.

Глухое стремление вернуть смертную казнь в привычный реестр системы наказаний – в «пику Европе» – было обозначено с самого момента

А. Бикбов – социолог, член редколлегии интеллектуального журнала «Логос», сотрудник Смольного института свободных искусств и наук.

официальной приостановки исполнения смертных приговоров в 1996 г. Поначалу это имело вид институциональной инерции: по данным Human Rights Watch, в тот год в России было казнено более 50 заключенных. А затем трижды – в декабре 1997, в феврале и мае 1998 г. – Государственная Дума уже открыто отклонила законопроект об отмене смертной казни. Дума созыва 1999 года явила свету очередной образец сплоченной консервативной коалиции: медиатическую известность группа антизападного чиновничества «Народный депутат» приобрела именно неоднократными выступлениями с инициативой возобновления смертной казни. Однако мрачный радикализм этих ревнителей морального порядка уравновешивался их исключительной правительственной лояльностью: каждый раз краткий комментарий В. Путина о невозможности подобного шага мгновенно гасил поднятую кампанию.

И все же в начале 2002 г. кампания внезапно приобрела особый размах, который перевел вопрос о смертной казни из ряда частных инициатив одной депутатской группы в сферу всеобщей законодательной инициативы. В феврале 2002 г. Г. Райков из все того же «Народного депутата» объявил о намерении провести национальный референдум, а в Думе прошло голосование по проекту обращения к президенту «о преждевременности ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 года». За проект проголосовали 266 депутатов, против – 85¹. Каким же был решающий ресурс, послуживший новой активизации и консолидации консервативных сил вокруг вопроса о смертной казни? Импульс, сместивший равновесие в официальной политической борьбе, пришел извне. Ряд медиатических фигур и организаторов событий по вопросу о смертной казни пополнился еще одним участником – деканом факультета социологии Московского государственного университета В. Добреньковым.

В январе 2002 г. он выступил в ежедневных многотиражных газетах с открытым письмом к президенту, где призывал казнить виновных в убийстве его дочери и ее жениха, произошедшем в самом конце декабря 2001 г. При его активном участии поначалу в печати, а затем на телевидении была

¹ Крайне солидарно «за» выступили группа «Народный депутат», фракция КПРФ, фракция ОВР, Агропромышленная группа. В целом голосование по этому вопросу дало отчетливый эффект политической поляризации. Так же солидарно «против» выступили СПС и «Яблоко». Не менее показательной была позиция «воздержавшихся»: фракция ЛДПР в полном составе не принимала участия в голосовании, в пропрезидентском «Единстве» при одном голосе «за» и 36 «против» не стали голосовать и тем самым демонстрировать свою нелояльность большинство – 44 депутата.

запущена новая волна кампании по восстановлению смертной казни, на сей раз выстроенная на двойном сильном аргументе: главный обвинитель был отцом убитой девушки и во всех СМИ-интервенциях фигурировал как профессор, декан крупнейшего университета, социолог. Появилась целая серия хорошо оркестрованных откликов в бумажных и электронных СМИ. Вместе с тематическими выпусками «Независимого расследования» и «Свободы слова» на НТВ, несколькими ток-шоу и многочисленными включениями по теме, перекачывающимися с канала на канал, они произвели гораздо более сильный эффект, чем потерявшие остроту выступления Г. Райкова, каждый раз стремительно капитулирующего перед лицом президента. Благодаря вторжению в публичные дебаты весомого и при этом как будто внешнего для политической игры участника, а также цепной реакции в СМИ, организованной Добреневым, по своим последствиям эта фаза кампании имела гораздо более заметные последствия. Вкупе с голосованием в Думе, проведенным на ее волне, она облегчила сборку консервативного альянса вокруг новой метафорически выразительной фигуры скорбящего профессора, который поспешил закрепить свой политический успех, проведя в МГУ откровенно пропагандистское мероприятие с участием Г. Зюганова и С. Бабурина под громким названием «Гражданский форум «Народ и власть о моратории на смертную казнь».

В 2002 г. Администрация президента и правозащитные организации приложили немало усилий, чтобы компенсировать эффект, произведенный появлением новой фигуры в ранее сложившемся зыбком балансе по вопросу о смертной казни. А сенсационная логика работы СМИ подвела итог этой фазе борьбы за моральный порядок, вернув информации по теме вид кратких заметок в новостных лентах. В сентябре 2004-го президент в очередной раз заявил, что смертную казнь восстанавливать нельзя, и Дума также проголосовала против ее восстановления. Казалось бы, дело декана если не проиграно, то нашло свое скромное место в текущей политической повестке. Но было бы ошибкой полагать, что ситуация необратима. В. Добренев, который в какой-то момент стал выразителем глухого томления парламентского большинства, не прекращает своей активности. Недавно под его редакцией вышел сборник «Нас убивают» (Москва, «Альфа-М», 2004. 640 с. 5000 экз.), где собраны те же открытые письма, фрагменты статей, материалы судебного дела, соболевания, беллетризованные и онаученные аргументы, большая часть которых была пущена в ход еще в 2002 г.

Как и в 2002 г., текст книги не обходится без активной эксплуатации авторитета науки. Наряду с квазирелигиозной риторикой сбор-

ник изобилует аргументацией ценностных суждений (а по сути, одного политического лозунга) при помощи цифр, высказываниями о «каждом человеке сегодня в России», спекуляциями в духе «как социолог могу констатировать, что сейчас у нас нет принятой обществом единой системы социальных норм» (с. 441) или самоописаниями, подобными этому: «Книга... сочетает в себе качества научного труда, строго, объективно и рационально исследующего преступность, и публицистического произведения, рассматривающего преступность как страшное социальное зло, угрожающее каждому из нас» (с. 636). Скрещивая формулы образца «Да спасет Господь Россию!» с требованиями «Нюрнбергского трибунала над российским либерализмом» и максимально высокими оценками числа преступлений, пытаясь говорить одновременно «от имени народа» и «от имени разума», В. Добреневков стремится одним махом совершить политическую мобилизацию всех социальных позиций. Тем самым текст саморазоблачается как наивная пропагандистская акция. А наука, которой, способствуя ее дискредитации, прикрывается составитель, оказывается здесь всего лишь фетишем для внешней, неакадемической аудитории. Однако это вовсе не избавляет книгу от возможного практического использования, где аргумент «ученые доказали» может быть использован с той же убежденностью, что и характеристика В. Добреневкова как профессора, «ведущего социолога» и социолога вообще.

Надо заметить, что приемы фабрикации политического «единодушия» отличаются постоянством во всей кампании, вдохновляемой В. Добреневковым. Той же логике подчинялся и сайт spravedlivost.ru, в форуме которого были представлены только созвучные с позицией декана реплики. А суждения известных интеллектуалов, травестированные при помощи экзаменационных уловок, послушно вторили защитнику природной справедливости и смертной казни. Именно в таком положении оказывался Фуко, который в одной из записей форума представал идеологом жесткого государственного контроля и устойчивого общественного развития: «М. Фуко говорил о том, что каждое преступление есть посягательство на власть и авторитет государства, а способность государства остановить преступника – восстановление этой власти. Способность же государства восстановить свою власть есть его способность нормально функционировать, обеспечивать развитие общества»².

² Соколова Полина (студентка 2-го курса социологического факультета МГУ). Запись в разделе «50 км трупов» от 03/14/2002, форум сайта www.spravedlivost.ru/cgi-bin/forum/forum.pl (в настоящее время в сети недоступен).

В ходе пропагандистской кампании В. Добреньков решает свои частные задачи, однако ее результаты являются политически избыточными и далеко превосходят начальный замысел. Именно эта избыточность, выраженная в предельной теме казни, хотя бы отчасти – через ряд выдвинутых аргументов, с нажимом предлагаемые решения, гипотезы о причинах преступности и т.д. – приоткрывает привычно неоговариваемые и недомысливаемые обстоятельства поддержания социального порядка. Озвученные и переозвученные СМИ призывы В. Добренькова, а также некоторые особенно откровенные (политически наивные) реплики, прозвучавшие в ходе кампании 2002 г., имеют к этому прямое отношение. Модель социального порядка, которая еще окончательно не скомпонована и не переопределена профессиональной политической цензурой, через рассеянные здесь и там вариации откровенно демонстрирует принципы, на которых готова отправлять и уже отправляет власть новая российская буржуазия. По сути, аргументы в пользу смертной казни для убийц дочери декана обозначили намерение на законных основаниях вернуть низшим классам статус опасных.

Далеко не случайно в многочисленных публикациях 2002 г. преступность получает явную социальную характеристику. Это уже не безликие и блуждающие «террористы» образца сентября 2001 г. Это предельно одомашненные и легко обнаруживаемые в пространстве очаги опасности: «наследники Солнцева» (Г. Пунанов), «неспокойный район» (Е. Холмогоров), «подзаборные монстры» (Д. Ольшанский), «нигде не работают» (Л. Сычева), «дворовая урла» (Е. Холмогоров) и т.д. Все эти характеристики гораздо точнее, чем прежде, отвечают на неявный вопрос: кто опасен, кого наказывать? Ответ дается при помощи оператора, который отчетливо связывает преступность с признаками социального низа: тот, кто проводит время во дворе и под заборами, живет в Солнцево, не работает и т.д. В закадровом комментарии и дискуссии передачи «Внимание: розыск» (НТВ, 12 апреля 2002 г.) была не только повторена характеристика «жители печально знаменитого Солнцева», но и произведена не менее симптоматичная типизация: «ничем не выделялись среди остальных», «таких сейчас, к сожалению, много» и т.п. В силу произведенного эффекта конкретные подозреваемые превратились в типичных «таких»: опасность легко скользнула за пределы конкретного района Солнцево, насилие, дремлющее во всех подобных местах, мог теперь выплеснуть на «нас» любой, кто приближается к этому социальному типу. Почти всегда неосознанно и почти так же неотвратимо кампания 2002 г. переносила молодежь из низших социальных слоев в преступную среду.

Отчетливый смысловой сдвиг, охвативший весь массив реплик в крупных СМИ, усиливался традиционным набором классовых характеристик XIX в.: от «бедности» и «пьянства», в которых виноваты сами преступники, до откровенно евгенических констатаций, вроде «испорченных генов» (то есть дурной наследственности, природной предрасположенности к преступлению). Интерпретация преступности вообще и этого убийства в частности исчерпывалась двумя способами. Помимо прямой привязки преступности к социальному низу употреблялись «нейтральные» категории («убийцы», «подонки» без уточнений), тогда как коннотации высокого социального происхождения или высокооплачиваемой работы возможных преступников в этих материалах не появляются вовсе³. Роль косвенных указателей на социальный низ выполняли и многократно звучащие в СМИ характеристики «звери» и «отморозки». За счет контекстуального сдвига ни то, ни другое невозможно прочесть как обозначение респектабельного преступника – речь идет, конечно, об агрессивной, грубой, недисциплинированной силе. То есть снова о выходах из низших слоев. Эта селекция социальных типов словно естественным образом присутствует уже в самом языке высказываний.

До тех пор пока опасность была социально не локализована, дебаты по теме неизменно включали сюжет «профилактика преступности». Но способ подачи в СМИ убийства дочери декана и внука председателя нефтяной компании перекрыл тему «профилактики» четкой социальной оппозицией: «золотая молодежь»/«солнцевские отморозки». Набор признаков, через которые СМИ характеризовали обе жертвы, в социальном отношении был столь же красноречив: безоблачное детство, мягкость и обходительность манер, престижное образование, экономическая состоятельность, необременительные развлечения, динамизм мышления, затратные хобби, гарантированное будущее. Исключительный резонанс, который получило это убийство в СМИ на фоне тысяч «обычных», индивидуализированный и сентиментальный образ жертв, выдающийся на фоне жесткой криминальной статистики, почти демонстративно обосновывался социальной исключительностью жертв. Лозунг «наших детей убивают!», спекулируя образом всеобщей опасности, на деле громко выразил опасения господствующих и сопровождался недвусмысленными требованиями восстановить порядок через жесткие наказания. Имен-

³ Лишь в публикациях на сайтах радикальной консервативной оппозиции термины «ворье» и «убийцы» могут переноситься на жертв убийства, вернее, на их родителей. И, парадоксальным образом, у самого Добренькова, который, пользуясь схожей риторикой, при этом обращается к президенту, также звучит тезис о «криминале во власти».

но так, с подачи В. Добренькова, дискуссии была придана особая консистентность: она сместилась в регистр полицейского подавления.

В свою очередь, парламентские дебаты старательно избегают социальной постановки вопроса, оперируя оппозициями: «как в демократических государствах»/«в угоду Западу», «прощение»/«месть», «бесмысленность мести»/«неотвратимость наказания», «гуманизм к преступникам»/«справедливость в отношении жертв», «снижение уровня преступности»/«преступный беспредел» и т.д. Здесь преступление понимается как базовое, далее не разложимое событие. Фокусируя внимание на связи преступления и наказания, споры парламентариев тоже маскируют принципиальный вопрос о социальных условиях, производящих преступление как социальный факт. В частности, участники дебатов избегают смотреть на «типичного преступника» в системе социального неравенства – картина, которую (если бы они только захотели ее обнаружить) со всей ясностью восстанавливают те источники криминальной статистики, что используются для критики мягкости наказаний. Согласно этим источникам, наиболее распространенный «криминальный тип» – мужчина 25–35 лет, выходец из рабочей среды или безработный (89% преступников), имеющий неполное среднее образование (60%)⁴. То есть подавляющее большинство индивидов, официально признанных преступниками, располагается на нижних ступенях системы социального неравенства. То же подтверждает А. Приставкин в отношении приговоренных к смерти: «На смертную казнь у нас осуждаются, как правило, представители низших слоев общества»⁵.

Совпадение категорий публицистического мышления, которые производят стереотип преступника в СМИ, и категорий юридического мышления, которые определяют и осуждают преступника, неслучайно. В каком-то смысле, оно подтверждает корректность стереотипа. Но в очень узком и далеко не обнадеживающем смысле. Это совпадение – свидетельство принадлежности обеих форм мышления к одному и тому же режиму господства. Парламентариям, публицистам, ученым одинаково трудно разорвать с представлением об опасности снизу и необходимостью этот низ контролировать именно потому, что они принадлежат к господствующим. Актуальная экономика социального неравенства предполагает, что гораздо легче ужесточить режим наказа-

⁴ Кудрявцев В. Н. Современные проблемы борьбы с преступностью в России // Вестник Российской Академии наук. 1999. №9.

⁵ Приставкин А. Почему я против смертной казни? (www.writer.fio.ru/news.php?n=2809&c=1351)

ния преступников из низших слоев, нежели улучшить условия их жизни. Сам Добренъков открыто подтверждает этот тезис со всем наивным цинизмом: «Увеличение числа преступлений связано не только и не столько с тяжелым экономическим положением страны, но прежде всего с отсутствием четкой системы социального контроля» (с. 269).

Ему и его политическим единомышленникам представляется более естественным обеспечить актуальный режим господства жесткими полицейскими мерами, тем самым защитив собственные привилегии, чем задаться вопросом об устранении наиболее кричащих эффектов социального неравенства. В этом смысле, даже если исходный импульс политической активности декана был эмоциональным, он ввел в публичные дебаты ряд очень значимых фигур мысли, готовых превратиться в систему действия. Императив жесткого контроля распоясавшихся низов и вера в то, что только дети новой крупной буржуазии заслуживают обозначения «наших детей», крайне показательны для молчаливой уверенности господствующих в неоспоримости порядка господства. Согласно риторике В. Добренъкова, «криминал» бесчинствует «в стране» и даже проникает «во власть», но происки этой темной силы никак не связаны с игрой, ведущейся на противоположном полюсе системы неравенства – в парламентских кулуарах, в кабинетах высших управленцев, на факультете социологии МГУ.

Запущенная Добренъковым кампания 2002 г. ясно показала, что новая российская буржуазия, начиная с «просвещенной», разделяет логику жесткого полицейского контроля и принципиально готова раздавить те анонимные «массы», которые дважды стигматизированы в их сегодняшнем положении: бедные и опасные. Это заставляет понять, что интерес, определяющий решительную поддержку смертной казни, обладает крайне отчетливой политической окраской. В вопросе о смертной казни решается не судьба отдельного преступника, а параметры системы социального неравенства. Символический смысл казни, предназначенной уничтожить «криминальный тип», которому приданы явные черты социально неблагополучных категорий, укрепляет позиции господствующих и усиливает структурное давление на низшие социальные слои. Говоря кратко, смертная казнь – это превращенная форма растущего социального неравенства.

Погиб Ахмед Отмани

В Марокко 8-го декабря 2004 года в автокатастрофе погиб Ахмед Отмани (Ahmed Othmani) (р. 1943 г.), один из основателей, затем – председатель Международной тюремной реформы (Penal Reform International). Активный участник левого движения 1960-х годов в Тунисе, он был арестован в 1968 г. за свои политические убеждения. В течение десяти лет, которые провел в заключении (1968–1979), он пережил многое: пытки, угрозу казни, одиночество. Из молодого оппозиционера, противостоящего авторитарному режиму Хабиба Бургиба, он превратился в человека, готового продолжать борьбу, но избирающего пути, не связанные с политическим противостоянием.

После выхода из тюрьмы Ахмед Отмани поступил на экономический факультет университета Париж–1. В 1980 году вступил в организацию Международная амнистия (AI). Выполнял здесь различную работу, в том числе был региональным директором этой организации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, основал Тунисское отделение AI, избирался членом исполкома AI. Вел активнейшую правозащитную работу в Африке, Азии, Европе, Америке, в странах арабского мира. В 1993 году он возглавил департамент Образования по правам человека Гражданской международной Миссии ООН на Гаити.

9 ноября 1989 года, в день падения Берлинской стены была образована Международная Тюремная Реформа. Ахмед Отмани сначала был помощником казначея, а с 1994 года стал президентом PRI.

Кроме того, он был членом таких авторитетных международных организаций, как Каирский институт изучения Прав человека (CINRS) и международный Центр изучения тюрем (ICPS) в Лондоне.

Защитник прав человека, он посвятил последние 10 лет своей жизни развитию международной правозащитной организации PRI и реформе уголовной юстиции и пенитенциарной системы во всем мире.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.12.2004 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная